

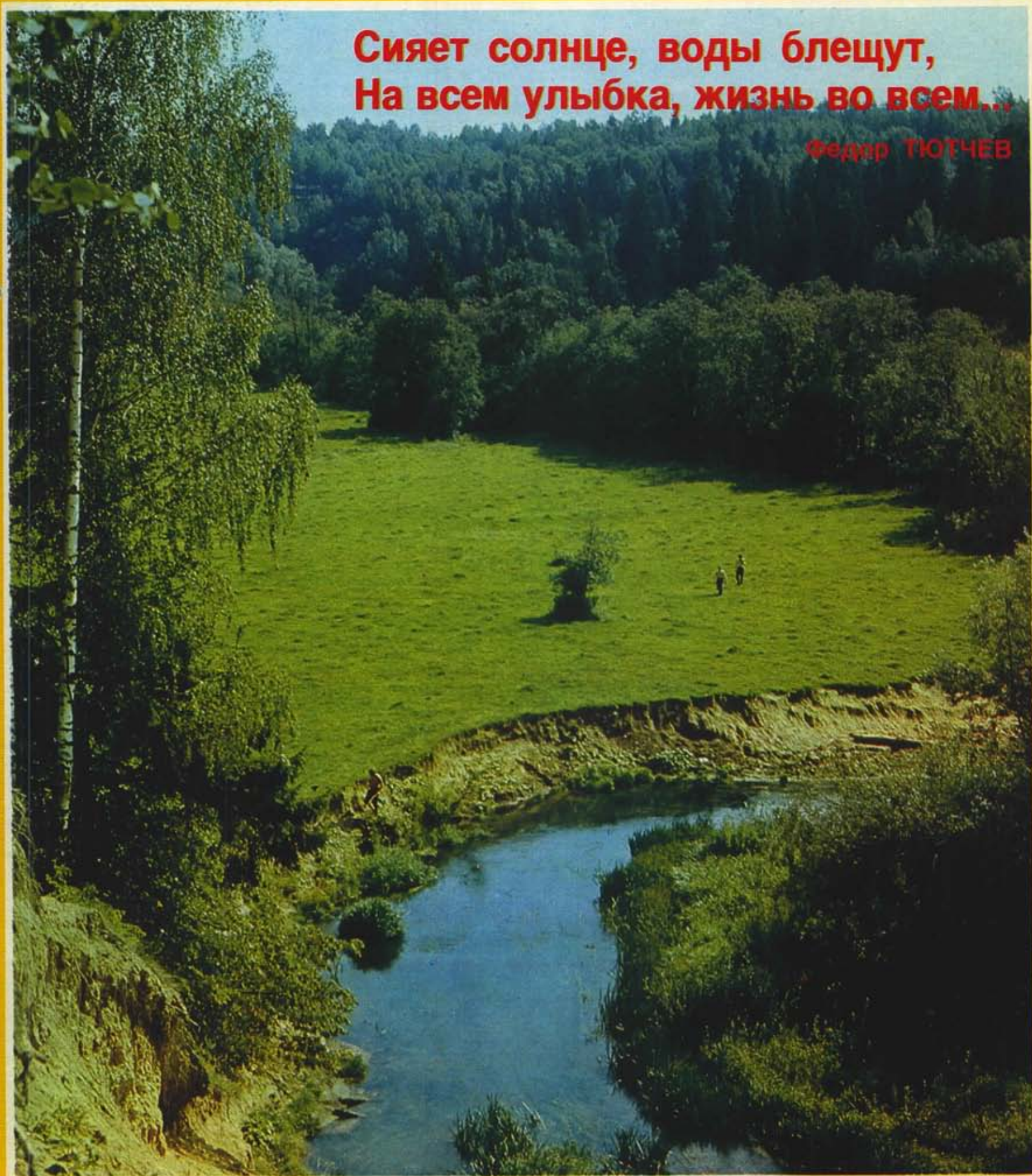

СМЕНА

№ 11 июнь 1980

**Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем...**

Федор ТЮТЧЕВ

МОЛОДЕЖЬ И НТР: ПОИСК НА БАЗЕ ЗНАНИЙ

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ,
член Политбюро ЦК КПСС,
первый секретарь ЦК Компартии Украины

Научно-техническая революция становится все более мощным фактором, ускоряющим экономическое и социальное развитие нашего общества. Весь народ, в том числе советская молодежь, активно трудится над решением выдвинутой партией исторической задачи — соединить достижения НТР с преимуществами социализма.

«Смена» обратилась к члену Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК Компартии Украины товарищу В. В. Щербицкому с просьбой ответить на ряд вопросов о роли молодежи в реализации достижений НТР, формировании личности молодого человека в условиях бурного развития науки и техники.

«СМЕНА». Научно-техническая революция затрагивает все стороны жизни человека. Внешние изменения условий труда и быта очень заметны. А каково воздействие ее на самого человека, в чем наиболее зримо проявляется влияние НТР на молодежь?

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ. При рассмотрении сложных процессов НТР единственно верным, научным является классовый, марксистско-ленинский подход. Положение молодежи, ее роль в общественном прогрессе всегда производны от конкретных социально-экономических условий. Это аксиома. Каждый молодой человек уже занимает или в течение какого-то в общем непродолжительного времени займет определенное место в структуре общества.

И каждый молодой человек, его жизненные устои формируются не просто под воздействием развития производительных сил (ведь НТР — это прежде всего революция в производительных силах), а через сложную систему их взаимодействия с производственными и

другими общественными отношениями, то есть сквозь многогранную призму влияния экономического базиса и надстройки на мировоззрение и нравственные принципы личности. И если говорить о молодежи общества развитого социализма, то формирование ее профессионального и морально-политического облика проходит в условиях планомерно организованной, дружной работы всего советского народа, в богатой духовной атмосфере совместного творчества рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции, всех наций и народностей, всех создателей нового общества.

С точки зрения широкой исторической перспективы, нынешний этап развертывания научно-технической революции может быть охарактеризован как начальный. Но даже первые достижения убеждают, как отмечал на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, «что только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление».

По-иному, на принципиально другом социально-экономическом фоне развивается научно-техническая революция в странах капитала. Социально-экономические последствия научно-технической революции при капиталистическом использовании ее достижений обостряют общественные антагонизмы, во многом губительно сказываются на положении трудящихся, и в первую очередь молодежи. С особой силой бьет по ней всевозрастающая в условиях НТР безработица.

Таковы предварительные, так сказать, методологические замечания по рассматриваемому вопросу.

Если же говорить о непосредственном воздействии НТР на молодежь, то наиболее заметным фактом, лежащим на поверхности, является рост образовательного уровня молодежи. Действительно, обновление и накопление знаний — одна из характерных примет науч-

но-технической революции. Этот процесс проходит в разных странах с различной интенсивностью и отдельные слои молодежи затрагиваются им неодинаково.

Наша молодежь, молодежь эпохи НТР, — это высокообразованная часть народа. Каждый третий молодой человек в возрасте 20—29 лет является специалистом народного хозяйства, имеет высшее или среднее специальное образование. За короткий промежуток времени между двумя последними переписями в расчете на тысячу человек населения этого возраста количество молодых людей со специальным образованием увеличилось в 1,6 раза, а со средним общим образованием — почти в 1,4 раза, более чем вдвое сократилось число лиц с незаконченным средним образованием. Такие высокие темпы роста показателей образования — это результат реализации советскими гражданами конституционных прав на образование и осуществления принятого в СССР в 70-х годах закона о всеобщем среднем образовании. Следует обратить внимание и на то, что увеличение продолжительности учебы сопровождается повышением ее качества.

Для развитого социалистического общества характерным является и возрастание активности молодежи — в общественно-политической жизни, на производстве, в овладении знаниями. Научно-техническая революция наполнила этот процесс еще более богатым содержанием, придала ему новые импульсы. О благотворном влиянии этого свидетельствует возросшая социальная зрелость молодежи. И как закономерное признание ее роли — уменьшен возрастной ценз, дающий право быть избранным в Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик, то есть в высшие органы власти в нашей стране.

Таковы лишь некоторые, наиболее заметные проявления воздействия НТР на молодежь общества развитого социализма.

«СМЕНА». Учитывая многогранность НТР, позвольте несколько сузить вопрос: какая категория молодежи в наибольшей мере ощущает воздействие НТР, находится с ней как бы в непосредственном контакте? И с другой стороны: какая категория молодежи может оказать наибольшее влияние на углубление НТР?

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ. Действительно, молодежь — понятие емкое и дифференцированное. Ученик и студент, молодой рабочий и инженер, аспирант и учащийся ПТУ — все они, объединяясь в рамках этого понятия, имеют самое разное отношение к НТР и, кстати говоря, зачастую разное представление о ней. Тем более, что и сама научно-техническая революция — явление сложное, многоплановое.

Конечно, в настоящее время нет такой категории молодежи, которая в той или иной форме не ощутила бы влияния НТР, не пользовалась ее плодами. Необычайно расширяется и сфера «контактов» молодежи с научно-техническим прогрессом. Она включает заводской цех и школьный класс, стройку и колхозное поле, конструкторское бюро и университетскую аудиторию. Наконец, НТР прочно вошла в наш быт, вошла буквально в каждый дом.

Если в общем плане рассматривать формы приобщения молодежи к НТР, то это, во-первых, постоянное овладение бурно развивающимися знаниями и производственным опытом; во-вторых, широкое применение средств производства, появившихся благодаря НТР, в производственной деятельности; в-третьих, нарастание научно-технического творчества; наконец, повышение культуры использования созданной на основе достижений НТР различной бытовой и информационной техники.

Для общества важно не только признать различные глубины, характера «контактов» отдельных групп молодежи и НТР, но и обеспечить их нужное сочетан-

ние, действительность. Если использование достижений НТР будет ограничиваться лишь накоплением знаний и не будет массового использования, применения средств труда, предметов быта и обихода, рожденных НТР, то это будет выражать застой на каком-то участке общественной жизни. Ведь отношение к средствам производства, к вещам — такой же элемент культуры, как и отношение к знаниям. Задача увеличения производства новой техники, различных предметов потребления, в том числе и созданных НТР, ставится с целью облегчения, улучшения условий труда и быта человека.

Реализация научно-технических достижений в производстве сделала многие чудеса науки и техники доступными каждому человеку, не имеющему порою и представления о сложности задач, возникавших при создании, скажем, его домашнего цветного телевизора.

Но купить вещь в магазине — еще не значит уметь ею пользоваться. К сожалению, порою бывает так, что вещь «овладевает» человеком. Чтобы избежать этого, надо не упустить за внешней стороной полезной красивой вещи те широкие возможности, которые она предоставляет, то есть использовать ее как средство труда, средство развития всех своих способностей.

Хочу пояснить свою мысль на таком примере. Возьмем столь популярное среди молодежи достижение НТР, как магнитофон. Много ли владельцев магнитофонов используют их не просто для музыкальных записей, но и для развития своей общей культуры — совершенствования речи, изучения иностранного языка, записи учебных лекций, наконец, полюболюбивших стихов? Хотелось бы, чтобы это было так. Необходимо активное использование всего разнообразия средств труда, предметов обихода, которые возникли благодаря НТР. Это тоже одна из предпосылок использования творческого потенциала молодежи.

Научно-техническое творчество молодежи, как одна из форм самоутверждения человека, — это предмет отдельного разговора. Поэтому ограничусь лишь несколькими замечаниями. Как отмечалось, образовательный уровень нашей молодежи высокий. Производственного же опыта ей зачастую не хватает. С накоплением опыта возрастает творческая отдача образования. Важно не забывать, что во все времена творчество считалось самой напряженной формой труда. Оно возникает лишь как результат неустанного поиска. Упрощенное представление о свободном, творческом труде как забаве было в свое время подвергнуто основательному критическому анализу классиками марксизма-ленинизма. Но, повторяю, есть много сфер, позволяющих реализовать знания, творчество молодых.

Молодежи, ее поиску и энергии принадлежит заметная роль в осуществлении начертанной XXV сессией КПСС программы дальнейшего подъема производительных сил на основе внедрения новейших достижений НТР. В выступлении Л. И. Брежнев на XVIII съезде комсомола глубоко раскрыта вся ответственность и сложность задач, возлагаемых на молодежь в деле научно-технического развития страны.

Возьмем в этом плане лишь некоторые моменты. Когда заходит речь о НТР, то многие волю или невольно ограничивают задачу развитием науки, научным и техническим творчеством. Под этим углом зрения преимущественно и рассматривается участие молодежи в НТР. Не хочу приуменьшать значение научно-технического творчества вообще и роли молодежи в этом процессе в частности. Однако этим дело далеко не ограничивается.

Орудия и предметы труда, новые энергоносители и технологические процессы, средства информационной техники, то есть все, в чем воплощаются новейшие достижения научной и технической мысли, все более широким потоком поступает на производство. Новые

образцы техники и технологические решения по своим технико-экономическим показателям, как правило, на порядок превосходят прежние. Например, станок с числовым программным управлением (ЧПУ) в пять — десять раз производительнее обычных станков. Но и затраты на его производство также велики — в нем овеществлен труд и ум больших коллективов людей высокой квалификации. Поэтому особенно важно наиболее эффективно использовать сложнейшие и дорогостоящие виды оборудования, предметы труда.

Ведь не секрет, что новая техника и технология, к сожалению, не везде еще используются с наибольшей отдачей. Иногда это связано с недостатками в организации производства. Нередко сказывается и сила привычки, боязнь, недоверие к сложным и новым процессам в связи с недостаточной квалификацией. Независимо от причин, экономический результат выражается в том, что общество не получает намеченную проектом, заданием, планом выгоду. Бывает и так, что вместо экономического эффекта внедрение новой техники приносит убыток, поскольку освоение новой техники, новых технологических процессов растягивается на долгие годы. Так, освоение станков с ЧПУ на ряде предприятий затягивалось на несколько лет. Вот почему эффективное, полное использование всех возможностей, созданных наукой и техникой, — важная задача молодежи, нашего комсомола.

Остановлюсь на одном из актуальных проявлений НТР в сельском хозяйстве. Как известно, здесь пока еще одним из узких мест является кормопроизводство. Сейчас еще выход продукции на затраченную кормовую единицу меньше возможного. Причем это относится не только к мелким фермам, но зачастую и к современным индустриальным комплексам.

Причин здесь несколько. Одна из них — недостаточное, а порою и неправильное применение достижений химии, различных добавок, премиксов, биоферментных препаратов. С целью обеспечения потребностей в этих препаратах у нас построен и строится ряд предприятий. Это сложные производства. При их налаживании возникает немало технологических трудностей. В основном их удается преодолеть. А вот подготовка людей, которые должны широко и, главное, грамотно применять новую продукцию, значительно отстает.

Разумеется, нельзя упрощать эту проблему. Она требует, я бы сказал, качественно более высокого уровня производственной культуры, дисциплины, знаний. Кому же, как не молодежи прежде всего, взяться за организацию химической службы в животноводстве? В первую очередь это относится к студентам зооветеринарных и агрохимических факультетов, которые должны в совершенстве овладеть новыми знаниями. Значительную помощь практике в химизации животноводства и кормопроизводства могли бы на первых порах оказать и молодые сотрудники научно-исследовательских институтов. Думается, за решение этой задачи мог бы взяться комсомол. Дело это конкретное, нужное — и народ наш молодежи за это спасибо скажет.

А вот еще одно поле деятельности. Научно-техническая революция отнюдь не отменила, а наоборот, подтвердила гениальное ленинское предвидение о значении сплошной электрификации для построения коммунизма. Сегодня невозможно представить ни одну отрасль хозяйства без использования электроэнергии. И хотя уже создана атомная энергетика, решены многие задачи овладения термоядерной энергией, в обозримом будущем основой электроэнергетики останутся тепловые электростанции. А это значит, что необходимо дальнейшее увеличение добычи угля. Поэтому шахтеры были и остаются в авангарде научно-технической революции. Строительство новых шахт, ос-

воение новой горной техники — все это самым непосредственным образом влияет на развитие НТР в нашей стране. И, разумеется, свое слово сказать здесь призвана наша молодежь.

«СМЕНА». Владимир Васильевич, в настоящее время требования эффективности вызывают создание крупносерийных, массовых производств со все большей стандартизацией производственных процессов. Остается ли в условиях регламентированного производства место для самостоятельности, инициативы, творчества в принятии решений, то есть для того, что более всего привлекает молодежь?

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ. Естественно, чувство самостоятельности импонирует молодежи. Но весь вопрос в формах проявления самостоятельности. Мерой самостоятельности является ответственность — ответственность человека перед коллективом, перед обществом. А это ноша не из легких. К сожалению, некоторые работники, однажды почувствовав ее тяжесть, не стремятся к ней больше. Так что воспитание самостоятельности в человеке — это задача всей жизни.

Как я уже говорил, партия всегда доверяла и доверяет молодежи очень ответственные участки, в том числе и в производстве. В десятой пятилетке таких участков также немало: здесь и БАМ, и Нечерноземье, комсомольские ударные стройки, студенческие строительные отряды, конструкторские бюро и т. д.

В условиях развитого социализма научно-технический прогресс не только высвобождает силы человека для проявления инициативы на новых направлениях производственной деятельности, не только способствует развитию творческого поиска, но и властно требует широкого участия трудящихся во всех сторонах жизни коллектива.

Истоки этого заключены в нарастающих темпах производства, в необходимости вскрытия все новых резервов роста эффективности за счет внедрения достижений научно-технического прогресса. Отсюда вытекает первоочередная значимость широкого вовлечения непосредственных творцов материальных благ в процессы прогрессивных научно-технических и организационных преобразований.

То, что современное производство все более усложняется, стало особенно динамичным, — общеизвестно. Возросшие скорости движения транспорта, передачи информации, обработки материалов — все это доступно наблюдению, и потому столь впечатляюще проявления наступивших перемен. Многие же процессы скрыты от глаз специалистов. Вот некоторые примеры: за 70 с небольшим лет температура пара в котле турбины повысилась в 3 раза, давление пара — в 20 раз, а мощность агрегата — в 100 раз. Число показателей состояния турбины, которые необходимо учитывать для управления ею, увеличилось в 60—80 раз. Управлять сложной техникой помогает автоматика, но роль человека по-прежнему остается ведущей. Человек должен много знать, многое уметь, хорошо ориентироваться в быстро меняющихся производственных условиях, проявлять инициативу и дисциплину.

Согласен, что молодому человеку или девушке, только появившимся на производстве, даже при высоком уровне образования сразу трудно внести какие-либо изменения в технику, технологию, организацию. А вот обеспечить выполнение норм выработки — задача посильная и обязательная.

Поэтому столь важно целенаправленно развивать способности каждого работника, воспитывать его активную жизненную позицию, учить участию в управлении делами трудового коллектива, отрасли и всего народного хозяйства. В. И. Ленин, как известно, считал нужным добиваться, чтобы рабочий

«чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны». Сейчас, в условиях НТР, совершенствование форм и методов участия трудящихся в управлении производством стало особенно актуально.

Хотел бы особо подчеркнуть значение воспитания у молодежи инициативы, настойчивости в преодолении трудностей, а ведь они везде есть. В связи с этим вспоминается афоризм, который любил академик Сергей Павлович Королев и который нелишне повторить: «Кто хочет сделать дело, — находит средства, кто не хочет, — ищет причину». Кстати, в Киевском производственном объединении, которое носит имя С. П. Королева, эта крылатая фраза в сочетании с призывом «Думай и решай!» по-настоящему стала девизом, законом жизни коллектива.

Полезно всем нам задуматься над этими словами, а особенно молодежи, от которой действительно многое зависит. Ведь люди в возрасте до 30 лет составляют более одной трети работающих в промышленности, а в некоторых отраслях — до половины. Различные формы участия трудящихся в управлении производством при социализме, социалистическое соревнование, встречные планы представляют источник разветвления мощной, поистине «внутриядерной энергии» коллективов.

Л. И. Брежнев на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа подчеркнул: «Ясно одно: там, где сидят, сложа руки, ожидая по любым вопросам указаний свыше, — там успеха не дождешься. И, наоборот, если люди смело берутся за дело, дают простор инициативе, подхватывают деловые начинания, — успех обеспечен». Примеров, подтверждающих эти слова, множество. Скажем, винницкий завод «Терминал» — одно из наиболее молодых предприятий и по времени своего существования и по возрасту работающих. Еще не так давно здесь более 70 молодых рабочих завода не выполняло сменных норм выработки. С начала прошлого года на предприятии активно развернулось соревнование под девизом «Работать без отстающих».

И результаты налицо: не выполняющих норм выработки здесь практически уже нет. Завод выполнил задание пятилетки по темпам роста производства и производительности труда. Четыре пятых продукции выпускается со Знаком качества. Коллектив предприятия удостоен почетной Ленинской грамоты.

Молодежь на этом предприятии активно участвует в техническом творчестве. Большое внимание уделяется здесь производственной эстетике, чистоте рабочих мест, рациональной организации труда, оформлению красных уголков, мест отдыха, уголков природы в цехах. Достигнутому винничанам могут позавидовать многие коллективы.

А о продукции предприятия и говорить не приходится. Модульные дисплеи для вычислительных управляющих комплексов — это весьма современная и очень необходимая стране продукция, и создается она усилиями рабочих и прежде всего молодежи. Все это и есть настоящее свидетельство ее самостоятельности.

Такую самостоятельность, сочетающуюся с пониманием важности и значимости труда других, не только «близких», но и «далеких» людей, важно всячески развивать. Сызмала и смолodu, дома и в школе. Ведь есть еще немало подростков, упрямо ограждаемых любвеобильными родителями от домашнего труда, от работы в летних трудовых лагерях, даже от участия в турпоходах. Хорошо организованный труд, учет и оценка его полезных результатов, своевременное поощрение, соревнование — вот что прежде всего важно для молодых.

И надо сказать, что, к сожалению, не всегда верные акценты в этом отношении делаются и в ряде печатных изданий и в публичных выступлениях. Это

Наша обложка:
фотозюда
Вадима ОПАЛИНА.

- 1** БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ.
В. В. ЩЕРБИЦКИЙ, член Политбюро ЦК КПСС,
первый секретарь ЦК Компартии Украины.
«МОЛОДЕЖЬ И НТР: ПОИСК НА БАЗЕ ЗНАНИЙ».
- 3** Стихи Льва СМЕРНОВА.
- 4** МИР КАПИТАЛА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР.
Александр КОЗЛОВ. «ГОРЕ И ГНЕВ».
АДРЕС СМЕРТИ — БЕЛФАСТ.
КРОВАВЫЙ СЛЕД «СЕРЫХ ВОЛКОВ».
- 8** Рассказ Леонида МАРТЫНОВА «АДАМ И ЕВДОКИЯ».
- 11** КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».
- 12** МОЛОДЫЕ ГОРОДА.
«ИНТЕРВЬЮ ДАЕТ СВЕТОГОРСК».
Фотоочерк Владимира БУТА и Сергея ВЕТРОВА.
- 14** Стихи Бориса ЧИПА.
- 15** Стихи Любови ГОЛОТЫ.
- 18** А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».
- 20** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
Людмила СТИШКОВСКАЯ.
«О ЧЕМ СТРЕКОЧЕТ КУЗНЕЧИК».
- 22** ОЛИМПИЙСКИЕ ЭСКИЗЫ.
Татьяна КАЗАНКИНА, заслуженный мастер спорта,
двукратная чемпионка Олимпийских игр 1976 года
по бегу. «НЕЗАМКНУТЫЙ КРУГ».
- 24** Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 28** Повесть Николая ОГАНЕСОВА «МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

правильно отметил на одном из собран-
ний партийного актива республики стар-
ший мастер завода «Запорожсталь»
В. В. Вихорев: «Послушайте и почитайте
советы отдельных ученых: «Хочешь
быть здоровым — делай физические уп-
ражнения». «Хочешь жить долго — бе-
гай, спи, правильно питайся, не волнуй-
ся». А где же труд? Разве не он источ-
ник и счастья, и здоровья, и долголе-
тия?»

Метко сказано, и подумать здесь есть
над чем: ведь именно труд — а в эпоху
НТР тем более — это основная сфера
жизнедеятельности человека.

«СМЕНА». Внедрение новой техники и
технологии, несомненно, изменяет труд
человека. Но, с другой стороны, именно
при широком внедрении новой техники в
условиях НТР как никогда остро встал
вопрос о профессиональной ориентации
людей, их ранней квалификационной
специализации. Не значит ли это, что,
облегчая труд человека в одном, науч-
но-техническая революция усложняет
его в другом?

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ. По мере развер-
тывания комплексной механизации и
автоматизации производственных про-
цессов существенно меняется прежде
всего само содержание человеческого
труда. Создаются миллионы рабочих
мест, на которых отпадает необходи-
мость выполнения механически однооб-
разных, монотонных и физически утоми-
тельных трудовых операций. В то же
время сокращение профессий, требу-
ющих затрат тяжелого физического тру-
да, сопровождается увеличением коли-
чества профессий, связанных с обслу-
живанием техники, все большими затра-
тами умственного труда.

Большое внимание обращается также
на улучшение условий труда — ликвида-
цию и ограничение технологических
процессов, сопровождающихся неблаго-
приятными условиями. Широко вне-
дряется улавливание и очистка выбро-
сов. Все это, несомненно, улучшает ус-
ловия труда, облегчает его.

Обновление производства сопровож-
дается насыщением его все более слож-
ной и совершенной техникой, различно-
го рода контрольно-измерительной ап-
паратурой. Поэтому следовало бы гово-
рить не только об облегчении, но и об
изменении функций трудовой деятель-
ности — ее интеллектуализации, а так-
же все более быстром «моральном изно-
се» квалификации.

Научно-техническая революция уско-
ряет темпы обновления производствен-
но-технического аппарата. Добавим к
этому фактор интенсификации произ-
водства — изменение режимов работы
оборудования, введение более совре-
менных форм организации труда и уп-
равления — и увидим, что период «ста-
рения» квалификации еще сократится.

Специалисты считают, что «мораль-
ный износ» квалификации в настоящее
время происходит за 7—8 лет. Это
значит, что молодой человек, начавший
сегодня трудовую деятельность, дол-
жен будет несколько раз в жизни
проходить перекалфикации. Как ви-
дим, НТР предъявляет к работникам
повышенные требования в плане обра-
зовательного и квалификационного
роста.

Присмотримся к появившимся относи-
тельно недавно, но ставшим уже массо-
выми, рабочим профессиям: наладчика,
настройщика и машиниста автоматов,
аппаратчика, оператора пультов управ-
ления, программиста, рабочего-лабо-
ранта. В этих профессиях воплощена не
какая-то узкая специализация; в каж-
дой из них интегрированы знания и
навыки, рассыпанные ранее по многим
узким профессиям. Для профессий эпо-
хи НТР необходимы широкий кругозор,
глубокие знания научно-технических ос-
нов производства, способность опериро-
вать знаниями на практике, высокий
уровень общей и профессиональной
культуры.

В то же время, ориентируясь в про-
фессиональной структуре на НТР, учи-

тывая ее достижения, мы не должны
сбрасывать со счетов и факта преобла-
дания пока что в производстве традици-
онной техники и технологии. Участки с
обычной, подчас рутинной техникой и
ручным трудом не то что в один миг, но
даже за 5—10 лет не устранишь, — надо
быть реалистами. Их существование в
ряде отраслей в ближайшей перспекти-
ве неизбежно. И работать там зачастую
придется квалифицированным людям,
ориентированным на новейшие дости-
жения науки и техники. Их долг — на
практике проявить свои знания, искать
новые резервы и пути совершенствован-
ия производства.

Надо помнить также, что современное
производство предъявляет высокие
требования и к здоровью человека, его
физической выносливости, эмоциональ-
ной, психической устойчивости. Сочета-
ние многих противодействующих факто-
ров НТР, характер их взаимовлияния
требуют, чтобы человек постоянно на-
ходился, как говорят спортсмены, в
хорошей форме.

Несмотря на уменьшение нагрузок,
связанных с тяжелыми физическими
усилиями, а во многом именно в силу
этого важно уделять постоянное внима-
ние своему физическому развитию, вни-
мательно подходить к выбору профес-
сии. По подсчетам социологов, в сред-
нем около 20 процентов работников
различных отраслей народного хозяй-
ства по своим психологическим и физи-
ологическим качествам не соответству-
ют требованиям, предъявляемым к из-
бранной профессией. А вот другая циф-
ра: по данным специальных обследова-
ний, до 80 процентов автодорожных
происшествий происходит из-за невни-
мательности, медлительности водите-
ля, по другим психологическим причи-
нам. Что и говорить, несоответствие
человека профессии имеет зачастую
весьма серьезные последствия.

«СМЕНА». Нарастающий темп изме-
нений в производстве ставит перед мно-
гими тружениками проблему повышения
или даже изменения квалификации.

Какие преобразования должны в этой
связи претерпеть системы образования
и подготовки кадров?

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ. На прогнозирован-
ие научно-технического прогресса и
его последствий социалистическое об-
щество затрачивает все большие усил-
ия. Достаточно сказать, что в стране
осуществлена разработка Комплексной
программы научно-технического про-
гресса и его социально-экономических
последствий до 1990 года. В соответ-
ствии с постановлением ЦК КПСС и
Совета Министров СССР о совершен-
ствовании хозяйственного механизма
будет разработана комплексная про-
грамма научно-технического прогресса
на 20 лет (по пятилеткам), которая
каждые 5 лет будет уточняться. Разра-
батываются также частные прогнозы по
отдельным направлениям развития эко-
номики, науки и техники. И все же, даже
представляя общие направления разви-
тия науки и техники, предсказать все
варианты производственной деятельно-
сти для отдельного человека невозмож-
но. Единственный выход — готовиться к
ним. При этом важно обеспечить каждо-
му то оптимальное соотношение между
периодом обучения и периодом участия
в производстве, которое позволило бы
быстрее дать отдачу обществу, а в
последующем постоянно ее увеличи-
вать.

Знания и опыт — вот поистине тот
чудодейственный сплав, который необ-
ходим для успешного решения задачи.
Уже доказано и неоднократно подтвер-
ждено, что накопление опыта происхо-
дит быстрее при большем объеме зна-
ний. При этом в наилучшем положении
оказываются те, кто, помимо общеобра-
зовательной, получил и хорошую про-
фессиональную подготовку.

На XXV съезде КПСС отмечалось, что
в современных условиях, когда объем
необходимых для человека знаний ре-
зко и быстро возрастает, уже невозможно
делать главную ставку на усвоение

определенной суммы фактов. Важно прививать умение самостоятельно пополнять свои знания, ориентироваться в стремительном потоке научной и политической информации. Именно такой подход определяет линию развития всей системы образования.

Исходя из этого, в период обучения необходимо обеспечить курс на лучшее усвоение, с одной стороны, необходимого объема фундаментальных знаний, а с другой — на овладение приемами их практического применения.

За последнее десятилетие в стране осуществлен ряд крупных мероприятий по совершенствованию системы подготовки молодежи к труду. В частности, получила преимущественное развитие система профессионально-технического образования. Например, на Украине в профтехучилищах и техникумах учится сейчас каждый седьмой из всей учащейся молодежи (в 60-х годах — каждый десятый). Причем в последние годы взят курс на ПТУ, дающие среднее образование. И все же работа в этом направлении предстоит серьезная. Поскольку научно-техническая революция требует от человека постоянно пополнять и совершенствовать свои знания, то обучение должно быть органически включено в сам процесс производительного труда.

Важным направлением работы является и профориентация. Понимать ее, видимо, следует не узко, не только в плане конкретной направленности человека на приобретение к определенной профессии. В понятие профессиональной ориентации необходимо закладывать важный социальный смысл. Речь должна идти о сочетании подготовки человека к выбору специальности по способностям с общей идейной закалкой, выработкой коммунистического отношения к труду.

Назрел вопрос и о значительном улучшении работы по профессиональной ориентации молодежи в узком понимании. Напомним, что в Конституции СССР профориентация определена как один из механизмов, обеспечивающих право советских людей на труд. Там сказано, что выбор профессии должен осуществляться в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей.

Жизнь показывает, что существенных успехов в профессиональной ориентации молодежи добиваются там, где этой работой глубоко и предметно занимаются партийные, профсоюзные, комсомольские организации. В нашей республике, в частности, в Днепропетровской, Харьковской, Винницкой, Запорожской, Львовской и других областях, накоплен поучительный опыт профориентации учащихся школ и училищ.

Однако остается еще немало и нерешенных проблем. Слабо поставлена эта работа во многих общеобразовательных школах. Почитайте, к примеру, характеристики выпускников. Если верить этим документам, то все дети похожи друг на друга, как две капли воды, а если различаются, то по успеваемости и в отдельных случаях — по дисциплине. А где оценки способностей, призвания, социальной зрелости? Их зачастую нет. Недостаточное внимание профориентации уделяют и многие отраслевые министерства и ведомства.

Если система образования дает определенный уровень профессиональных и общеобразовательных знаний, то путь к накоплению опыта — это участие в производстве. Причем очень важно работать продолжительное время в одном коллективе, как говорится, вращаться в него.

Несомненно, что и от старших товарищей требуется понимание тех проблем, которые стоят перед молодежью, действительное внимание к ее нуждам и запросам. Мы сталкиваемся иногда с фактами, когда отдельные хозяйственники вместо создания надлежащих условий для быта и отдыха молодежи, что вполне в их силах, ничего не делают для закрепления кадров, а то и дело посят

все нового пополнения. Со своей стороны, мы поправляем таких руководителей, но и молодежь должна более настойчиво, инициативнее ставить и решать подобные задачи.

«СМЕНА». Признавая необходимость дифференцированного анализа влияния НТР на различные категории молодежи, хотелось бы услышать ваше мнение и о тех общих чертах, которые воздействуют на всю молодежь в целом.

Можно ли говорить о влиянии НТР на формирование личности? Привносит ли НТР новые моменты и во взаимоотношения поколений?

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ. Молодость — лучшая пора жизни, время физического и духовного созревания человека, формирования его жизненных устоев. В молодости особенно ярко и непосредственно проявляются такие черты характера, как преданность идеалам, динамизм и романтизм, нравственный максимализм, обостренная чувствительность ко всему новому.

Молодость совпадает с процессом формирования личности. Повлияла ли научно-техническая революция на этот процесс? Думаю, здесь двух мнений быть не может. Да, повлияла. Но характер этого влияния, его направленность и результативность, — я возвращаюсь здесь к тому, с чего начал, — зависят от общественных условий.

Научно-техническая революция повысила ответственность общества за нравственное формирование человека. Раньше процесс формирования личности в значительной мере определялся семьей. Семья — это важная ячейка общества, форма естественного союза поколений. В семье ребенок черпал большую часть информации, здесь преимущественно и формировались его нравственные идеалы.

Конечно, влияние семьи, особенно в обществе, построенном на угнетении и эксплуатации, не всегда совпадало с прогрессом и нуждами общественного развития. Именно в этом социальная подоплека так называемого конфликта «отцов и детей». Поэтому периоды крупных социальных потрясений зачастую приводили к краху многих семей, разрывая естественные связи поколений.

Известно, что буржуазное общество всегда с опаской смотрело на рост образования населения. Тезис о разлагающем влиянии знаний на человека уже давно усиленно муссируется буржуазными идеологами. В настоящее время простого признания этой «опасности» им уже недостаточно. Поскольку реализация достижений НТР, независимо от желания отдельного капиталиста, требует повышения уровня знаний населения, что объективно ведет и к росту общественной сознательности, то в своих узкоклассовых интересах буржуазия стремится широко использовать возможности, созданные современными средствами массовой информации, для насаждения индивидуализма, жестокости, культуры потребительства, так называемой «массовой культуры», для пропаганды антикоммунистических, а то и просто человеконенавистнических идей.

Дипломированные слуги капитала пытаются отвлечь внимание молодежи от социальных проблем, обвиняя во всех бедах НТР. Спекуляции на эмоциональной неустойчивости и политической незрелости молодежи, использование ее для достижения корыстных целей групп и классов, враждебных трудящимся, в конечном счете оборачиваются против молодежи. «Потерянное поколение» — горький, но привычный термин буржуазного общества. Не случайно рабочий класс, коммунистические партии, все прогрессивные силы капиталистических стран ведут все более активную и целенаправленную борьбу против растления душ молодого поколения.

В социалистическом обществе отсутствуют объективные основы для конфликта между личностью и обществом, который мог бы углубиться под влияни-

ем НТР. Черты советского характера, присущие нашим людям, имеют под собой глубокие социальные корни: идейно-политическое единство, общую цель — строительство коммунистического общества.

Человек будущего — это всесторонне развитая личность коммунистического общества. Задаче формирования человека будущего и, следовательно, развития всех подлинно гуманных качеств личности подчинена в конечном итоге вся политика Коммунистической партии. Партия делает все для выполнения указания В.И. Ленина о воспитании, обучении и «подготовке всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, людей, которые умеют все делать».

Строительство коммунизма требует больших знаний и высокой культуры. Вся система общественного бытия развитого социализма, вся совокупность социалистических общественных отношений, весь образ жизни советского народа направлены на раскрытие и формирование лучших черт человека, всестороннее развитие личности каждого.

И на этом пути достигнуты впечатляющие успехи. Для советской молодежи характерными являются такие высокие нравственные критерии, как преданность делу коммунизма и партии, патриотизм и интернационализм, чувство коллективизма. Эти качества сближают ее с предшествующими поколениями комсомольцев. В то же время каждое поколение молодежи сохраняет неповторимые приметы своего времени.

Формирование личности — сложный, многогранный и длительный процесс. Здесь у нас есть и ряд задач и свои трудности. Решая их, мы исходим из того, что накопление знаний и формирование нравственных устоев личности — это не параллельные, а взаимодополняющие, взаимообогащающие, синхронные составные этого процесса.

Зрелое социалистическое общество для всестороннего развития личности, обеспечения преемственности поколений использует и развивает унаследованные от прошлого институты и создает новые социальные механизмы. Огромные воспитательные резервы содержит в себе наставничество, способствующее передаче богатейшего профессионального и жизненного опыта старших поколений молодежи. Наставники на конкретном деле учат молодежь мастерству, воспитывают ее на героических традициях советского народа.

В эпоху НТР возрастает значение и таких социально-политических факторов повышения творческой активности трудящихся, и в первую очередь молодежи, как социалистическое соревнование, коммунистическое воспитание и пропаганда социалистического образа жизни. В современных условиях эффективность идеологической деятельности партии связывает с комплексным подходом к постановке всего дела воспитания, то есть обеспечением тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания всех групп населения.

Сердцевинной идеологической, политико-воспитательной работы, как подчеркнуто в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», было и остается формирование у советских людей научного мировоззрения, беззаветной преданности делу партии, коммунистическим идеалам, любви к социалистической Отчизне, пролетарского интернационализма.

Утверждение и развитие потребностей в знании, в культуре, в творческом труде, их превращение в ведущие мотивы жизни каждого человека — это магистральное направление формирования человека будущего. На этом пути в условиях НТР развивается и утверждается та глубокая идейность, цельность и разносторонность, которая является необходимой предпосылкой для становления гармоничной, всесторонне развитой личности строителя коммунизма.

Лев СМЕРНОВ

Молотьяба

*Разлетелась, разметалась
Туча с молнией во лбу...
Прогоняет прочь усталость,
Подгоняет молотьяба.*

*Как стокрылая жар-птица,
Над землей летит зерно.
Золотится и искрится
Против солнышка оно.*

*О зерне пойдут преданья
От одной звезды к другой.
Из раструбов мирозданья
Хлещут золото дугой.*

*Ветра умная стихия
Гонит с тучами в ночи
Стебли мертвые, сухие,
Превращенные в лучи.*

*Воды моря, воды неба
Умывают пашен лик,
И младенческого хлеба
Слышен первый, чистый вскрик.*

Река детства

*С густою вербой по соседству,
С огромной щукою на дне,—
Глядит в глаза чужому детству
И забывает обо мне.*

*Мальчишке, нашему соседу,
Ладони щедро холодит...
А на меня, когда приеду,
Так даже мельком не глядит.*

*Видать, совсем не замечает
Средь диких зарослей своих.
Одних веселых привлекает,
Неискушенных, молодых.*

*И соснам моет корневища,
И светит всей красной своей
Лишь тем, кто трепетней и чище,
Незащитней и слабей...*

Сено под снегом

*Я вспоминаю, как я жил когда-то
В степи за Волгой. Тогда была война.
Бродил слепец в потертой гимнастерке,
И беженцы кричали на вокзалах,
И по обочинам дорог*

*лежали в разных позах
Заснеженные трупы лошадей.
Нужда меня в те годы приобщила
К премудростям простой,
высокой жизни,*

*И детский мой словарь обогатился
Таинственными древними словами,
Таковыми, как «супонь» или «скирда».
За месяц или два я научился
Волами править, «цоб-цобе» кричать,
Ориентироваться в снежном поле,
Снег разрывать и находить под снегом
Копну душистую, в нее бросаться,
Как будто в лето, и лежать, покада
Кровь не согреется и в ней не запоет
Кузнечик августовский. Как немного
Мне было надо, чтоб забыть войну,
И думать, что я буду жить на свете
Еще сто лет, и так вот беззаботно
Лечь на сене, и смотреть, смотреть
На облака...*

ГОРЕ И ГНЕВ

лась такая категоричность, что настаивать, убеждать уже невозможно. И еще... Подпольщики не любят сколько-нибудь подробно говорить о своих товарищах, которые остались на родине и ведут борьбу. Словом, при разговоре с ними все время наталкиваешься то на одно, то на другое «табу». Однажды Родригес пояснил: «О живых говорить пока нельзя — на каждом шагу их подстерегают дула автоматов правительственных солдат и наемников. Я расскажу о погибших. Пусть как можно больше людей в мире узнает об их героической жизни».

Его настоящее имя было Уберто Альварадо Арельяно. Он жил за границей, в эмиграции, когда из Гватемалы пришло страшное известие. 26 сентября 1972 года гватемальская полиция схватила шестерых членов ЦК и зверски расправилась с ними.

Пленум ЦК на своем тайном заседании избрал генеральным секретарем Уберто Альварадо и предложил ему немедленно вернуться на родину, чтобы возглавить партию коммунистов. Выбор пал на него не случайно. В 22 года Уберто был одним из основателей коммунистической партии, которая позже стала называться Гватемальской партией труда, и с первых же дней ее основания в 1949 году входил в руководящие органы: политическую комиссию и секретариат ЦК.

Он был прекрасным организатором масс, борьба которых в ту пору находилась на подъеме. В 1951 году

«Полиция — твой друг и помощник» — таково рекламное заклинание, весьма распространенное в странах Запада. Друг и помощник... Как здесь, на улице американского города Бирмингэма...

Он не раз приезжал в Москву, этот невысокий, плотно сбитый человек с ежиком седых непокорных волос, с опаленным тропическим солнцем лицом и традиционными латиноамериканскими усиками. Мягкий, обаятельный, с пытливым взглядом сквозь стекла очков, он чем-то напоминал школьного учителя. Он не выступал по телевидению, не давал журналистам интервью. С трибуны съезда КПСС он рассказал о своей стране, но его выступление появилось в газетах без фотографии. Стояло только имя — Родригес. Это была его подпольная кличка...

Тот, кто встречался с коммунистами-подпольщиками, хорошо знает, что о себе они рассказывают лишь в самых общих чертах, все внимание их обращено на положение в своей стране, на горькую жизнь народа. Сколько раз на просьбу рассказать о какой-нибудь последней операции они сначала отшучивались, отделивались общими словами, а потом решительно отрезали: «Не время». В короткую фразу вкладыва-

гватемальские патриоты одержали победу: президентом страны был избран видный прогрессивный деятель полковник Хакобо Арбенс Гусман. Он сформировал первое в истории страны демократическое правительство. За короткий срок оно сделало столько для народа, сколько не сделали все предыдущие правительства, вместе взятые. Оно дало трудящимся права и свободы, каких у них раньше никогда не было. Правительство приняло закон № 900 об аграрной реформе, по которому конфисковывались 84 тысячи гектаров пустующих земель всемогущей американской компании «Юнайтед фрут». 100 тысяч крестьянских семей впервые получили свои земельные наделы. Правительство в два раза увеличило зарплату рабочим, для них впервые вводилось социальное обеспечение.

В эти годы Уберто можно было видеть всюду: и в помещении Союза демократической молодежи, где он выступал с речью, и в Доме гватемальской культуры, где он проводил встречу литераторов, и в редакции партийной газеты, на страницах которой чуть ли не каждый день появлялись его статьи, и в правительственном дворце — он занимал пост министра. Он организовывал выставки, встречи писателей, художников, митинги, собрания. Он был главным руководителем литературной группы «Сейкертис» («Рассвет» на языке индейцев). Публикуются его стихи, песни, в которых он воспевае идеи независи-

МИР НА ПОЛИТИК ТЕР

Архиепископ Сан-Сальвадора Оскар Арнульфо Ромеро написал письмо президенту США Картеру. Обеспокоенный судьбой своего народа, стонущего под гнетом преступной хунты, глава сальвадорской церкви писал: «Помня, что Вы христианин и что Вы высказали намерение защищать права человека, я решаюсь изложить Вам свою пастьерскую

точку зрения...» Архиепископ просил не посылать нового американского оружия хунте, не направлять в многострадальную страну специалистов по карательным операциям, дать сальвадорцам возможность самим решить свою судьбу.

Оскар Арнульфо Ромеро был убит в церкви во время богослужения. Ровно через пять недель после своего письма...

Политический террор против инкомыслящих во все времена был неизменной приметой мира капитала. И во все времена прочное лидерство в позорном процессе эскалации террора занимали США.

Вспомним трагедию Сакко и Ванцетти. Расизм и антикоммунизм — вот имена их убийц. «В Штатах хорош тот, кто богат, если даже он вор и отравитель», — говорил в зале судилища Ванцетти. — Америку называют страной свободы, но ни в одной другой стране человек не испытывает такого страха перед другим человеком, как здесь. Говорить о свободе в Америке можно лишь в насмешку... Всю свою жизнь я боролся против преступления, которое санкционируют официальная мораль и официальное право, — эксплуатация человека человеком. И в этом единственная причина, почему я признан виновным».

ПИТАЛА: ЧЕСКИЙ РОР

Прошло десятилетие, и Мартин Лютер Кинг, мужественный и благородный человек, борец за гражданские права соотечественников-негров, попросит написать на своем могильном камне слова: «Свободен, свободен, наконец-то свободен». Их напишут — после убийства Кинга. Какого по счету политического убийства в истории США?

мости и национального освобождения. Поразительно, когда он успевал все это делать. Уберто испытывал такой необыкновенный подъем духовных сил, который может испытывать только человек, впервые ощутивший свободу, пришедшую на его многострадальную родину.

Президент США Дуайт Эйзенхауэр был озабочен событиями в Гватемале. Ему не нравилось, что приходится все чаще и чаще отвлекаться от игры в гольф из-за «банановой республики». Люди из окружения президента все уши прожужжали ему, доказывая, что национализация земель «Юнайтед фрут компани» (хотя и за выкуп) показывает дурной пример другим латиноамериканским странам и не может расцениваться иначе, как дерзкий вызов интересам США в западном полушарии. Президента убедили прибегнуть к многократно испытанной «политике большой дубинки». Он отдал приказ Аллену Даллесу свергнуть «красное» правительство Арбенса, заявив, что Вашингтон никогда не допустит появления коммунистического государства у порога США.

Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес на межамериканском совещании в Каракасе в марте 1954 года произнес угрожающую речь, назвав аграрную реформу в Гватемале «орудием коммунистической колонизации», и лично способствовал формированию банд наемников. В июне 1954 года с территории Никарагуа и Гондураса в Гватемалу втор-

ли переворот и поставили у власти военный режим Перальты Асурдиа. И вновь — волна террора...

На насилие народ ответил насилием. Вспыхнула вооруженная борьба. В горах, в городах... Партизаны совершали дерзкие операции. Имена партизанских лидеров Турсиоса Лимы, Сесара Монтеза, Йонга Сосы стали широко известны.

Гватемальская партия труда и ее молодежные организации выросли в это время в восемь раз.

Подъем вооруженной борьбы гватемальского народа создал угрозу реакционному режиму. Его свержение могло обернуться для Вашингтона потерей Гватемалы, которая играет важную роль в стратегических и военных планах США в Латинской Америке. Чтобы спасти антинародный режим, США направили в маленькую страну отборные подразделения. «Зеленые береты», специалисты по расправам над мирным населением, стали костяком карательного экспедиционного корпуса, во главе которого был поставлен жестокий и тщеславный полковник Карлос Арана Осорио.

«Террористы швыряют бомбы, неонацисты подстрекают к восстаниям... Преступления мафии и диктатура бюрократии обрекли Италию на государственный кризис» — это подпись к снимку, опубликованному в журнале «Штерн» (ФРГ). Снимок сделан в Милане... Только что взорвалась еще одна бомба...

Пуля — за цвет кожи. Пуля — за религиозные убеждения. Пуля — за политические взгляды. Пуля, полицейская дубинка, тюремная камера — как «аргумент» в пользу общественной системы, лишённой будущего. Террор в собственной стране, попытки террора глобального — с помощью авантюров, стратегических бомбардировщиков, ракет. ЦРУ приговаривает к смерти президентов — чужих, а иногда и своих; госдепартамент содержит кровавых тиранов, истязавших народы... Это конкретная практика современного империализма.

«Соединенные Штаты Америки — маяк свободы и прав человека», — заявил недавно Картер профсоюзным делегатам. «Свобода» в Сальвадоре? Она держится на американских долларах и американских штыках. Как и в Чили. Как и в Парагвае. Как и в Южной Корее. И еще во многих точках планеты.

Политический террор в разных его формах и проявлениях — это будни капиталистического мира. Телетайпы отстукивают сообщения о новых и новых политических преступлениях — из стран Латинской Америки, из ЮАР и Намибии, из Италии... Террор — злоевищая болезнь, метастазы которой проникли во все сферы жизни общества без будущего...

главь армия интервентов. Президент Арбенс был свергнут, его социально-экономические реформы перечеркнуты автоматными очередями. Каратели сжигали непокорные деревни, расстреливали крестьян, бомбили столицу, вешали избранных народом депутатов и мэров, убивали патриотов. Компартия ушла в подполье.

Несмотря на кровавый террор, гватемальский народ продолжал борьбу. В 1962 году она вылилась в массовое восстание в столице, где население составляло миллион человек. Восставшие вышли на улицы, построили баррикады. Они вступили в кровопролитные схватки с армией и полицией. Борьба перекинулась и в города.

Создалось положение, когда у народа не хватало сил свергнуть правительство, а правительство не могло подавить восставших. Дальнейшее кровопролитие, по мнению патриотов, было бессмысленным. И они решили прекратить бои и вступили в переговоры. В президентском дворце они предъявили условия, главным из которых было освобождение арестованных. Переговоры были долгими и упорными. Восставшие твердо стояли на своем. В конце концов правительство согласилось удовлетворить все их требования. Это была важная победа, открывшая новые перспективы для народной борьбы.

Но такое развитие событий не устраивало США и гватемальскую реакцию. В 1963 году они организова-

Каратели применили пресловутую «тактику выжженной земли». Чтобы лишить партизан народной поддержки, они оставляли после себя лишь пепелища и виселицы. Сотни деревень были сожжены. Только на полуострове Сакапа за два года было убито шесть тысяч крестьян. Народ прозвал полковника Арану «сакапским шакалом».

В 1970 году США сделали его президентом страны. Но и на этом посту шакал остался шакалом. «Я превращу Гватемалу в бастион антикоммунизма, даже если придется превратить ее в кладбище», — заявил он и делал все, чтобы претворить в жизнь эту свою кладбищенскую философию. Террор и убийства без суда и следствия, зверские пытки арестованных, повальные обыски в городах — все это до сих пор является нормой государственной политики в Гватемале.

Помимо правительственных репрессивных органов (армия, полиция), для охоты за коммунистами и демократами были созданы вооруженные террористические банды, вроде «Эскадрона смерти», «Белой

руки», «Мано» и других, которые открыто заявляют, что ставят своей главной целью физическое уничтожение коммунистов.

И все же режиму не удавалось сломить сопротивление народа, закрепиться у власти и выйти из изоляции. За двадцать с лишним лет сменилось девять правительств, произошло два переворота, пять раз проводились выборы президента и парламента. Тем не менее положение не изменилось до сих пор. Даже среди национальной буржуазии усиливается оппозиция антинациональному, продажному и кровавому режиму. Коммунисты исходят из того, что обстановка в Гватемале благоприятна для объединения всех патриотических сил с целью свержения антинародного правительства.

После интервенции 1954 года Уберто остался на родине. Он организовывал коммунистов на борьбу в условиях подполья, возглавлял партийную школу, из которой вышло немало революционеров-марксистов. Несколько раз полиция арестовывала его. По указанию партии Уберто покидает Гватемалу, продолжает борьбу в эмиграции.

В 1972 году, собираясь нелегально вернуться на родину, чтобы встать во главе партии, Уберто четко представлял себе, что ждет его на этот раз, если он попадет в руки полиции. Тысячи патриотов замучены, многие его товарищи арестованы и убиты, и никто не знает, где их могилы. За последние двадцать лет в Гватемале было убито более 25 тысяч патриотов, среди них — немало коммунистов, в том числе 20 членов ЦК.

Уберто хорошо знали в стране. Полиция и военная разведка завели на него обширное досье. Такое же досье имелось и в ЦРУ. Известность, естественно, была большой помехой для подпольной работы. Тем не менее он не колебался, возвращаться на родину или нет.

Подпольщики приняли самые строгие меры предосторожности при переброске его через границу. На каждом шагу их подстерегала опасность. Один неосторожный шаг, малейшая поспешность или, напротив, промедление могли стать роковыми.

Когда Уберто с проводниками переправился через пограничную реку Сучьяте с обожженного, пыльного и пустынного мексиканского берега на гватемальский, он увидел нежно-розовую землю, сочную траву, огромные цветы, порхающих бабочек, колышущиеся на ветру стройные кокосовые пальмы с тяжелыми зелеными орехами, лохматые кроны банановых деревьев с гроздьями плодов, и сердце его забилось сильнее. Это была родина, которую он любил. Он закрыл глаза и на миг остановился.

— Вперед! Вперед! — раздался голос проводника. — Здесь нельзя задерживаться.

Вскоре они скрылись в густых зарослях тропической сельвы.

Уберто осмотрел небольшой домик, который сняли для него товарищи. Он находился в тихом районе. Окна и двери были расположены удобно, ими можно воспользоваться в случае опасности. Уберто остался доволен осмотром, сел за стол и с головой ушел в бумагу.

Людей, близко знавших Уберто, поражала его непостижимая работоспособность. Порой казалось, что он никогда не отдыхает. Он успевал следить за событиями в стране и за рубежом, много читал, разрабатывал операции, четко следил за каждым этапом их выполнения, писал статьи для подпольных газет и теоретических журналов.

Уберто был прост в обращении с товарищами, но не терпел опозданий, неисполнительности и расхлябанности, считал их недопустимыми для человека вообще, а для революционера-подпольщика в особенности. Однако никогда не повышал он голоса на оплошавшего человека — и тому хотелось наверстать упущенное усиленной работой.

Его главной заботой было единство партии. Он вел острую, непримиримую полемику с левацкими и троцкистскими группировками, отрицавшими массовую борьбу, доказывал авантюристичность и вред их призыва к «немедленной революции».

Уберто твердо проводил линию партии на объединение всех антиимпериалистических, демократических и антифашистских сил, чтобы общими усилиями добиться отстранения от власти реакционных кругов, тесно связанных с американским империализмом. Он считал необходимым использовать все средства для разоблачения преступной политики режима.

Специальной группе партии удалось установить, что операцией, во время которой были арестованы шесть членов ЦК, в том числе и генеральный секретарь Бернардо Альваро Монсон, руководил Абель Хуарес Виаторо. Высказывалось предложение — казнить полицейского и объяснить затем населению, почему это сделано. Однако после обсуждения подпольщики решили поступить иначе...

Полицейский Абель Хуарес Виаторо не спеша ехал

по оживленной улице. Внезапно ему преградил путь какой-то автомобиль. Хуарес резко нажал на тормоз. Он хотел было выскочить и проучить сумасшедшего водителя, как вдруг увидел дуло автомата и людей в военной форме. Ему приказали пересест в их машину, завязали глаза и куда-то повезли. Когда повязку сняли, полицейский увидел незнакомое помещение, военных. В стороне сидели двое журналистов, которых тоже «взяли», как и его, прямо на улице и с завязанными глазами доставили сюда чуть раньше. Хуарес решил, что он... в военной разведке. Когда ему приказали рассказать об аресте руководителей компартии, он охотно согласился.

...Утром 26 сентября 1972 года полиция окружила дом, где находились Бернардо Альваро Монсон и члены ЦК Марио Сильва Хонама, Карлос Рене Валье-и-Валье, Уго Барриос Клее, Карлос Альваро Херес, Мигель Анхель Эрнандес, активистка партии Фантина Родригес. Всех их арестовали и отвезли в 4-е управление полиции.

Это управление пользуется в Гватемале мрачной славой. Его называют гватемальским гестапо. Оно занимается слежкой, арестами, пытками. Тот, кто попадает туда, не выходит живым. Управление подчиняется непосредственно президенту страны.

Хуарес рассказал, что после жестоких пыток руководителей компартии убили, положили в мешки, а потом сбросили с самолета в море.

Страшный рассказ полицейского был записан на магнитофонную пленку и передан журналистам. После этого полицейскому и журналистам снова завязали глаза, посадили в машины, отвезли на окраину города и отпустили.

Признания Хуареса были опубликованы в двух гватемальских газетах и переданы по радио.

Так подпольщики разоблачили еще одно преступление в нескончаемом ряду убийств, которые совершаются в Гватемале руками репрессивных служб, террористических банд и агентов американской разведки.

Поэт, интеллигент до мозга костей, Уберто в то же время оказался прирожденным конспиратором. Он был удивительно находчив и не раз ухитрился уходить буквально из-под носа полиции. Делал он это легко, со свойственной ему артистичностью. Но всегда, при любых обстоятельствах свои силы, знания, опыт и ум он умел концентрировать на главном: умело руководил работой коммунистов в сложных условиях постоянной слежки, анализировал быстро меняющуюся ситуацию, разрабатывал тактику борьбы, ставил новые и новые задачи перед партией.

В последнее время Уберто Альваро много внимания уделял разработке политической программы, которая могла бы объединить самые различные силы оппозиции в единый фронт для свержения реакционного режима.

...Как-то вечером в дверь конспиративной квартиры постучали. Это была полиция. Судя по всему, она пришла с обычным обыском, какие часто устраиваются в Гватемале. Посоветовавшись, подпольщики решили впустить «блюстителей порядка»: в конце концов тех было только трое. Но они не должны были видеть Уберто — могли узнать его. Пока полицейские ходили из комнаты в комнату, заглядывали во все углы, тот вылез в окно, выходящее во двор. Соседний дом ремонтировался, и он ухитрился так спрятаться на лесах, что полицейские обшарили все, но не нашли его.

Возвращаться назад ему было нельзя, и Уберто влез в чужое окно. Никто не знает, как он объяснил незнакомым людям свое появление, но, по-видимому, сумел объяснить, потому что, когда полицейские удалились, он вышел из дома и скрылся в ночи...

Судьба товарищей его заботила не меньше, чем успех самой важной партийной акции. Однажды ему сообщили, что трое подпольщиков, возвращаясь с задания, попали в автомобильную катастрофу (их ослепила встречная машина). В бессознательном состоянии их доставили в госпиталь. Уберто сам взялся за разработку операции по их спасению и следил за ее четким выполнением. Она была смела и проста. Как только товарищи оказались в состоянии немного двигаться, им передали через медсестру одежду. Один из подпольщиков отвлек внимание охранника, и в этот момент переодетые больные незаметно выскользнули из госпиталя.

Вскоре Уберто сообщил по телефону: — Все в порядке. Дети здоровы. Они у бабушки. Беглецы были вывезены из столицы и надежно укрыты.

Жизнь Уберто полна героических историй, о которых можно рассказывать без конца.

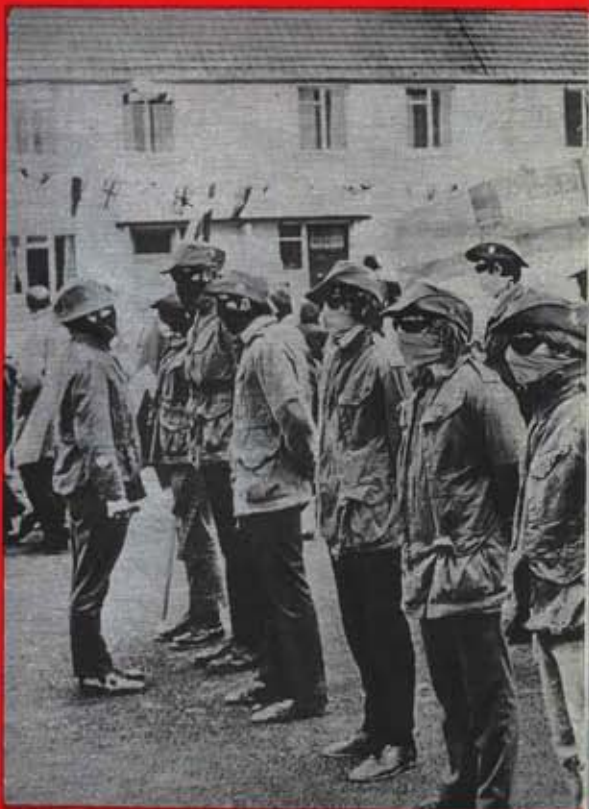
Альваро работал на конспиративной квартире. Она помещалась в особняке, расположенном в двенадцатой зоне столицы Гватемалы. Это был скромный дом с террасой на крыше, где обычно сушат белье. С террасы одна лестница спускалась к сосед-

АДРЕС СМЕРТИ-БЕЛФАСТ

«Десятилетия беззакония», «десятилетия террора» — так говорят в Ольстере о времени, когда протестантские экстремисты, которым покровительствуют британские войска, развязали против католического меньшинства войну на уничтожение.

Один из небольших районов Белфаста — Шорт-Стренд. Десять лет назад в нем проживали восемь тысяч католиков. Сегодня — лишь четвертая часть. Остальные бежали из этого населенного в основном протестантского района за реку, в относительно безопасную западную часть Белфаста. Они сделали это после того, как их дома были сожжены, их дети подверглись нападению или кто-то из

Они прячут лица, головорезы из «боявых отрядов» протестантских экстремистов. Их главная заповедь — террор. На их руках — кровь ни в чем не повинных людей. Трагедия Ольстера. Конца ей не видно.

КРОВАВЫЙ СЛЕД 'СЕРЫХ ВОЛКОВ'

В последние годы в Западной Европе все громче заявляют о себе «серые волки». Эта террористическая организация турецких фашистов запрещена у себя на родине, но продолжает действовать под видом «культурных клубов» и «социал-идеалистов». На ее счету более 1000 политических убийств. Организация провозгласила своей целью борьбу за идеи «пантюркизма», под которым подразумевается создание «Великотурецкой империи». Эта «империя», кроме современной Турции, должна включать в себя часть территории СССР, Ирака и Сирии. Для этого, считают турецкие шовинисты, в первую очередь необходимо разгромить демократическое движение как в самой Турции, так и среди турок, живущих за рубежом.

Зарубежная деятельность «серых волков» наиболее активна в ФРГ и Западном Берлине, ибо здесь отношение к ним более чем благосклонное. Как сказал один из «волков»:

членов семей был убит. Только в Шорт-Стренде около сорока католиков стали жертвами убийств.

Вот кровавая эроника, продолжающаяся изо дня в день...

Страшно изуродованное тело было обнаружено в реке Лаган. Удалось опознать Дюноа Макзахона, католика. В последний раз Макзахона видели живым в тот момент, когда его допрашивали в полицейском участке.

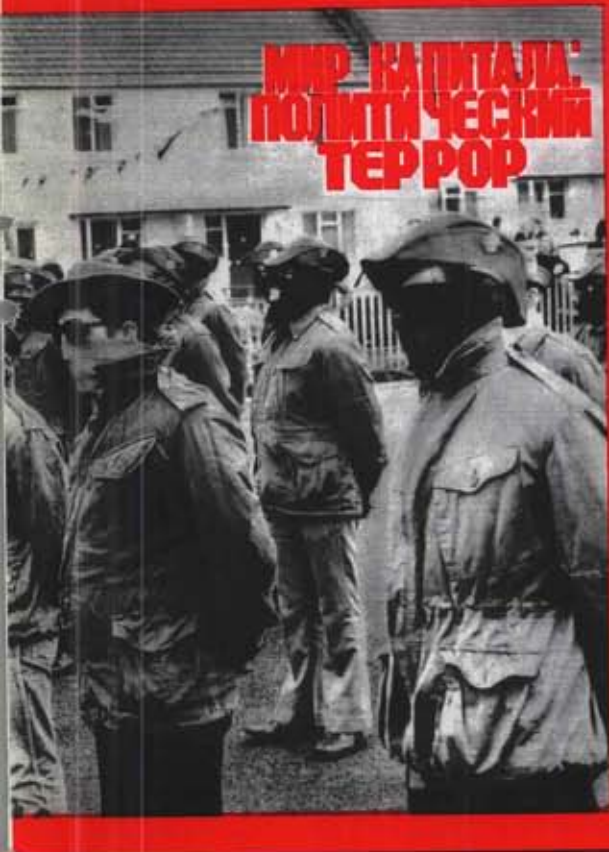
Неизвестным, взависив на велосипеде, был убит Марк Макгрейн, католик. Полиция заявила, что его убили кто-то вышедший след за ним из помещения клуба. Иными словами, пытались представить убийство как следствием ссоры между двумя католиками. Один из обитателей Шорт-Стренды с горьким сарказмом заметил: «Удивительно как это еще полиция не додумалась до того, что он застрелил себя сам, выбросил оружие и уже только потом решил скончаться...»

Дол Маккрори и Мариус О'Нил (оба им было по 23 года) возвращались домой, когда на Томпсон-стрит по ним открыли огонь. Стреляли из автомобиля, промчавшего мимо. Прибытия полиция пришлось ждать достаточно долго, хотя полицейские казармы «Маунт Поттингер» находятся совсем рядом...

Не раз уже подтверждалось подозрение, что полиция и армия тесно сотрудничают с полувоенными формированиями протестантских экстремистов, снабжая их, например, фотографиями и адресами католиков, назначенных в качестве очередных жертв.

Католические гетто Белфаста — адрес смерти. Смерти, которая приходит днем и ночью — пока в Лондоне идут разговоры о «порядке», «законности», «гражданских правах»...

«ТАЙМ АУТ», ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

МИР КАПИТАЛА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР

Орхан Енан, «многие бургомистры на нашей стороне». Главарь турецких фашистов Альварсан Тюркес беспрепятственно организовал тысячные сборы своих сподвижников, на котором бросил клич: «Убивай коммунистов!» И в городах Руссальсхайм, Бремен, Хамм и Боллард произошли массовые казни турецких демократов. Власть ничего не предприняла против фашистов. В Западном Берлине более двухсот «волков», вооруженных резиновыми дубинками и колющими, устроили охоту на «левых предателей родины».

Турецкие фашисты действуют в ФРГ и Западном Берлине под видом «турецкой федерации», которая насчитывает около 30 000 членов и располагает под видом мусульманских мечетей широкой сетью оперных пунктов, где хранится оружие и где новички проходят боевую подготовку. Духовные наставники проповедают ненависть. Все это хорошо известно властям. Газета «Зюддойче цайтунг» писала: «Во франкфуртской мечети Фати проповедник призвал: «Мы должны объявить войну всем врагам ислама и бороться против них. Убийский коммунист попадет в рай». И они убивают...»

В Западном Берлине у Коттбусских ворот «волки» среди бела дня напали на группу активистов турецкого демократического союза и убили видного деятеля этого союза Келалеттина Кезима. Это была заранее запланированная акция. На нее убийцы вышли из мечети Мелелана на Шкалпштрассе. Полиция во время происшествия поблизости не было. Несколько фашистов, арестованных после убийства за «незаконное владение оружием», были выпущены той же ночью, поскольку их признали «непричастными к драке»...

Снисходительное отношение полиции и властей к деятельности «турецкой федерации» легко понять, ведь она имеет вполне определенную политическую направленность — антикоммунизм

«НБИУ, ГДР»

нему дому, стоявшему рядом, другая поднималась к дому, стоявшему позади особняка.

В соседней комнате раздался негромкий смех. Уберто оторвался от бумаг и прищурился. Дверь в соседнюю комнату была открыта, и он увидел своих друзей и соратников Хосе Луиса де Леона, Мигеля Альварардо Лиму и Рикардо Кардону. Услышав их смех, Уберто тоже невольно улыбнулся и снова погрузился в работу.

В доме находились еще три женщины с детьми. Сквозь приоткрытые шторы в комнату врвался яркий желтый сноп света, в котором кружились пылинки. Утро выдалось ясным и тихим. Но обстановка в столице была крайне напряженной. Город наводнили войска. Полиция была поставлена на ноги.

Поводом для мобилизации военно-полицейского аппарата послужили похищения террористами богатого промышленника Роберто Габриэля Абуларача. Правительство обещало в кратчайший срок найти мультимиллионера. И... воспользовалось его похищением, как предлогом для усиления репрессий и расправы с политическими противниками.

Дело в том, что на президентских выборах в 1973 году кандидат разрешенной властями оппозиции Эфраин Риос Монт одержал внушительную победу над своим соперником от правящей партии генералом Хуаном Эухенио Лаугерудом Гарсией. Тем не менее Лаугеруд был объявлен президентом Гватемалы на очередной четырехлетний срок. Выборы еще раз показали, что режим практически находится в изоляции, и большинство населения не терпит его.

Правительство решило разгромить оппозицию, развернуло репрессии. Активизировали кровавую резню террористические банды, вроде «Эскадрона смерти» и «Белой руки». Людей арестовывали, похищали. Одних убивали, других бросали в тюрьмы. Брат генерала Эфраина Риоса Монт был зарублен тяжелыми тесаками-мачете возле своего дома.

Хотя похищенный промышленник вскоре объявился, целый и невредимый, войска продолжали проводить повальные обыски в нескольких зонах столицы, в том числе и в той, где находилась конспиративная квартира генерального секретаря ЦК ГПТ. По специально разработанному плану они оцепляли квартал за кварталом и под руководством офицеров, обученных американскими инструкторами, обыскивали каждый дом, обшаривали чердаки, подвалы, гаражи, простукивали стены, полы, заглядывали в мусорные ящики, канализационные колодцы, рылись в книгах.

Свидетельствуют, что один высокопоставленный офицер, инструктируя своих подчиненных, приказывал:

— увидите красную книгу, хватайте хозяина — он тоже красный.

Сотни людей были арестованы в те дни.

Утром 20 декабря началось оцепление двенадцатой зоны. В нем участвовали 500 солдат, танки, бронемашины, патрульные автомобили, вертолеты.

По рассказам очевидцев, все произошло так... Солдаты подошли к дому и выпустили несколько очередей из автоматов в дверь. Так обычно в Гватемале они «стучатся» в дома мирных граждан.

Но из дома раздались ответные выстрелы, и завязался неравный бой. Он длился почти час. Хосе Луис де Леон был убит наповал, Мигель Лима и Рикардо Кардона тяжело ранены, но живы. Солдаты, ворвавшиеся в дом, добились их. Они схватили Уберто, женщин и детей и увезли.

Гватемальские революционеры, которые рассказали нам о последних минутах жизни своих товарищей, подчеркивали, что осажденные подпольщики, несомненно, понимали всю безвыходность положения и сражались не ради спасения своей жизни, а только с одной целью: привлечь к происшедшему внимание как можно большего числа людей, не дать учинить над собой расправу втихомолку.

Действительно, выстрелы, прозвучавшие в доме Уберто, были услышаны. И не только жителями соседних домов. Их услышала вся Гватемала, услышал прогрессивный мир. Были предприняты самые различные шаги, чтобы спасти жизнь Уберто Альварардо и других попавших в застенки товарищей, но тщетно.

Вечером хозяин придорожного бара на окраине столицы обратил внимание на черную машину, которая быстро пронеслась мимо и вскоре вернулась обратно. Обычно по этой дороге в столь поздний час никто не ездит. Он заподозрил неладное и утром послал сыновей осмотреть дорогу. Они-то и обнаружили изуродованный труп человека.

Тело Уберто Альварардо было обезображено до неузнаваемости. Ему выкололи глаза, штыками изуродовали лицо и тело. Родные и близкие с трудом узнали его. После официальной процедуры опознания останки Альварардо выдали жене.

Много людей пришло проститься с выдающимся сыном Гватемалы. Но и мертвого власти не оставили

его в покое. Во время панихиды появились полицейские и конфисковали гроб с телом Альварардо...

На первый взгляд трудно понять, почему правители, арестовав руководителя запрещенной партии, приказали трусливо, подло и тайно расправиться с ним, а не судили его. Но дело в том, что они боялись процесса, потому что ясно понимали: он неизбежно выльется в разоблачение преступного и продажного режима, поставленного у власти иностранной державой, защищающего интересы этой иностранной державы, иностранных монополий, опирающегося на террор, ложь, лицемерие. Любой процесс над Уберто Альварардо превратился бы в торжество политики партии, наиболее последовательной и стойкой защитницы интересов народа и родины, партии, которая несет огромные жертвы в героической борьбе за свободу гватемальцев.

Уберто Альварардо Арельяно олицетворял собой совесть и волю гватемальского народа, который нельзя ни запугать, ни купить, ни сломить и который рано или поздно сметет продажную клику предателей и убийц, стоящих сегодня у власти. Тираны боялись его и приказали убить тайно.

«Несмотря на временные поражения, — пророчески писал Уберто Альварардо незадолго до своей гибели, — мы твердо верим в грядущую победу. Говоря ленинскими словами, безаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадут даром даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы».

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Победа никарагуанского народа над тиранией Сомосы вдохнула новые силы в революционеров Центральной Америки, особенно Гватемалы и Сальвадора, где бушует настоящая гражданская война. Правители этих государств не скрывают страха перед тем, что уже нынешний год может стать годом революций во всем этом напоминающем бурлящий котел регионе, где правят диктаторские режимы. «Никарагуа, — сказал один из диктаторов, — это пожар, а Гватемала и Сальвадор — соломенные хижины».

Американская реакция встревожена тем, что революционный пожар может перекинуться из Никарагуа на другие страны. Газета «Уолл-стрит джорнэл» приводит высказывание представителя госдепартамента США: «Соединенные Штаты столкнулись с утратой гегемонии в Центральной Америке».

В печать просочились сведения, что Вашингтон намеревается усилить поддержку шатающихся диктаторских режимов, которые он в свое время сам насадил силой оружия и которые всегда были надежным сторожевым псом его корыстных интересов. «Соединенные Штаты, — пишет французская «Матэн», — планируют возобновление своей военной помощи «сильным» режимам Гватемалы и Сальвадора. Правительство США не хочет, чтобы пример сандинистов распространился, захватив и другие страны этого региона».

Гватемальский диктатор Ромео Лукас Гарсия предпринимает лихорадочные шаги, чтобы поскорее залучить помощь. Она необходима ему для усиления военно-полицейского аппарата, с помощью которого он надеется оттянуть приближение революции. Тирания развязала новую волну кровавых репрессий. С помощью убийств народных руководителей она стремится обезглавить усиливающееся народное движение, запугать патриотов и сломить их борьбу.

Тщетно. В Гватемале крепнет сплоченность трудящихся, растет их классовое самосознание. Только за последнее время Национальному комитету профсоюзного единства удалось сплотить вокруг себя большинство центральных профсоюзных организаций и федераций. Молодежное движение, которое раньше было расколото на группировки, постепенно преодолевает детскую болезнь «левизны», сплачивает свои ряды и действует рука об руку с трудящимися. Это особенно ярко проявилось во время всеобщей забастовки, парализовавшей экономическую жизнь Гватемалы. Профсоюзные, студенческие и другие демократические организации выступили с протестом против кровавого подавления мирной демонстрации студентов, требовавших отмены повышения стоимости проезда в городском транспорте. Такой забастовки не знала страна. В ней участвовало около ста тысяч человек. Бастующие требовали не только улучшения экономического положения народа, но и демократизации страны, наказания убийц, прекращения кровавых репрессий. Диктатура ввела осадное положение. Столица Гватемала покрылась баррикадами.

В кровавых битвах выковывается боевая сплоченность антидиктаторских сил, к которой страстно призывал Уберто Альварардо, незадолго до своей гибели разработавший программу объединения патриотических сил на борьбу за свободу и демократию, против попыток превратить Гватемалу в заложник трусливого безмолвия и смерти.

Страна вечной весны не станет страной вечной диктатуры!

АДАМ И ЕВДОКИЯ

I

Который уж раз сладкий голос соблазна вопрошает у меня по телефону:

— Когда же вы допишете для нашего журнала уж много лет обещанное повествование? О московской невесте Мицкевича.

И который раз голос благоразумия предостерегает:

Брось! Не пиши об этом! Оставь это специалистам-литературоведам!

Но я все-таки написал.

Только вот не решил, как назвать это правдивое повествование: «Адам и Ева», или «Адам и Евдокия», или «Московская невеста», или «Сгоревшие письма», или «Несгоревшие письма», или просто «Любовь»? Но с названием, пожалуй, проще, чем с самим рассказом, над которым оно должно стоять. Есть темы, с трудом поддающиеся изложению, и вопросы, на которые далеко не сразу найдешь ответы. Но, может быть, я просто не обладаю такими познаниями о данном предмете, чтоб рассуждать о нем? А пусть даже и так! — возражаю я себе. — Однако почему, не зная, скажем, причин подземного толчка, я не имею права засвидетельствовать то, что я увидел, услышал, почувствовал, ощутил в дрожи полов под ногами и потолком над головой! То же самое относится и к падению метеоритов и, наоборот, к появлению тех или иных знамений на небесах. Неужели же я, не будучи ни астрономом, ни астрологом, не имею права изложить кратко, но внятно хотя бы даже и то, что мне примерещилось. Так почему же я в таком случае не могу рассказать о том, как, не открывая никаких новых архивных документов, а просто по облату книжных листьев и древесной лисы и по трепету солнечных лучей на темных портретах столетидесятилетней давности я ощутил некоторые, на мой взгляд, не потерявшие интереса и донные обстоятельства пребывания гениального поэта Адама Мицкевича здесь, у нас в Москве!

Повторю: это нелегкая задача! Четверть века назад написанная на эту тему для радио моя литературоведческая статья очутилась вместо эфира, как я полагаю, в редакционной корзине, возможно, что даже и по заслугам, так как была написана сухо и невыразительно. Не получилось у меня до сих пор и законченных стихов на эту тему. И поэтому я решил, не мудрствуя лукаво и не забываясь об образности изложения, написать обо всем этом самой обыкновенной, ни на какую художественность не претендующей прозой: авось, так получится всего складней!

II

Начну прямо с того юбилейного вечера в Доме союзов, где я имел честь прочесть с высокой трибуны Колонного зала свой перевод из Мицкевича — отрывок монолога Густава из «Дзядов».

В этом повествовании, как и всегда, впрочем, я рассказываю о действительных событиях. И мне до того не хочется вносить хоть какой-либо элемент беллетристики, что вопреки фактам я хотел бы даже умолчать о том, что мне показалось, будто тень Мицкевича отделилась от одной из колонн Колонного зала и показала мне куда-то вдаль, вверх по Тверской, за площадь Пушкина и за Маяковского, и за зеленоватый мираж Белорусского вокзала, и даже еще куда-то подальше улицы «Правды» и стадиона «Динамо», в сторону питомницы голубых елок — Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Я не буду останавливаться на этом и лишь повторю, что, взойдя на трибуну, я прочел трагический монолог Густава. Но на следующее утро я все-таки поехал туда, куда мне показала тень или воображаемая длань Адама Мицкевича.

Должен сознаться: я с юности пугал Петровский дворец с чем-то иным, отождествляя его то с исчезнувшим монастырем, то с бывшей Петровской сельскохозяйственной академией, оправданием чего может служить лишь то, что Петровский дворец, это славное творение зодчего Михаила Казакова, наложил свой архитектурный и красочный отпечаток на все кругом, на все Петровско-Разумовское... Почти ничего я не знал и о старом графе Разумов-

ском, старом владельце этих мест, рачительном сельском и домашнем хозяине, и о первом просвещенном дачевладельце рядом с Петровским дворцом — о дальнем родственнике графа Разумовского, приятеле Пушкина Борисе Соболевском, и об одной из первых дачесемьи в этих местах — Татьяне Пассек, подруге и родственнице Герцена, которая в середине прошлого века обитала здесь с добрыми друзьями, членами не нашего Литфонда, а петербургского, старого, некрасовских времен Литературного фонда. — о Татьяне Пассек, которая со своими гостями собирала в окрестных лугах ягоды и варила варенья, доход от продажи коих шел на бедных московских детей, для покупки им карандашей и бумаги и оплаты зрелища медвежьих плясок и фейерверков на Ходынском поле. Татьяна Пассек, издательница популярного детского журнала «Игрушечка», обитала на одной из трех дачек в здешних, дремучих тогда лесах. А потом дачников становилось здесь все больше и больше, и, видимо, даже в конце шестидесяти годов их не отпугнула от Петровско-Разумовского дурная слава Петровского парка. Там убили студента. В гроте. И бросили в пруд. А может быть, это темное дело, породившее роман Достоевского «Бесы», даже, наоборот, сделало рекламу этим местам, куда с середины восьмидесяти годов можно было мчаться уже на паровичке. Это был замечательный поездок, курсировавший между Бутырской заставой, Бутырским опытным хутором и Петровской земледельческой и лесной академией. Впереди паровозика скакал мальчуган-форейтор, трубящий в рожок мелодичный сигнал: «Берегись!»... Во всяком случае, к началу нашего века Петровско-Разумовское стало известнейшим и любимейшим подмосковным дачным местом, раем земным близехонько от города, за рестораном «Яр» и «Черным лебедем» — дачей миллионера Рябушинского, издателя такого красивого журнала «Золотое Руно», выглядевшего под стать Петровскому дворцу, если он хорошо покрашен. И я, право, не знаю, кто бы мог лучше описать Петровско-Разумовское: историк М. Полуектов, закончивший под сенью тамошних лип свой труд о Николае I, или сын бывшего слушателя (вольностушателя) лекций Петровской сельскохозяйственной академии, купца Якова Брюсова, — Брюсов Валерий Яковлевич, известный поэт и прозаик, обитавший ряд лет на даче в Петровско-Разумовском, и, кстати сказать, заядлый любитель лошадей, конного спорта, вероятно, не равнодушный к близлежащему ипподрому.

Я не скажу, что, выйдя на поверхность земли из недр метро у стадиона «Динамо», я предался раздумьям о стародавних идиллических временах, когда местные дачницы рубили в деревянных корытцах мясо для котлет, а под окнами дач кричали разносчики. Да, да, разносчики! Но глядя на метро, на стадион, на дворец, на всех этих людей сороковых годов 20-го века — на школьников, студентов, солдат и офицеров, на спортсменов, на жокеев с близлежащих бегов и скачек, на домохозяек и продавщиц газированной воды, я вдруг понял, что не вижу здесь в уличной толпе, нет, даже и не самого Адама Мицкевича, который, собственно, и показал мне сюда дорогу, не вижу здесь не только самого Мицкевича, но и того разносчика, торгующего с лотка колбасой, которого когда-то повстречал здесь, около самого Петровского дворца, пан Адам!

III

Известно, что по приговору особой комиссии, состоявшей из Аракчеева, адмирала Шишкова и Новосильцева, один из виленских филоматов, молодой Мицкевич, в 1824 году был выслан в Россию. Везомый из Вильны в Санкт-Петербург, филомат увидел дикие просторы снежных равнин, где люди чужой страны, люди с лицами, подобными их стране, пустынной и дикой (я пользуюсь терминологией третьей части его «Дзядов» в переводе Вильгельма Левика), эти люди обитали в жилищах, построенных из обтесанных топорами древесных стволов. Затем пустынный мир изб кончился, и пан Адам увидел столицу, Питер с его величественным Медным Всадником на коне и раздутые туши лошадей, застигнутых на улицах невскими водами: ведь Мицкевич явился в Петербург на другой день

после наводнения, еще не убравший с улиц жертв невских волн. На одной из площадей лежал даже занесенный туда стихией, застрявший на бульварной отвали какой-то польский корабль*. Повстречавшись в Петербурге с представителями власти, с вольнодумцами и с мистиками, с вчерашними либералами и завтрашними декабристами, пан Адам проделал затем фантастический санно-колесный путь из Питера в Одессу, чтобы встретиться на юге с прекрасными дамами, красотою Крыма, полицейскими шпионами и опять-таки с членами тайных обществ. И там, на юге, ощутив молнии декабрьской грозы лишь как зловещие зарницы где-то на северном горизонте, пан Адам двинулся обратно, чтобы в следующем, 1826 году, будучи причисленным к штабу канцелярии московского генерал-губернатора, объявиться в первопрестольной.

Это было в известном смысле даже благоприятное для изгнанника время: начальный период царствования Николая I, тот период, который, как пишет историк А. Корнилов, был «якобы преобразовательным и по внешности не противным прогрессу». Только что, то есть чуть не сразу после расправы с декабристами, то есть в конце декабря 1825 года, был отстранен от дел Аракчеев, вскоре закончилась карьера неприятного царю Новосильцева, после кратковременного возвышения ощутил близость падения и адмирал Шишков, то есть по ряду причин, хотя и по иным, конечно, поводам, внешним и внутренним, но рухнул авторитет всей особой комиссии, расправившейся с виленскими филоматами приблизительно так, как расправился с вольнодумными петербургскими студентами Рунич, а с казанскими студентами и профессорами Магницкий, причем Рунич был предан суду, а Магницкий выслан в Ревель. И как бы то ни было, но Николай I, начавший с жестокости, видимо, кое-где, особенно в глазах Запада, хотел показать себя отнюдь не деспотом, а кое в чем даже либеральнее либералов. Во всяком случае, юному Мицкевичу была предоставлена полная возможность наслаждаться и северной и южной русской экзотикой, жить, как хочет, не обременяя себя службой, хоть и числясь на ней, встречаться, с кем хочешь... И здесь, в Москве, не говоря уже о массе других привлекательных салонных и чисто дружеских встреч, он встретился в первой и с Пушкиным. И все это, вместе взятое, — и Питер, и юг с его одесскими и крымскими впечатлениями и приключениями, и затем Москва, — видимо, весьма обогатило сердце и разум молодого Мицкевича. И мне кажется, что точнее всего определил положение вещей один из первых переводчиков пана Адама, как раз переводчик его «Крымских сонетов», прозорливый слепец Иван Козлов, который, говоря позднее о покидающем Россию Мицкевиче, сказал: «Мы его взяли у вас сильным, возвращаем — могучим!»

Итак, однажды, уже в конце мая 1827 года, Мицкевич примчался в Петровско-Разумовское на дрожках и затем, отпустив возницу, пустился в пеший путь по полям и огородам. Вообще-то говоря, Мицкевич направлялся к Сергею Соболевскому, чья дача, как уже упомянуто выше, находилась на пустыре близости Петровского дворца. Но, явившись наконец к Соболевскому, Мицкевич рассказал о том, как, задумав посмотреть на пустынный Петровский дворец, он заблудился в буйных зарослях петровско-разумовской зелени и, бродя по этим пространствам, до того проголодался, что, не видя в окрестностях никакой харчевни или трактира, был спасен только встречей с бродячим разносчиком колбасы. Купив у него колбасу, сказал Мицкевич, и тут же проглотив ее, он не насытился ею, а лишь почувствовал добавок к голоду еще ужасную, нестерпимую жажду.

IV

Вот о чем весьма не туманно прошелестела мне листва аллеи между станциями метро «Динамо» и «Аэропорт».

Конечно, всю эту историю с покупкой колбасы у разносчика я знал и прежде и, вспоминая накануне в Колонном зале, забыл снова, не забыв только

* См. Мечислав Яструн. Мицкевич, ЖЗЛ. «Молодая гвардия», 1963 г.

нявшей в области воображения такое место, какое Наполеон занимал в земной действительности!

И, несомненно, думая о Наполеоне, Растопчине и Кутузове, пан Адам едва мог не думать и о Евдокии.

V

Всего скорее, что и дорогу-то ему в Петровско-Разумовское указала именно Евдокия Михайловна Бакунина. Возможно и даже более чем вероятно, что тут не обошлось без содействия матери Евдокии Михайловны — Варвары Ивановны Бакуниной, в девичестве Голенищевой-Кутузовой, дочери адмирала И. Л. Голенищева-Кутузова. Варвара Ивановна была женщиной просвещенной и активно причастной к литературе. И поэзии! Еще девочкой она была воспета самим Гаврилой Державиным. «Как, Варюша, ты прекрасна!» — начинались стихи Державина, обращенные к ней. Выросши большой, Варвара Ивановна сама стала писательницей, написав не только повествование о двенадцатом годе, но и нечто о персидском походе своего мужа*. А дети ее, три ее дочери, могли прибавить к славной своей родословной по материнской линии еще и много блестящего и по мужской линии. У корней генеалогического древа Бакуниных, посаженных составителями родословных, восседал сам король Стефан Баторий. Этому, впрочем, не особенно верили и сами Бакунины. Достовернее считалось, что три брата: Зенислав, Батугерт и Антипатр вышли из Венгрии к Иоанну Великому в конце XV века, и Зенислав, по принятии православной веры нареченный Петром, стал родоначальником Бакуниных, на чьем гербе недаром была и такая деталь: держали щит два мадьяра-копыеносца, причем у левого на левом плече была львиная шкура. И совершенно достоверно было то, что дед Михаил Иванович был петровским воином — царичинским комендантом, а сын его Василий оставил «Описание народов калмыцких». Общеизвестны родственные связи Бакуниных с Муравьевыми, Мордвиновыми, Полторацкими, а что касается до самих Бакуниных, так один из позднейших представителей этого семейства сказал коротко и ясно, что «одна отрасль Бакуниных пошла по администрации, а вторая по революции». И, наконец, сама Евдокия Михайловна, на мой взгляд, имела облик, напоминающий трепет высокой звезды, отраженной в глубоком водоеме, в баснословном бассейне, словом, в источнике сперва спокойном, а затем взбурдаженном порывом ветра или, может быть, ударом грома. Словом, когда блестящее отражение величавой звезды небесной начинает вдруг двоиться и троиться, как будто бы не желая снова вернуться в свои границы, приняв первоначальные формы, так, взглядываясь в туманные первоисточники, я вижу Евдокию Михайловну вдур уже как бы не одну, а в образе трех девушек, то есть Евдокию в окружении ее сестер. Вот ее сестра Прасковья, писательница (в мать, в Варвару Ивановну), притом еще и поэтесса и авторша пьес, которые ставились в имени Уютном. Вот ее вторая сестра, Екатерина, во время пребывания Мицкевича в России еще просто Катя, юная спорщица и задир, от которой, по выражению Станкевича, не легко было отмотаться, а впоследствии одна из первых русских сестер милосердия, помощница хирурга Пирогова в полевых госпиталях во дни обороны Севастополя. Это она опубликовала уже в девяностых годах в журнале «Вестник Европы» интересные воспоминания о Крымской кампании, о последних днях жизни адмирала Нахимова, о Пирогове, о солдатах, матросах, пленных французах, словом, о жизни во дни той войны, которую заранее, аж за четверть века, ожидали в России провинциальные петлики, как войну с Англичанкой за свиное сало**. Конечно, Екатерина Бакунина не была в севастопольских своих повествованиях соперницей Льву Толстому, но в безыскусных воспоминаниях живо передала, поведала свое, неповторимое***.

И вот, наконец, перед нами сама Евдокия. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона сказано: художница, получившая в 1835 году вторую медаль Академии художеств, фрейлина, причем не указано, чья. Возможно, такая же фрейлина, как Пушкин камер-юнкер. — не знаю. Но знаю, что писала портреты и оставила автопортрет, который хранился по крайней мере до 1915 года в Премухинском семейном гнезде Бакуниных... Увы, я, должно быть, не соберусь разыскивать по галереям и музейным

* Муж ее, генерал Михаил Бакунин, впоследствии петербургский губернатор, сенатор, был обвинен в неправильном расходовании сумм подчиненного ему Приказа общественного призрения и, разобравшись процессом, доживал с семьей в Москве частным человеком (А. А. Корнилов. «Молодые годы Михаила Бакунина». Москва, 1915 г.).

** См. переписку Н. В. Станкевича. М., 1914 г.

*** «Вестник Европы», 1898 г., №№ 3, 4, 5, 6.

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

желание побывать там, где поэт столь поспешно позавтракал на ходу.

Нет, я ни в коем случае не хочу походить на авторов так называемых биографических романов или беллетризованных биографий, которыми изобилуют ныне книжные рынки земного шара. Всеведующие беллетристы-биографы так и норовят залезть в головы великих людей и вещать если не их гениальными, так своими устами: «Он, имярек, думал о том-то, он чувствовал то-то и то-то, он хотел сказать так, а сказал и сделал так». Отнюдь не желая уподобляться таким вещунам-всезнайкам, я позволю себе лишь несколько логически обоснованных догадок: о чем не мог думать, о чем мог думать и о чем не мог не думать Адам Мицкевич, глядя на пустынный, кое-как покрашенный Петровский дворец. Весьма возможно, что, блуждая по пустырям Петровско-Разумовского, он не думал о владельце этих мест, старом князе Алексее Кирилловиче Разумовском, бывшем министре народного просвещения Российской империи, особо пекшемся об университетах Дерптском и Виленском, из которого, Виленского, он, Мицкевич, и был исключен. Но не мог не думать Мицкевич, глядя на Петровский дворец, о том, что по аллее, прекрасной липовой аллее, насаженной старым князем от Москвы до дворца, именно сюда, в этот

дворец, ушел со своими приближенными Наполеон из огнеопасного, дымного, душного, глухо ухающего своими раскаленными колоколами Кремля во время московского пожара 1812 года. Наполеон бежал в этот прекрасный, абсолютно безопасный дворец, уютно отделанный в стиле Людовика XVI, того самого, расправу над которым завершал он, республиканский, робеспьеровский генерал Бонапарт, будущий император Франции! Вот судьба: попасть в рококо, кружева, фижмы этих напудренных старомодных Бурбонов, уходя от искр и копоти разожженного коварным графом Растопчиным московского пожара, спасаясь от немилосердных, лютых единомышленников одноглазого фельдмаршала Кутузова.

Даже не будучи писателем биографических романов, нетрудно предположить, что именно думал, глядя на пустынный, когда-то приютивший Бонапарта дворец Адам Мицкевич, как известно, почитавший Наполеона в такой степени, что в отрочестве прибавлял к своим именам Адам Бернард еще имя Наполеон; Мицкевич, так почитавший Наполеона, что, когда скончался, то лицо его, по свидетельству некоторых современников, приняло паразитическое сходство с лицом Наполеона! Не с помертвевшей маской, а с лицом самого Наполеона! Ведь Мицкевич даже Байрона почитал личностью, за-

фондам другие работы художницы, позднее ездившей в Италию и во Францию и одно время, так об этом свидетельствует сестра ее Екатерина, писавшей даже в ателье известного Делакруа! «Свобода на баррикадах». Но вот именно к ней, Евдокии Бакуниной, как глухо сказано некоторыми завистливыми художниками-современниками, благоволил Николай I. Честно скажу: я не знаю, действительно ли это было так или это только показалось им, что он благоволил к ней. Общество поощрения художников некоторое время принимало на себя заботы по воспитанию одаренных простолудионов братьев Чернецовых*, и в дальнейшем они, мастера этих патристических, по выражению Булгарина, волжских пейзажей (хотя и похожих, как две капли воды, на итальянские пейзажи Иванова), получили возможность выезжать для усовершенствования в живописи за границу — в Италию, Палестину и Турцию, причем средства для второго путешествия, по сообщению «Художественной газеты» за 1840 год, предоставила им одна «русская дама, ревностная и постоянная покровительница всего прекрасного, называя имя которой, не чуждое каждому русскому сердцу, мешает газете долг скромности».

Я не знаю, о какой именно даме шла речь, но, по всей вероятности, это была одна из тех близких если не трону, то двору особ, которые проявляли себя в различных сферах общественных, по нашему говоря, неся общественную нагрузку: кто в области призрения сирых и убогих, кто в области милосердия к неимущим, кто как. Так, в частности, после смерти президента Академии художеств герцога Максимилиана Лихтенбергского президентом академии была утверждена в 1852 году его вдова, великая княгиня Мария Николаевна, вероятно, и раньше игравшая в академических делах не меньшую роль, чем ее муж. И когда думаешь обо всем этом, то ясней становится и роль Евдокии Бакуниной как художницы, одно время близкой к придворным кругам если не по своему фрейлинскому званию, то хотя бы по фрейлинкам — кузинам и теткам. Ведь как-никак она со своими сестрами принадлежала к свету и, если можно так выразиться, к великосветскому ведомству великой княгини Елены Павловны, к которому принадлежала не только академическая президентша великая княгиня Мария Николаевна, но и такие дамы-патронессы, как княгини Щербатова и Голицына, баронессы Будберг и Штернберг, воспоминаниями о которых богаты мемуары ее сестры Екатерины. А быть может, как я догадываюсь, Николай I усиливал свои искренние или неискренние знаки внимания и благоволения к художнице Евдокии потому, что она была кузиной одного из самых, с его точки зрения, неблагоприятных его подданных — она была двоюродной сестрой опаснейшего фантазера, государственного преступника, но все-таки русского аристократа, члена одной из стариннейших дворянских фамилий Михаила Бакунина. И этому самому ее кузену Мишелю император Николай мог показать, насколько он великодушен: вот, мол, я не мщу кузине за кузена! А может быть, это «благородство» диктовалось и не чем иным, как самым настоящим, но тщательно скрываемым даже от самого себя чувством страха перед буйным кузеном Евдокии да и перед самой Евдокией Михайловной, которая, по свидетельству современников, не могла простить дальнему родственнику своему Михаилу Модестовичу Бакунину того, что он первым выпалил из пушки по декабристам**. Может быть, все эти мои догадки об отношении Николая I к Евдокии Бакуниной наивны и далеко не научны, но для меня не мемуары чьи бы то ни было, не энциклопедические данные (то и другое может быть субъективным), а самое ясное представление об этой девушке с несколько высокомерной улыбкой суровых уст дает живое полотно в старинной раме. Автопортрет. Евдокия! Вот она, глядящая на самое себя, эта прекрасная, несколько грубоватая Евдокия Бакунина в своем романтическом головном уборе, как бы с портретов Вижке Лебена, но в шубе с пыльным меховым воротником, ниспадающим на талию, в этом экзотическом зимнем наряде, делающем Евдокию Михайловну достойнейшим воплощением златоголовой первопрестольной, но отнюдь не ненавистной ко всему заграничному, доброй Москвы. Такова была невеста Адама Мицкевича Евдокия.

VI

Почему же их брак расстроился? *Есть такие вопросы, которые с трудом поддаются решению. Одно дело — определить отношения между Мицке-

вичем и Пушкиным. Это просто. Другое дело — определить отношения между поэтом и девушкой. «Не верь, не верь поэту, дева!» — воскликнул Тютчев, возможно, как раз по поводу отношений между Адамом Мицкевичем и Евдокией, да простят мне литературоведы такую дерзкую, документально отнюдь не подтвержденную догадку. Но если даже и считается, что Тютчев адресовал это другой деве, то все же я утверждаю, что это можно отнести к Евдокии Михайловне, ведь неизвестно, когда написано это замечательное стихотворение, знают лишь, что никак не позже 1839 года, а кому известно, насколько раньше? Во всяком случае, в 1825 году Тютчев приехал из-за границы в отпуск в Россию и вращался в кругах, близких к литературным, а в 1830 году в Мюнхене встретился с Тютчевым московский знакомец Мицкевича Николай Рожалин, знаток античности и переводчик гетевских «Страданий молодого Вертера», и надо полагать, что в Мюнхене Рожалин, конечно, упоминал об уехавшем в то время из России Мицкевиче и о его московской жизни, и в том числе о его неудачном романе с Бакуниной, о которой говорили уже как о невесте поэта.

Может быть, действительно, как это утверждают некоторые историки, роман не увенчался успехом из-за различия в вопросах веры и народности. Ссылаются даже и на то, что сын и биограф Адама Мицкевича Владислав засвидетельствовал, будто отец сказал однажды, что женился бы на одной особе, если бы она не была православной.

Но скорее всего дело не в православии, а вот в чем.

Вглядитесь в их портреты, и вы можете убедиться, как схожи между собой три женщины: графиня Путкаммер, Ева Генриетта Анквич и, наконец, та, что стала женой Мицкевича, — дочь пианистки Марины Шимановской — Целина, с которой он познакомился в Петербурге почти сразу же после разлуки с Евдокией в 1828 году и женился на которой через шесть лет в Париже. Посмотрите на портреты этих женщин, и вы увидите, что они как сестры родные. И взглянув на них, взгляните на портрет Евдокии Бакуниной, чтобы убедиться, как она с ними несходна. Словом,

*не случайно (это ведь не тайна)
была в его известности лучшая
темна, бледна, с отчаяньем в очах
Целина Шимановская, фатально
похожа на Марию Верещак.*

Не на Марию Верещак, в замужестве графиню Путкаммер, довольно рассудительную, манерную даму, с капризной гримасой читающую гетевского «Вильгельма Мейстера», охотно скачущую на своей кобыле Гурыле или покуривающую трубку а-ля Жорж Занд, не на такую Марию, а на романтическую, нежную Марию «Дзядов» — вот на кого, по крайней мере по внешности, была похожа Целина Шимановская. Поэта влекли эти облики с ликом Марыли. Черты такой Марыли он, как мне кажется, разглядел в Еве Генриетте Анквич, в этом галицийском ангелочке, залетевшем сперва в поле зрения юного Мицкевича в Новогрудке, а затем явившемся ему, седеющему пилигриму, в Риме, но упорхнувшем там из его объятий. Зато не упорхнула барышня Целина, имевшая также сходство с Марылей, видимо, от предков унаследовавшая в очах своих отблеск дымных деревенских лучей где-то между Новогрудками и Барановичами, где ночами по ноябрьским снегам двигались тени в овечьих тулупах на хаутуру или, сказать по-иному, на Дзяды. Да что там говорить! Лучше всего взять да и заново перечитать как следует много объясняющую великолепнейшую новеллу Проспера Мериме «Локис». В этой новелле, которая, несомненно, навеяна автору самим Мицкевичем и не случайно была опубликована лишь через тринадцать лет после смерти Мицкевича, нет, конечно, протокольно точных портретов ни пана Адама, ни Целины, но удивительно ясно воссоздан дух этого, самого что ни на есть медвежьего угла Европы, как называет один из биографов Мицкевича эти края просвещенной, но хиреющей шляхты и темного, лишь набирающего мощь народа. Вернее, народов, народностей. Ведь это рубеж по крайней мере четырех вер, край преданий, примет, суеверий, темного кликушества и прекрасных сказок. Край древесных полуримско-католических, полуславяно-языческих распятый и цельноязыческого кудесничества. Но, впрочем, еще вопрос, как могла относиться к этому Евдокия, что она могла чувствовать в рассуждении всяческих кудесничеств, хаутур, вызываний духов предков, медвежьих свадеб!

VII

Их молодость, молодость Евдокии и Адама, была днями течения времени как будто бы вспять. Речь идет о конце первой и начале второй четверти

девятнадцатого века. Лучшее, по мнению и самого Мицкевича, его произведение «Дзяды» порождено и принадлежит именно этой эпохе, периоду как бы понятного натяжения тетивы событий, напрягаемой, чтобы пустить тяжеловесную стрелу прогресса в новый полет. Это были годы внешне полного торжества реакции, проявляющей себя везде и всюду, во всех смыслах, и в том числе и как погружение умов в мистику, возвращающую на смену вольнодумию, антиклерикализму недавнего осмнадцатого века. Это были дни, когда, скажем, Александр I увлекался творчеством госпожи Крюднер, а госпожа Татаринова, урожденная Буксгевден, — хлыстами, и дух мистицизма, казалось, готов был проникнуть во все отдушны не только голландских, но и русских печек. И молодой пан Адам тоже отдал дань этому общему, универсальному, можно сказать, духу времени, но, будучи прекраснородным свободолобом, он отдал эту дань не аристократическому салонному мистицизму верхов, а самой что ни на есть демократической мистике низов (была и такая мистика!), то есть он отдал дань духу душных хат и полному тяжким вздохам дыханию заброшенных сельских погостов. Именно тогда, в начале двадцатых годов, он написал балладу «Романтика», где яснее ясного отождествил романтизм с демократизмом и мистицизмом и глубоко сочувственно отозвался о «Духе, которым в корчах бредит челядь». А через год принял за колдовскую антипанскую, протонародную вторую часть «Дзядов» с ее настойчивым и грозным рефреном: «Что-то будет?! Что-то будет?!» И бог его знает, как это было, но мне чудится, что отнюдь не демократизм Мицкевича, а именно мистическая окраска этого демократизма, этот элемент мистицизма в настроениях молодого Мицкевича как раз и не пришлись по нутру Евдокии Михайловне. Бунтарская суть была по душе ей, прекраснородной, но мистогогическое выражение этой сущности как раз и пришлось не по сердцу ей, которая, несмотря на свое ортодоксальное православие, а может быть, даже наоборот, благодаря ему была, как мне кажется, далека от этого самого мистического духа времени, от всякого рода мистерицизма и мистогогии, начиная от отечественной дремучей хлыстовщины, столь милой для полурусской мадам Татариновой, в девичестве Буксгевден, и кончая космополитическим мистицизмом александровского царствования.

Я не имею данных утверждать, но мне кажется, что Евдокия Михайловна слыла девушкой даже несколько старомодной, вот именно по причине ее непризнания вошедшего в моду мистицизма ее считали старомодной по взглядам, ее считали запоздалой просветительницей, энциклопедисткой, критиканкой, попросту — вольтерьянкой. Конечно, все было не так просто. Как впоследствии, в 60-е годы, она читала Стасова*, так в 30-е годы она, видимо, читала Гегеля. Или, во всяком случае, познавала его в братских и дружеских пересказах. И хотя этот любезный питомец Прямухинского гнезда, но чрезвычайно сложный философ, властитель дум мыслящей молодежи, этот Гегель, вероятно, был ей, юной и прекрасной деве, довольно уютен, но, с другой стороны, ее невыносимо шокировали мицкевические «дзядовские» кудесники, заклинающие злых духов смешным для ее, как-никак барского, помещичьего русского духа восклицанием: а кишь, а кишь!

Вот они и разошлись характерами. А характер, особенно у пана Адама, был, как известно, нелегкий...

Но дальнейшая судьба Адама Бернарда Мицкевича лежит за пределами этого повествования.

А судьба Евдокии Бакуниной?

VIII

Критически переосмыслив вышенаписанное, я задаюсь вопросом: имел ли я право писать об этом? Я не был свидетелем ни встречи Евдокии и пана Адама, ни разлуки их и даже не перерыл до дна всю посвященную этому вопросу литературу... Вернее, ничего, разумеется, от себя не придумывая, пишу, как диктует интуиция, как подсказывает логика событий, впрочем, поступая так в данном повествовании в духе самого Мицкевича, который в своей последней лекции в Коллеж де Франс говорил вполне откровенно, что ему, мол, не доставало пособий, книг и советов, и доверившись, как говорится, случаю, он дождался этих пособий от провидения и не остался без них. Вот так же, следуя его примеру, взялся за рассказ и я. И очень бы мне хотелось гораздо более подробно поведать о том, как жила Евдокия Михайловна в дальнейшем, после отъезда Мицкевича из России: надо думать,

* О Чернецовых см.: П. Н. Столпянский «Первые патриоты русского искусства», СПб., 1915 г.

** См. А. А. Корнилов «Молодые годы Михаила Бакунина».

что тогда-то она и ушла с головой в живопись и получила ту, о которой вспоминалось выше, медаль Академии художеств и уехала после этого за границу еще совершенствоваться в живописи, но не как стипендиатка академии и не на свои средства, а ей, талантливой дочери разоренного процессами отца, оказали помощь Шереметьевы.

Мы знаем, что она посещала мастерскую Иванова. Там, в Риме, ее нагнало послание Кукольника, в котором тот писал: «Сообщаю Вам новость тайную, но перед Вами считаю долгом быть откровенным из уважения к Вашему Высокому Таланту и пламенной любви к искусству — я задумываю издавать чисто художественную газету» (это и есть та газета, о которой упоминалось выше в связи с братьями Чернецовыми и дамским меценатством). Нестор Кукольник просил Евдокию сделать корреспонденткой из Рима, чтоб рассказать читателям «Художественной газеты», как живут наши художники за границей... Затем из воспоминаний сестры Евдокии Екатерины известно, что Евдокия Михайловна некоторое время жила в Париже, рисуя в ателье Делакруа. Встречалась ли Евдокия в Париже с Мицкевичем, не знаю, но, как известно, один из лучших портретов Мицкевича написан именно Делакруа...

Затем следуют неведомые, неясные для меня сороковые годы Евдокии Бакуниной. В 1847 году, когда над Европой уже готова была взойти звезда сорок восьмого года, в Москве скончался отставной генерал и сенатор, доживавший в белокаменной как частное лицо, старик Бакунин, и можно предполагать, что Евдокия Михайловна была там на похоронах отца. А в 1854 году Евдокия была в Петербурге, где хлопотала о свидании с заключенным в Петропавловской крепости мятежным своим кузеном Мишелем, вздумавшим в сорок восьмом году в Дрездене обороняться от прусских карателей мадонной Рафаэля и затем выданным пруссаками Николаю I.

Стихи о деве есть не только у Федора Тютчева, но и у скромной сестры Евдокии Михайловны Прасковьи тоже есть стихи, в которых говорится: «Провидение не в светлый час щедрот своих, но в тяжкую минуту гнева дало постигнуть робкой деве святое таинство искусств», а люди «насмешкой встретили ее надежду и мечты», и потому судьба девы оказалась предрешена: «В ней сердце пламенное сдавят, отречься все ее заставят от дум святых для суеты». Но я думаю, что, если все это Прасковья относилась не только к себе, а и к сестре (кстати сказать, все три сестры — Прасковья, Евдокия и Екатерина — остались девушками, замуж не выйдя), то по отношению к Евдокии Прасковья была неправа. Отнюдь не об отрешении от дум святых для суеты говорит все последующее. В Москве ли матушке, как величала Евдокия Михайловна старую столицу, в Твери ли, в Торжке ли, в деревне ли — всюду Евдокия Михайловна существует отнюдь не как ординарная помещица, хотя именно так — «тверская помещица» — подписала она одно из своих писем. Письма эти при всей своей сдержанности дышат злобой дня. Если в пятьдесят четвертом году Евдокия Михайловна болела сердцем за мятежного кузена Михаила, так в 1864 году помыслила ее заняты были судьбой заключенных в ту же пору в Петропавловскую крепость тверских мировых посредников братьев Бакуниных, подписавших известный проект ограничения самодержавия. Из других писем Евдокии можно видеть ясно, что в дальнейшем она продолжала жить интересами своего времени. Видно, как она тосковала вдали от столиц без новых книг, без журналов... «Необходимы чужие мысли, когда свои душат. Грустно». Временами она возвращалась к живописи, но из ее корреспонденции ясно, что она больше и больше уходила в заботы мирские, деревенские, хлопоча по хозяйству, хлопоча и о крестьянах. В то время как сестра ее Екатерина открыла в своих владениях угодьях больницу, Евдокия в своих владениях организовала школу для крестьянских детей, которую посещало до сорока учеников.

Словом, все в духе времени. В этом смысле хорошо и, пожалуй, точнее и короче всех других авторов сказала о Евдокии и ее сестрах в книге своей о русских женщинах лектриса Высших женских курсов госпожа Щепкина: мол, жизнь не улыбнулась сестрам Бакуниным, и они, за исключением прославившейся во время Крымской войны Екатерины, как слишком ранние цветы, не достигли полного расцвета. Три сестры! И одна из них, Евдокия, глядя из окошка своего деревенского обиталища на свою школу, порой наверняка заглядывала и в шкатулку с заветными письмами.

А письма, нам неведомо какие,
О чем Адам Мицкевич вел в них речь,
До старости хранила Евдокия
И завещала: — После смерти сжечь!

Конкурс одного стихотворения

МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Юрий ПОПОВ,
военнослужащий,
Ташкент

Преимственность

Я это слово понимаю так:
Вот мы с отцом и древним дедом,
Как пальцы, сжатые в кулак,—
И для беды и для победы.

Я это слово вижу так:
В моей семье — три поколения.
Способен разве лютый враг
Такой цепи разрушить звенья?!

Вячеслав МОЛОДЯКОВ,
геолог,
Москва

Отец

Тихий город завьюжен дымами.
Пахнет августом в тихом сквере...
Словно старые раны, с годами
Забываются наши потери.

Было трудно.
Ковали победу,
Ждали с фронта родных и близких...
Озаренные тихим светом,
Лейтенантов стоят обелиски.

Синий город завьюжен туманом.
Где-то парочки бродят

и пары.
Тихо спят под звездой багряной
Наши двадцатилетние папы.

Им другие достались песни.
Как же мчишься ты,
время наше!
Я недавно отцу был ровесник,
А теперь почти вдвое старше.

Он приходит ко мне ночами,
Улыбается чуть устало.
Я не видел его печальным
Ни во сне,
ни на снимках старых.

Потому, как и он, я весел
И за все на земле в ответе.
Я его недопетая песня,
За двоих я живу на свете.

Тихий город завьюжен дымами.
В звездный вечер распахнуты двери...
Все сильнее болят

с годами
Наши старые раны —
потери.

Владимир МОНАХОВ,
корреспондент газеты,
Братск

На кровавом поле боя
Через тридцать лет
Мы посеяли с тобою —
Хлеб!

Проросли весной злаки
Смерти вопреки!
Подымаются в атаку
Колоски!

Евгений ГРИШИН,
журналист,
с. Малая Сердоба,
Пензенская обл.

На высотах Пулкова

Весна проходит по высотам.
В стволах березок бродит сок.
В заштопанных травой дотах
Остался смерти холодок.

Глядят глазами пустыми
Из мира прошлого они.
Как облака, летят над ними
Спокойно и крылато дни.

Стоят печально обелиски
Среди суровой тишины.
На плитах списки,

списки,
списки
Не возвратившихся с войны.

Молчанья строгие минуты...
Здесь детвора — и та молчит.
А над землей, как залп салюта,
Вдруг гром весенний прогремит!

Александр ПОТАПОВ,
учитель,
Рязанская обл.

Отзвуки войны

Тишина в военкомате —
Громко кашлянуть нельзя.
Тихий плач солдатской матери
Сердце болью пронизал.

Мать за сына получила
Орден Славы боевой.
Плачет, голову склонила
Над великой тишиной.

Так ждала, тепло и нежно,
Вся в тревогах — столько лет!
Безнадежные надежды —
Седины и горя след.

Сын уснул в могиле братской.
Но, как память о войне,
Слезы матери солдатской
Обжигают сердце мне.

Леонид ЗАВАРЗИН,
аппаратчик,
Пермь

Тыловой госпиталь

Было здесь по-особому тихо.
Голубые в стаканах цветы.
Лишь стрижи пролетали с криком,
Да кусты за окном пестры.
Далеко от военных пожаров
Здесь цвела по оврагам мята,
А в прохладных

больничных палатах
Умирали от ран солдаты.
И под звуки печального марша
Птиц пугали ружейные залпы...
Поколение наше старшее!
Мы с рождения вам благодарны!

Есть города, способные уже сами по себе многое пове­дать приезжему. Светлогорск — один из таких одаренных, я бы сказал, рас­кованных рассказчиков. «Разговор» со мной он на­чинает, что называется, с места в карьер — с юношеским пылом, с непосредственностью общительного со­беседника, не дожидаясь вопросов, не сомневаясь, что мне будет интересно. «Родился я в марте 1954 года, в тот день, когда на улицах затерянной в полесской глухомани деревни Шатилки появились первостроители знаменитой ныне на всю Белоруссию Василевич­ской ГРЭС... Городом, правда, меня признали не сразу. Шесть лет спустя. Но и если придерживаться «метрики», мне уже двадцать!»

«Уже!» На его юношеском лице ни одной морщинки. Стройный, подтяну­тый, стоит он близ Березины, вглядыва­ясь в лесные дали, сгорая от нетерпе­ния, словно спринтер, готовый рвануть­ся в беге, — так хочется ему поскорее повзрослеть, посолднить. Он не задумывается пока над простой истиной: молодость — понятие относительное. Он еще не знает, что когда-нибудь в ответ на веское: «Мне уже два­дцать!» — возьмет да и скажет сам, пря­ча улыбку: «А мне еще только пятьде­сят!»

ИРА ВОДОПЬЯНОВА РАБОТАЕТ ТКАЧИХОЙ НА ЗАВОДЕ ИСКУССТВЕННОГО ВОЛОКНА. ОНА ДЕПУТАТ ГОМЕЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ. НЫНЧЕ ИРИНА ТРУДИТСЯ УЖЕ В СЧЕТ ОСЕНИ 1982 ГОДА.

Молодые города

**Владимир БУТ.
Фото Сергея ВЕТРОВА**

ИНТЕРВЬЮ ДАЕТ СВЕТЛОГОРСК

Встречу и с двадцатилетними и с людьми уже в годах, но не утратившими взрывчатости души, энергии, веселости нрава. Светлогорск подарит мне позднее.

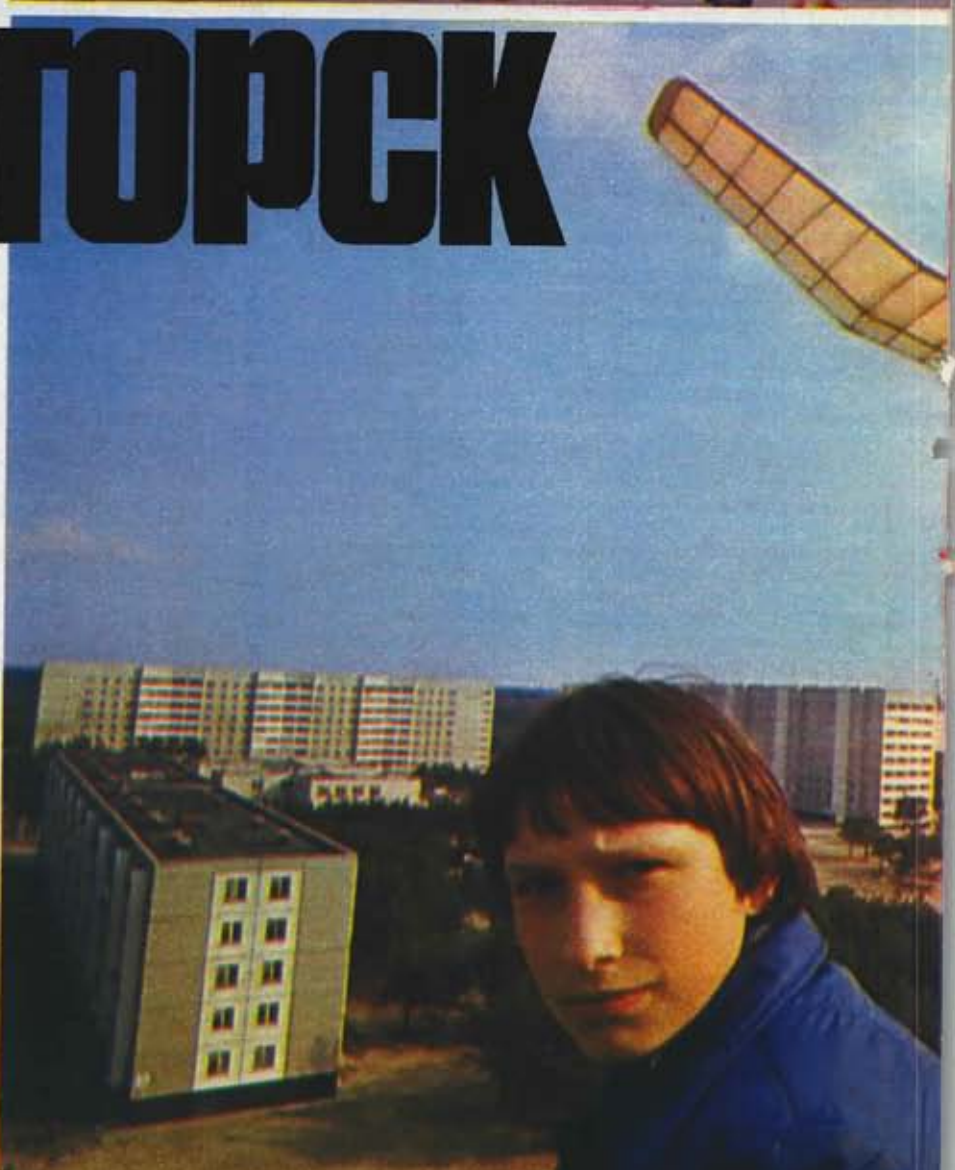
А пока... Хорошо ходить по его проспектам, площадям, паркам, дивиться оригинальности планировки его жилых массивов, так приятно не похожих на то, что, увы, частенько можно встретить в других городах, где по прихоти ее величества «серийности» люди путают дома и подъезды; щуриться от яркого солнца, небесной голубизны, дышать крепким настоем хвои и слушать, слушать...

«Я вполне современен, даже красив, не правда ли?» — Он немного хвастает­ся. Но простим ему. Это опять же от молодости: хочется блеснуть своими достоинствами. («Недостатки, мол, ты и сам обнаружишь») Что ж, все верно! Вот он, весь на виду у меня — просторный, чистый, спланированный в добром согла­сии с «розой ветров» — в городе хи­миков химией нисколько даже не пах­нет: его промышленная зона отделена от жилых кварталов более чем двухки­лометровой зеленой зоной. Он дерз­отно похвастается своими новыми микро­районами — белокаменными островами посреди моря лесов. «Это гордость на­ша», — скажут мне, когда я буду уже не один ходить, смотреть, и дома эти, словно предназначенные для европей­ского круиза корабли — многопалубные,

с празднично расцвеченными фасада­ми, — выплывут вдруг из-за красно­стволья сосен. А сейчас... Светлогорск пытается «добить» меня цифрами на многочисленных уличных стендах, пан­но, впечатляющей мощью корпусов сво­их промышленных гигантов, обилием строительных площадок, зазывным ви­дом спортивных сооружений, зон отды­ха, гостеприимно распахнутыми дверя­ми магазинов, кафе, дворцов культу­ры... Он смотрит веселыми глазами чи­стых окон. И улыбается. Широко, с какой-то доброй хитринкой, как бы при­берегая — на дальнейшее — что-то очень значительное, как бы говоря: «Вот рассказываю я тебе о себе, но это так, для первого знакомства, главного ты пока еще не знаешь...» «Че­го?» — спрашиваю я, окунаясь в све­жесть весеннего утра, прислушиваясь к веселой мешанине уличных зву­ков — птичьему щебету, голосам детво­ры, заполнившей скверы, к долетающей откуда-то песне...

...Их было тысяча семьсот пятьде­сят — стариков, женщин, детей. На рас­свете на деревню Ола, где они жили, вышел из леса батальон эсэсовцев. По окнам приземистых изб хлестнули авто­матные очереди, струи огнеметов. Вы­бегавших из пламени расстреливали в упор.

После войны вернулся на многостра-

СВЕТЛОГОРСК — ГОРОД ЮНОСТИ, А ЗНАЧИТ, ГОРОД ЛЮБВИ, ГОРОД СВАДЕБ.

— Как живут они? Каковы их интересы, духовные запросы? Что «высекается» при столь характерном для нашего времени контакте: молодой город — молодые жители? Какие возникают проблемы и как они решаются?

Светлогорск на минуту задумался, но только на минуту. «Я познакомлю тебя с человеком, лично причастным ко всему окружающему, с первым секретарем горкома партии Владимиром Константиновичем Левчиком».

Он из поколения тех, чье детство и юность были опалены войной. Из тех, кого молодость водила в поход на послевоенную разруху, когда от усталости подкашивались ноги, и поесть волю было нечего, и передохнуть некогда. Годом учебы недоставало многих радостей нынешнего студенчества, а раннее приобщение к партийной работе потребовало полной отдачи всех духовных сил делу.

Коренастый, с энергичным лицом, жилистыми руками рабочего, волевой, динамической природы человек, он круто начал. В первый же день по его настоянию на бюро горкома партии кому-то дали «строгача», кого-то сняли с работы. Светлогорск, когда Левчика избрали первым секретарем, был еще очень далек от того, каким увидел его я. Да и много позднее — тоже: «...в третьем микрорайоне дома № 40 и № 29 в проектной документации значатся девятиэтажными, а на деле у каждого на четыре этажа меньше... У нас работают две школы рабочей молодежи... без зданий школ. Не имеет своего помещения и единственный в городе техникум. Ютится на «подселении» у городской библиотеки музыкальная школа...»

Эти строки из давней газетной статьи Левчика. Сегодня затронутые в ней проблемы — достояние прошлого. Много изменилось в городе. Ну, а сам Левчик? Он тоже во многом изменился. Иным стал его подход к людям. В пору, когда трудностям, казалось, не будет конца, когда справиться с ними представлялось возможным, лишь апеллируя к кому-либо в Минске, а то и в Москве, любой, даже не столь серьезный промах «своего» хозяйственника вырастал в глазах секретаря в нечто большее, породил сомнение в способности работника исправить ошибку. Теперь он сам называет это личным «пробелом в человековедении», о чем-то сожалеет, винит себя за былую горячность, резкость. Переоценка коснулась самого важного: не только он, Левчик, думает, переживает, тратит нервы, то же самое делают и другие с ним рядом — ради успеха общего дела. И застрельщиками многих славных трудовых дел стали вместе с коммунистами светлогорские комсомольцы. Они брали на себя самое трудное, необходимое.

«Это улица Ленина. С нее я начинался. Впрочем, не с нее, а, как ты уже знаешь, со строительства Василевичской ГРЭС, вырабатывающей ныне почти столько электроэнергии, сколько давали все электростанции России в 1913 году. От ГРЭС и пошло название города. Свет — понимаешь?»

«Нравятся тебе эти двухэтажные домики? Хороши, правда? А ведь они, между прочим, даже не вчерашний, а позавчерашний день моего жилищного строительства. Как и что я строю теперь, ты еще увидишь... А это наш городской музей...»

Музей еще только-только оперился, в помещении еще не выветрился запах свежей краски, небогаты пока скромно оформленные экспозиции. Но он уже гостеприимно распахнул двери. Молодому городу не терпится поскорее представить на всеобщее обозрение овеществленную летопись своей истории. А его молодым жителям — прочесть ее. И понятно: сегодняшний Светлогорск, как

дальнюю землю солдат. Родной его Олы больше не существовало. Но он не захотел примириться с этим. Поставил новую избу, а рядом, на месте сгоревшей, захоронил пепел — все, что осталось от его дома, от его семьи...

С экрана на меня смотрело лицо теперь уже глубокого старика. Он стоял возле могильной ограды, сгибаясь под непомерной тяжестью пережитого. Крупным планом, в сетке морщин, глаза, и в них — не стертая временем, непреходящая трагедия Олы. Той Олы, чье имя значится в бесконечном списке сел и деревень Белоруссии, расстрелянных и спаленных гитлеровцами. Олы, над надгробием которой сегодня набатно гудят колокола Хатыни...

«Ваши памятники — это памятники, взывающие к жестокости и мести», — вопиют те на Западе, кому хотелось бы, чтобы люди забыли о преступлениях фашизма.

Нет, не для этого встала над пеплом Хатыни бронзовая фигура старика, простирającego руки с убитым мальчонкой. И не эти чувства вызывала неистребимая боль в глазах человека, которого увидел я на экране фильма, созданного молодыми парнями из самодеятельной киностудии. И тот — бронзовый и этот — живой, словно неукротимый дух Олы, неотступно шли рядом со мной по земле, где некогда была деревня с таким звучным названием. Гомельщина, Светлогорск, Светлогорский район — так зовется эта земля сегодня.

«Смотрите, какая она! — как бы говорили людям незримые мои спутники. — Смотрите и помните: ничто не возникает из ничего; ценой страданий, ценой жизни оплачен ваш мир. Погибшие не исчезли, не ушли в небытие. Здесь они! Во всем: в сиянии солнечного утра, в улыбке ребенка, в вашей собственной радости... Смотрите и помните...»

...Светлогорск продолжает рассказывать о себе: «...средний возраст шестидесяти тысяч моих жителей — комсомольский. Энергетики, химики, бумажники, нефтяники, строители. Люди тридцати национальностей...»

АВИАМОДЕЛИЗМ — ОДНО ИЗ ЛЮБИМЫХ ЗАНЯТИЙ ЮНЫХ СВЕТЛОГОРСЦЕВ.

Два Ермака

Утром мы поплыли на осетра.
Когда проходили мимо яра, где вы-
сятся памятники покорителю Сибир-
ри — Ермаку Тимофеевичу, мой новый
знакомый — рыбак дед Ермак — низко
поклонился своему, как он сказал,
предку и попросил удачи.

Тот, первый, из тяжелого гранита,
Глядит сурово в глубь Иртыша.
А даль уже громами переверта,
Как будто орды дикие спешат.

А этот, малорослый и вертлявый
И с ликом преподобного Петра,
Ждет от реки не богатый славы,
А так себе — с полпуда осетра.

Тот, первый, кто дарил царю с поклоном
Сибирь и кровью испускал вино,
Все ищет в крутобоких волнах
То место, где, обласкан, утонул.

Другой же, поседевший и негордый,
Неловко сигарету мнет в руках
И все пытается, видел ли я Одер
И стоящая ль то река.

— Спокойна, говоришь? И уже вдвое?
Но в мае, верно, ох, как холодна?

Видать, у деда дело непростое,
И все, что знал, я рассказал сполна.

Тот, первый, грозный атаман казачий,
Исполнен вечных и высоких дум.
А этот, неприметный и невзрачный,
Со стороны, наверно, — так, болтун.

Пред тем лежал сибирский край покорно —
Не зря носил кольчугу с царских плеч.
А этот мне про Одер да про Одер —
С утра и до полудня речь...

Мы расставались.
— Что ж, дедуся, прощайте.
За лодку вот, возьмите на вино...
Но он остановил меня:
— Сынок,
Не надо так...
За Одер не сердчай ты.
Там в сорок пятом...
Два моих...
На дно... —
И, отвернувшись, тихо вдруг добавил:
— А наш Иртыш легко переплывали...

Тот, первый, ратоборец гордый,
Глядел сурово в глубь Иртыша.
Глядел и дед.
Но видел Одер —
Ведь там была
Иссохшая душа.

Баллада о комиссаре

Откатился вдаль жестокий бой.
Отстонали люди,
Кони оторжали...
Он лежал с пробитой головой
Рядом с родником,
От крови ржавым.
Где-то сабельные сполохи дрожат,
Где-то револьверов злая свара.
Верный конь от тела ни на шаг —
Он не верит в гибель комиссара...
Песнь вечерняя над полем поплыла,
Явь неожиданно обернулась чудом:
Побрели по полю тополя —
Комиссара выносили к людям.

Ой, встречай ты, мама, у дороги,
Ой, встречай, голубка, с сечи сына.
Отходили удалые ноги,
Отглядели очи гжуче-синие.

Заиграли ветры на органах крон.
Тополя все шли.
Алели травы.
Не было таких еще
В мире похорон —
Комиссар погиб за дело правое.
И запела
Гимн торжественный
Земля:
— Вставай,
проклятьем заклеянный...
Над могилой — строим тополя.
Золотыми
застыли
знаменами.

мы уже знаем, достаточно ярко пове-
ствует о себе. А что было тут раньше?
«...Уже через четыре года после нача-
ла строительства Василевичская ГРЭС
дала ток. Вот, смотри — на фотографи-
ях ее создатели.

А это миллиардный метр кордной
ткани, выпущенный на заводе искус-
ственного волокна в позапрошлом году.
Рядом — первые разметочные колышки
на его стройплощадке. О том, что рож-
дается гигант белорусской химии, сви-
детельствовали тогда лишь ее разме-
ры — 66,6 гектара. А вот и имена зачина-
телей ударной комсомольской стройки,
бригадиров: Герой Социалистического
Труда И. Хмарун, Г. Митрахович, В. Да-
ниленко. И тех, кто принял от них
эстафету вдохновенного труда, — деле-
гат XXV съезда КПСС ткачиха З. Кижне-
рова, крутильщица С. Моисеева, аппа-
ратчица Н. Павлова...»

В июне сорок четвертого здесь, в ста
километрах северо-западнее Гомеля,
шли ожесточенные сражения с окру-
женной обстрелами группировкой гитле-
ровцев. В бою за деревню Печицы
рядовой Петр Мирошниченко повторил
подвиг Александра Матросова. Вот его
портрет — открытое лицо простого укра-
инского парня. А рядом портреты еще
семи Героев Советского Союза. Их ро-
дина — Сибирь, Урал, Грузия, Туркме-
ния... Они пришли сюда воинами-осво-
бодителями.

«Знаешь ли ты этих мужественных
людей? — как бы спрашивает город по-
сетителей музея. — Знаешь ли многих из
тех, кто и ранее, в годы революции,
гражданской войны, закладывал на по-
лесской земле фундамент новой жизни?
Кто был первопроходцем этих дремучих
лесов и болот, дал твоему Светлогорску
путевку в сегодняшней его день? Пом-
нишь ли о своем человеческом, граж-
данском родстве с ними?»

«Незадолго до моего приезда в горо-
де проводили детский праздник «Пусть
всегда будет солнце». Яркое театраль-

зованное представление на централь-
ной площади, шесть тысяч ребят — его
участники. Незабываемое торжество
для них, для десятков тысяч их отцов,
матерей, дедов, старших братьев, се-
стер — для всего города. И как самый
волнующий его момент — возложение
венков на Аллее героев. Их портреты не
только в музее. Их именами названы
улицы...»

Крепка память у светлогорцев на под-
виг ратный. У отлитых из бронзы ба-
рельефов никогда — ни летом, ни зи-
мой — не вянут цветы, улицы помнят
тех, чьи фамилии носят, знают их мате-
рей, близких в далеких городах, принима-
ют их в гости. В горкоме комсомола
помнят, как пришли однажды туда
молодые парни из бригады Николая
Шевцова и сказали: «Хотим, чтобы
Петр Мирошниченко навечно был за-
числен в наш коллектив. Его зарпла-
ту просим передавать в Фонд защиты
мира!»

Крепка память и на подвиг трудовой,
крепка не только монументальностью
городской Доски почета, где довелось
мне впервые повидать в лицо бригадира
с целлюлозно-бумажного завода Влади-
мира Лядвига, режиссера народного
театра Аду Кузьменкову, с которыми я
позже познакомлюсь уже впрямую и
буду долго говорить о делах, о жизни, о
необрывающейся связи молодых с вете-
ранами производства. Не случайно по
просьбе молодых строителей на доме,
где живет первопроходец здешних мест,
ныне персональный пенсионер Степан
Николаевич Семашко, была укрепле-
на мемориальная доска: «С этого
дома началось строительство Светло-
горска».

Часом позже, осматривая «окульту-
ренный» под городской парк лесной
массив, мы набрали на сказку из камня,
стекла, алюминия, дерева... Не сильно
ли сказано — «Сказка»? Думается, нет.
Хотя в официальных бумагах эту сказку,
наверное, именуют обычной точкой об-

щепита. Чистота, уют, удобная плетеная
мебель, цветы, светильники из бронзы и
хрустала, чеканка...

«Нашему городскому архитектору
Анатолию Олиференко и его коллегам
зпасабо сказать надо, — подсказал мне
Светлогорск — Их работа. Решено по-
добные кафе, бары строить и в городе и
на селе. Получилось что-то вроде типо-
вого проекта, сделанного инициатив-
но...»

И с этой минуты слова «сделано
инициативно» будут звучать всякий раз,
как только Светлогорск покажет мне
что-либо необычное, интересное.

— Так что же все-таки означает:
инициативно?

«Годами над отвалами шлака ГРЭС
курились ядовитые дымы, пыль. Стоило
чуть пошлать «розе ветров», и вся гарь
и копоть волнами катились на город. Не
спасал даже лесной щит. Но вот на-
шлись люди, пришли в горком партии:
«Дайте нам эти злосчастные отвалы, мы
натаскаем туда земли и посадим са-
ды...» И сады появились. И чище стал
воздух в Светлогорске. И всем светло-
горцам стало понятно, как это здорово,
когда все делается инициативно! Не
просто, как принято говорить, на обще-
ственных началах, а в соединении этих
замечательных начал с живой челове-
ческой сметкой, заинтересованностью,
подлинной любовью к красоте.

По этому же принципу были осушены
тут десятки гектаров кишевших комарь-
ем болот и превращены в огороды.
Упал спрос в магазинах на картош-
ку, помидоры, огурцы, капусту, зе-
лень, — посетовал город. И тут же сам
себя спросил: — А чего, собственно,
огорчатся? Кое-где за всем этим люди
в очередях стоят. Привезем — благода-
рять будут... Радоваться надо! — заклю-
чил он вдруг уверенно. — Чем в свобод-
ное время козла забивать, лучше в
земле покопаться. И сознательность ра-

Баллада о тихой соседке

Тихой Любкою слыла в селе она:
Не услышишь голоса певучего.
Мужа вешали — и вся вселенная
Слышала рыдания беззвучные.
Черным вороном в стекло оконное —
На единственного сына похоронная.
И застыла мать немой иконой
Против солнца низкого, холодного.
Молча борозду вела с коровою,
Молча с тлякой — по полю свекольному.
Долю не кляла с другими вдовами,
Не поможешь этим горю горькому...
...Поминали тетку тихим голосом.
Было ей по чести воздано.
Разметав соломенные волосы,
Хата тихо плакала под звездами.
Ночью слышалось в той хате старенькой:
«Где же вы, мои родные-любые?»
Голос был ее — жены и матери,
Той, кого все звали тихой Любкою.

стет. Вот договорились на огородах
никаких хибар, никаких заборов не горо-
дить...»

На предприятиях меня поразило оби-
лие цветов. Цветы на газонах, в цехах, в
рабочих столовых, в кабинетах заводо-
управлений. Цветы не только летом, но
и осенью и в зимние холода. Цветы к
праздникам, свадьбам, ко дню рожде-
ния каждого рабочего... А потом я уви-
дел оранжей — на ЦБЗ, на ЗИВе: по
четверти гектара земли под стеклянны-
ми крышами. Эти цеха «доброе настро-
ения» не предусматривали никакими тех-
нологическими циклами. Просто есть, к
примеру, на том же ЦБЗ такой чело-
век — Федор Иванович Муха. Был ма-
стером-ремонтником. И имелось у него
одно увлечение: тюльпаны, пионы, ро-
зы, гвоздики... Заметили это, потяну-
лись к нему такие же любители цвето-
водства, собрались как-то, пришли к
директору, в завком, там все вместе и
порешили: а почему бы не поработать
ради того, чтобы доставить людям ра-
дость! Ведь даже самая маленькая, она
становится очень большой, когда ее
приносит в дар бескорыстно... Восьмой
год уже Федор Иванович — мастер по
озеленению. Город нашел в нем энтузи-
аста, а ему помог найти себя.

«Сделано инициативно...» Это и гру-
шевые, яблоневые аллеи на террито-
риях заводов и увешанные картинами,
украшенные росписью стены цехов. Это
завидная городская зона отдыха с тени-
стыми уголками, дорожками, столиками
на воздухе, детский парк с аттракцион-
ами, с кафе-мороженым в отслужившем
свой срок, но вполне еще respectable
ном лайнере — подарке Аэрофлота
светлогорской детворе. Это и танце-
вальная площадка, и центральная про-
гулочная аллея в парке, и освещенная
лыжня для вечерних лыжных прогулок
зимой, и...

«Позвольте, — скажете вы, — сады,
огороды, с ними все ясно. Но танцпло-
щадка, аллея. Тут мало одной только

Медовость

Шалуну-июлю
Нипочем порядок —
В гости к августу
Нагрянул вдруг.
А заботливые липы-няньки
Рады —
Ароматом напоили
Все вокруг.
Раззвенелись капли —
Труженицы-пчелы:
Кладовые-соты
Ждут цветочный дар.
Облетят без усталости
И холмы и доли.
Соберут усердно
Дорогой нектар.
Терпко пахнет воздух,
И земля, и воды.
Дух густой медовой
Уплывает в синь.
И лучами-спицами
Солнце с небосвода
Белые-пребелые
Вяжет гречке сны.

Я оптимизму у зерна учусь:
И, пав на камень, все же в рост идет!
У колыбельной матери возьму я грусть,
Упорству научусь у тихих вод.

Едва лишь озорник-рассвет
Погасит ветром звездочку-свечу,
Я к солнечному припаду лучу,
Чтоб научиться всем дарить тепло и свет.

Когда же сил совсем не станет
И подкрадется смерть, как тать,
Я прошепчу холодными устами:
— Учусь травой прорасти...

Приходит мудрость.
Или опыт, может?
Игрушкой слово быть перестает.
Оно как пуля.
Острый меч без ножен.
Ошибся ты — невинного убьет.

На промах права не имеешь даже.
Цель выверить обязан ты стократ,
Чтоб слово каждое,
Которое ты скажешь,
За истину сражалось,
Как солдат.

Лось

В малиновый колокол
Ранней рани
Позванивали солнышки рос.
К могучей сосне
Прижавшись раной,
Умирал густорогий лось.
В его глазах
Кружились кедры,
В ушах набатом —
Свист дроздов.
Крепыш-мальчишка
В спортивных кедах
По-рысьи шурился из кустов.
Недавно ему для забавы
Кто-то ружье купил.
Первый выстрел —
И солнце упало.
Докатилось до самых копыт.
Лось умирал...
Обреченный на муки,
Грузно клонился он
К теплой земле.
Ему сквозь страдания
Виделись руки:
Они,

как обычно,
давали хлеб.

Любовь ГОЛОТА

Белый аист

«Так это же тот глухонемой, что
один, как перст, и все яблони
сажает».

(Из разговора.)

Глухонемым вернулся он с войны.
И все стоял, как аист, возле тына —
Мечтал иметь он и жену и сына,
Но не нашлось ему ни девки, ни вдовы.

«Ж не рассвет он видит поутру —
Огонь, как крик, в бою том под Берлином.
Ни явь, ни сон той боли не сотрут,
Какой бы жизнь ни оказалась длинной.

Туманных снов немую череду
Немые дни, как на кукурузе, низали...
Вдруг расцвели те яблони в саду —
Цветеньем белым боль перевязали.

Они струили белое тепло
И врачевали сердце лепестками.
От яблонь все вокруг белым-бело —
С ним говорили белыми стихами.

Внимая им, беззвучно пел он —
Средь белых яблонь аист белый.

Забывтая криница

Пел жаворонок — небу, солнцу люб.
Притихли травы в полуденной лени...
Приду сюда и преклоню колени,
Рука сама седой погладит сруб.

И тихий вздох не удержат в груди:
Молчит вода — не гомонит привольно.
Ей каждый камень делал больно,
Какой-то — в сердце угодил.

Молчит родник. И путнику назло
Мигает он ослепшим оком.
Журавль давно зарос осокой,
Истлело гибкое крыло.

Вот в эту б воду влить живой водицы!
Чтоб соловьями щелкала лоза,
Чтоб, задрожавши, пролилась слеза —
Земли слеза, что умерла в кринице.

Молчит криница — молча обещает,
Что скоро новый здесь забьет родник.
Уж шевельнулся в ней он в этот миг —
Глаза мои он робко отражает.

Переводы с украинского
Владислава ПОБЕДНОСЦЕВА.

Рисунки Михамла ПАПКОВА

инициативы. Нужны средства, матери-
алы...»

«Да, нужны!» — «ответил» Светлогорск, когда у меня тоже возникли вопросы на этот счет. — Вот видишь бордюры? (Мы как раз шли через парк по центральной аллее.) Он не из гранита и не из сортового бетона. Он из отходов, из бракованных плит. У меня ничего не пропадает... Не думай, впрочем, что формула «делать инициативно» применима только к делам небольшого масштаба. Я понимаю ее широко. Смотрел мои новые девятиэтажки в третьем микрорайоне? Думаю, они понравились бы тебе куда меньше, если бы построены были в строгом соответствии с серийными проектами...»

И тут постарался А. Олиференко и его товарищи. Порадовал их утвержденных три с лишним года назад генеральный план, по которому будет развиваться Светлогорск до двухтысячного года, когда его население возрастет до 110 тысяч человек. Порадовал... и кое-чем огорчил: уж очень стандартно обещали выглядеть дома в третьем микрорайоне. «Не хочу быть таким!» — «говорил», «кричал» им Светлогорск. А какой архитектор, если он не утратил еще энергии, задора молодости, останется глухим к этому молчаливому воплю души молодого города! И они засели за работу. Хотя никто их об этом не просил, а тем более не настаивал — «делайте!» Хотя знали, что изменение планировки квартир, расположения балконов, лоджий, фасадов им даром не пройдет — придется крепко схлестнуться и с проектировщиками и со строителями. Так оно и вышло. Но зато — вот они, дома, любимого посмотреть...

«А теперь съезди, погляди на строительство моего общегородского спортивного комплекса...»

Он включает в себя стадион, спортивный зал, поле с искусственным ледовым покрытием... Некоторые объекты в стадионе завершения, иные — только начаты.

Общее впечатление: все будет в лучшем виде, но обойдется недешево. Как же в этом случае срабатывает формула «делать все инициативно»? Неизменным остается ее содержание: общественное начало плюс сметка, заинтересованность. Но объединяют свои усилия уже не отдельные люди, а трудовые коллективы. Вот, скажем, ЗИВ. Предприятие мощное, располагающее большими фондами на социально-культурное развитие. Как использовать эти средства? Можно в одиночку. Пожалуй, денег хватит, чтобы, кроме жилья, построить свой собственный стадион. Но ЗИВу нужен и спортзал, и хоккейное поле, и многое другое. А это уже одному, как говорится, не по зубам. Дальнейшее ясно и вроде бы не ново — кооперация. Так поступают во многих молодых городах.

У светлогорской кооперации, однако, есть свой индивидуальный почерк. Не простое сложение средств, а «персональное» освоение их на закрепленных за каждым коллективом объектах. На пользу делу ставится все: и субботники, воскресники, и строжайший режим экономии.

— Ну, а не случается ли порой, — задаю я «коварный» вопрос городу, — идти против правил при решении хозяйственных вопросов?

«Разговор не для печати, — улыбнулся он. — А если серьезно, то... с расходованием средств на капитальное строительство у нас порядок. Но иногда обстоятельства, учет перспективы заставляют действовать на свой страх и риск. Да вот вам наглядный пример — мы проехали мимо большого городка, рядом с шоссе высились почти готовое здание — новый терапевтический корпус. По проекту он был трехэтажным. А мы, чуть укрепив фундамент, возвели пять этажей. Нарушение? Да... Кто-то даже жалобу на секретаря

написал в Минск. Левичку, дескать, все нипочем — проекты, сметы. Комиссия приезжала. И не только по поводу этих двух «лишних» этажей. Долго разбирались. Настроение было, сами понимаете. А решение вынесли... В общем, правильно мы все делаем...»

Обаяние убежденности — вот, пожалуй, самое привлекательное в Светлогорске. Убежденности искренней, горячей — такую, если ее на самом деле нет, не изобразишь, будь ты хоть сверхталантливым актером. И потому, наверное, так широко и действительно ее силовое поле — встречаясь, беседуя с людьми, особенно с молодежью, с комсомольцами, я то и дело улавливал эту убежденность в их образе мыслей, в их взглядах на жизнь — свою собственную и своего коллектива, города, на набравшие проблемы. На ЦБЗ уже упоминаемый мною бригадир Владимир Лядвиг, в двух словах поведал о себе, о товарищах по бригаде — «все у нас нормально», — сразу же переключился на другие дела. И снова казалось, что сам Светлогорск говорит мне: «Вот центральная площадь. Когда-то, может, и соответствовала она своему назначению, а теперь выпадает из общегородского стиля, надо бы там современный дом построить. Торговое обслуживание улучшить пора, универсам нужен. А что представляет собой наш мебельный магазин? Барак... У города и у его жителей острый глаз.

Острый и вместе с тем активно ищущий: как бы побыстрее да получше разделаться со всеми этими болячками? А их еще, увы, предостаточно. Как бельмо на глазу у города убогие домишки, бараки, времянки. За последние годы около двух тысяч их было снесено. Но и остается еще немало. Огорчают некоторые городские окраины с их пыльными, незаасфальтированными улицами, неблагоустроенностью, отсутствием в домах канализации, газа; запущенные, отдающие захламленным берега

канала, по которому спускается в Березину отработанная вода ГРЭС. Есть у горожан мечта — превратить его в гребной, построить здесь гостиницу, эллинг, сделать пока что неприглядное это место республиканским центром подготовки спортсменов-ребцов...

Позднее, перебирая увиденное и услышанное, я много думал о светлогорском почерке в кооперации, о здешних путях и методах социально-культурного развития...

И еще думал я о формуле «делать все инициативно». Нравственная нацеленность ее очевидна: воспитание у каждого коллективистских устремлений, нетерпимости к обывательской психологии «побольше урвать от общества, ничего не давая ему».

Сила ее воздействия на умы и сердца светлогорцев этим, однако, не исчерпывается. Велико удовлетворение от свершенного вместе, от мысли, что твое слово — обещание или пункт обязательства, предусматривающий личное участие в общественном мероприятии, — не расходится с делом; и, наконец, от сознания предоставленных тебе в коллективном труде богатых возможностей для проявления своих творческих способностей и талантов. «Делать все инициативно» — светлогорцы относят не только к тем случаям, когда нужно на общее благо «бесплатно» поработать на стройке или в городском парке, но и если затевается праздник какой-либо улицы, проводов зимы, если надо брать в руки кирку, лопату, а книгу известного писателя, готовясь к читательской конференции, любительскую кинокамеру, рукопись пьесы на первом чтении в народном театре — словом, когда дело касается сферы духовной, досуга, отдыха...

Машина остановилась напротив Дворца культуры ЗИВА.

«Внутренне, не правда ли? — кивнул Светлогорск на красивое, казалось, насквозь просвеченное солнцем зда-

Так думают и создатели фильма, студии. «Обидно, конечно,— говорят они,— но верим, что трудились мы не зря». У инженера-конструктора Владимира Харьковенко, электрослесаря Валентина Кураша и их товарищей свое отношение к любительской кинокамере: ее объектив не для пустых увеселительных лент, не для создания сентиментальных семейных хроник. Это оружие, разящее все плохое, заставляющее не только радоваться, но и чувствовать боль, какую нельзя не испытать, увидев кадры о трагедии Олы; не только восхищаться мастерством человеческих рук (фильм о ткачихе Нине Миранович), но и негодовать. Именно это чувство вызывает одна из последних работ: «И плачут березы». На мысль о создании ленты студийцев натолкнуло не абстрактное чувство любви к природе, а вопи-

ние.—Надеюсь, внутри тоже понравится. И не только в смысле интерьера. Это главный центр нашей культурной жизни. Советую обратить внимание на клубы по интересам...»

Сегодня их 32. Уже сама эта цифра говорит о том, что житель Светлогорска — человек разносторонний. Сперва он заявил о себе как кинолюбитель и художник: клуб «ЗИВ-фильм» и изостудия, носящая имя города, отметили свое четырнадцатилетие. Потом последовала серия очередных предложений, заставивших отдел культуры горисполкома крепко задуматься: житель оказался обладателем стольких интересов, увлечений, что «охватить» его традиционными кружками самодеятельности стало просто невозможно. Кроме того, он потребовал дифференцированного подхода к себе. И ему пошли навстречу. Так родились клубы: «Патриот» — для будущих воинов, «Новости» — для желающих углубленно изучать внутреннюю и международную информацию, «Иппокрена» — где встречаются учителя, врачи, «Василиса» — где вечерами за чашкой чая женщины решают житейские проблемы: как приготовить вкусный обед, сервировать стол, принять гостей, «Орфей» — открывающий двери для читателей искусств...

Обнаружилась и еще одна привлекательная черта в характере жителя Светлогорска: клуб не воспринимается им лишь как место приятного времяпрепровождения, ему хочется большего — чтобы встречи, разговоры, споры, которые там ведутся, проецировались на саму жизнь, материализовались в чем-то конкретном, улучшающем ее.

...Я сижу в просмотрной комнате студии «ЗИВ-фильм». Гаснет свет, на небольшом экране отпечатываются слова: «Светлогорское чудо». Жду чего-то необычного. «Чудом» оказывается обыкновенная труба общественной прачечной. А вернее — дым из этой трубы, накладывающий столь густые тени на лица тех, кто попадает в его струи, что, например, врач из соседней больницы начинает смахивать на мулата, а его белоснежный халат приобретает оттенок застиранной простыни... Смешно, не правда ли? Над «Светлогорским чудом» смеялись и на городском партактиве и, если не ошибаюсь, минские телезрите-

РАДУШНО ВСТРЕЧАЮТ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ДЕТСКИЕ САДЫ И ПЛОЩАДКИ.

ли. Еще бы, светлогорские гиганты энергетики, химии с их стопятидесятиметровыми трубами выглядят рядом с прачечной жалкими дилетантами по части загрязнения воздуха... Фильм снят более чем два года назад. Ну, а злобедная труба, что с нею? А ничего. Стоит себе и по-прежнему делает свое черное дело. И сегодня городу уже не до смеха. Дело оказалось отнюдь не простым: нужна большая перестройка, новое оборудование. Но светлогорцы не были бы светлогорцами, если бы смирились: «Заткнем мы эту «пасть дракона», обязательно заткнем!..»

ОПЕРАТОРЫ И РЕЖИССЕРЫ САМОДЕЯТЕЛЬНОЙ СТУДИИ «ЗИВ-ФИЛЬМ» УВЛЕЧЕННО СОЗДАЮТ КИНОЛЕТОПИСЬ РОДНОГО ГОРОДА.

В ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ.

ющие факты: в зеленую зону города, в парки повадился охотиться за березовым соком. Браконьер есть браконьер, известно, какой след оставляет он там, где пройдет. В данном случае — варварский след топора. Перед объективом кинокамеры «ЗИВ-фильма» топоры лезтели на землю. Злость в глазах их хозяев не заставила дрогнуть руку оператора. Фильм вышел на экраны. Умножились ряды зеленого патруля. И перестали плакать березы...

В связи с той же потребностью светлогорца к активному действию городские выставки работ художников из клуба «Светлогорск», вечера в клубах «Иппокрена», «Орфей» становятся не просто просмотрами, вечеринками с танцами, а поводами для серьезных размышлений о гражданственности искусства, о путях преодоления эстетиче-

ской глухоты у тех, кто далек от него, о воспитании высокого художественного вкуса; чаепитие в «Василисе» превращается в выработку современных норм хлебосольства и гостеприимства; гостиничный ресторан перестает быть ординарным рестораном, когда здесь собираются члены Клуба молодой семьи, когда зал заполняется юными гостями из клуба «Лакомка», получившими такой вот пригласительный билет за подписью Золушки: «Наш маленький друг! Для тебя проводится праздник. На нем ты увидишь много интересного, если вместе с родителями придешь в ресторан «Светлогорск» в 15 часов. Будут игры, конкурсы, различные лакомства, выставки-продажи книг для тебя»...

Разумеется, происходит все это не стихийно. Составляется программа, го-

театрализованное представление. Срабатывает еще одно новое, рожденное от соприкосновения двух динамических начал: молодой город — молодые жители — повышенная потребность общения, непосредственность отношений, желание быть всем вместе, как бы в одной семье. И сила их столь велика, что ни тридцатиградусный мороз — как это было 31 декабря семьдесят восьмого года, — ни вихревой ливень — в один из весенних дней — не смогли заставить тысячи людей покинуть центральную площадь, где проводилась общегородская встреча Нового года, городской парк, куда пришли они на праздник пробуждения природы...

Вообще светлогорский житель не любит сидеть дома, его тянет на улицу. Никого она не пугает, здесь не услышишь бабушкиных вздохов по поводу ее

телевизор, и ковры, и низкий столик под торшером с мягкими креслами вокруг. А вот поди ж ты, дворы, улицы до позднего вечера полны голосов... Хорошо налажена работа по месту жительства — агитплощадки, спортивные городки и т. д. Но, думается, дело тут еще и в другом. Светлогорец активно противостоит всяческой инертности, замкнутости в себе и более всего ценит в товарище такие черты, как общительность, увлеченность жизнью, способность загореться какой-нибудь «сумасшедшей» идеей и увлечь ею других. Не случайно столь уважаемы здесь люди, способные на это.

А таких много. И те же студии с «ЗИВ-фильма», и «президент» клуба «Орфей» инженер Павел Сурнин, и «чудной человек» Иван Самойлович Каяфюк, распахнувший дверь своей до-

слова. Только на этот раз они напоминали не о том, сколько надо еще уложить бетона и смонтировать металлоконструкций. На листе ватмана было написано: «До премьеры осталось 10 дней».

— А когда будет генеральная репетиция?

— Назначена на сегодня.

— Можно прийти?

— Конечно. Только что-нибудь ближе к двенадцати ночи...

Так, едва переступив порог народного театра, я сразу же окунулся в его рабочую атмосферу. Где еще отыщется режиссер, взваливший на свои плечи все — он и директор театра, и главный его художник, и реквизитор, и, случается, даже распространитель билетов?! Кузьменкова именно такой режиссер. Да и человек она такой же — предельных физических, душевных, психологических нагрузок. Ей приходится писать сценарии всех театрализованных представлений на праздниках. Она главная «пробивная сила», когда надо утрясать какие-либо спорные вопросы с администрацией, с хозяйственниками. От нее требуется найти нужные слова, аргументы, чтобы тактично вернуть на землю иного ненароком захворавшего «звездной болезнью» исполнителя. И никакой в ней этакой режиссерской вальяжности. Немного словна, даже несколько стеснительна. Скромным, лишенным и тени похвальбы был и ее рассказ о театре. Он отметил свое десятилетие. Ставили они «Последнюю инстанцию» Н. Матуковского, «Романтику для взрослых» И. Зверева, однажды решились взяться за классику — получилось: спектакль «Не в свои сани не садись» приняли хорошо. Теперь вот подготовили «Таблетку под язык» А. Макаенка...

Ранний свет в окне уже сам по себе зовет к действию. А поздние сумерки — к размышлению. Вот и сейчас — на часах половина десятого, а небо светлое. И не хочется уходить от дневных хлопот.

У меня тоже был длинный день. Наверное, самый длинный из всех за последние годы. ...Но, как бы заканчивая наш диалог, город, сверкающий огнями окон, витрин, витражей, неумный в своей жажде жизни, работы, творчества, говорил мне: «Сетовать на это ты не вправе. Подумай о том, что есть люди, у которых день не кончается никогда...»

Именно эти, беспокойные, влюбленные в свой город люди помогли мне взять своеобразное интервью у Светлогорска. Именно их устами рассказал он тебе, читатель, о своей двадцатилетней жизни.

«МОЗГОВОЙ ЦЕНТР» ЗИВА.

«дурного влияния». Это тоже штрих к портрету молодого города и его хозяина. Пустеющим после девяти вечера улицам иных городов находят простое и в известной мере резонное объяснение: телевизор, возросшая тяга к комфорту, к семейному уюту... В доме у светлогорца, куда ни войди, тоже найдешь и

машней библиотеки для «всей улицы» — вернулся он в сорок четвертом из партизанского отряда, принес в вещевом мешке шевченковского «Кобзаря», «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, «Избранное» Н. Некрасова, с этих трех книжек и начал, сейчас у него четыре тысячи томов — приходи, бери, читай, кто что пожелает. И уже знакомая нам по портрету на городской Доске почета Ада Яковлевна Кузьменкова...

Тому, кто бывал на стройках не раз, наверное, попадались на глаза строки: «До пуска объекта осталось...» В просторной комнате, где встретила меня Ада Яковлевна, я тоже прочел эти

**НА ВОДНЫХ ДОРОЖКАХ
СПОРТИВНОГО КОМПЛЕКСА
РАСТУТ БУДУЩИЕ ЧЕМПИОНЫ.**

**ШКОЛЬНЫЙ ДВОР...
МЕСТО ОТДЫХА, ВЕСЕЛЬЯ
И ЗАДУШЕВНЫХ БЕСЕД.**

товятся участники. Все вроде бы методически обкатано, традиционно. Кроме одного — нет в этих программах того, что, увы, тоже стало кое-где традиционным, — заданности, схематизма: «Делай то, а не это, этак, а не так!» Узаконен лишь один, уже известный нам, критерий: «Делай все инициативно!» И, наверное, именно потому клубные встречи перерастают в нечто большее, чем обычный отдых. То же можно сказать и о народных гуляньях, о праздниках. Не только календарные, но и свои, рожденные новым укладом жизни, они заставляют людей выходить на улицы, в парки не ради того лишь, чтобы посмотреть на

14 июня на ВДНХ СССР открывается Центральная выставка научно-технического творчества молодежи — НТТМ-80, посвященная 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. На выставке представлено свыше 10 тысяч работ — все лучшее, что создано молодыми советскими новаторами. Сегодня в нашем выпуске мы рассказываем о некоторых работах участников Всесоюзного смотра НТТМ. А что у вас?

Картофельный детектор

Даже человек не всегда может отличить покрытую мокрой осенней землей картофелину от такого же черного комка гриза. Что же говорить тогда о картофелеуборочных комбайнах, гребущих с поля все подряд?

Недавно советскими конструкторами разработан новый оригинальный метод «добывания» картофеля из почвы. Вместо обычных сошников-подъемников, взрыхляющих почву подобно плугу, они предложили использовать пару тяжелых катков, идущих параллельно картофелюному ряду. Своей тяжестью они как бы выдавливают картошку из глубины на поверхность. Опыт показал, что картофельные клубни при этом гораздо лучше очищаются от земли, чем при обычных способах.

Но даже в этом случае комбайн вместе с картофельными клубнями поднимает в бункер большое количество комков земли. Нельзя ли сразу на поле производить и сортировку?

Над этим вопросом задумался студент Рязанского радиотехнического института Сергей Решетников, работавший под руководством старшего преподавателя А. Д. Касаткина.

Из курса физики известно, что емкость конденсатора зависит от диэлектрической проницаемости материала, заложенного между его обкладками. Изменяется диэлектрическая проницаемость, меняется и емкость. Этот физический принцип и был положен в основу детектирования, так как диэлектрическая проницаемость картофеля оказалась в 4—5 раз отличающейся от диэлектрической проницаемости земли.

Но найти правильный физический принцип — только начало дела. Нужно было еще выяснить, на каких частотах детектор будет работать в оптимальном режиме, разработать принципиальную схему устройства, проверить правильность разработки на лабораторном макете.

— Наиболее трудной частью работы, — рассказывает Сергей, — оказалось создание чувствительного емкостного датчика. Мы перебрали несколько вариантов и в конце концов остановились на такой конструкции. Датчик представляет собой две пружинящие пластинки, расположенные друг относительно друга под некоторым углом. В эту своеобразную воронку и падают картофелины вместе с комками земли. Как только картофелина или комок почвы касаются обкладок конденсатора, система управления вырабатывает сигнал, значение которого зависит от диэлектрической проницаемости объекта, находящегося внутри датчика. Исполнительный орган — заслонка — отклоняется в ту или иную сторону, производя сортировку.

Эта работа удостоена награды Всесоюзного студенческого научно-технического общества. И вполне возможно, что в ближайшее время в конструкцию картофелеуборочных комбайнов, разрабатываемых здесь же, в Рязани, добавится еще один узел — картофельный детектор с емкостным датчиком.

Станислав НИКОЛАЕВ

Магнит и мороз

Самый древний способ хранения продуктов — замораживание. Но и в этом, казалось бы, веками испытанном способе недавно появились изменения. Исследования доказали, что мясо, рыба, овощи тем дольше и полнее сохраняют свои питательные свойства и первоначальный вид, чем меньше кристаллы льда, которые в них образуются.

Молодые ученые Всесоюзного института пищевых продуктов успешно решили эту проблему. В одной установке они объединили усилия традиционного холода и... постоянного магнитного поля. Меняя напряженность поля, можно

задавать любой режим заморозки, управлять размерами и количеством кристалликов льда. Магнит к тому же может ориентировать эти кристаллы в пищевых продуктах. Так, например, для мяса их создают в форме мельчайших иголок и направляют вдоль его волокон. И после оттаивания в этом ценном пищевом продукте не возникает даже мельчайших механических нарушений структуры.

Опытной установкой, созданной молодыми новаторами, заинтересовались уже многие предприятия пищевой промышленности.

Ким МИХАЙЛОВ

«КРАБ» НА КОЛЕСАХ

Три года назад в Доме пионеров Ленинского района Харькова возникла самостоятельная автоконструкторская лаборатория. Возглавил ее на общественных началах молодой инженер Валерий Тарануха. В «Клуб вечного поиска» — так назвали ребята свою лабораторию — регулярно приходят десятки юных автоконструкторов. Они построили несколько автомобилей типа «Багги», которые уже побывали на многих выставках, участвовали в различных соревнованиях. Но особое признание юным конструкторам принес микро-

автомобиль «Кrab». Созданный на базе мотороллера «Вятка», этот микроавтомобиль тем не менее отличается оригинальностью конструкции. Всесторонние испытания, которые, кстати, провели сами создатели автомобиля, показали, что «Кrab» очень устойчив, легко управляем, удобен в техническом обслуживании. За создание микроавтомобиля «Кrab» «Клуб вечного поиска» награжден грамотой Центрального штаба НТТМ.

Борис КОМАРОВ.
Фото автора

СОПЕРНИК ДЕЛЬТАПЛАНА

В конце прошлого года на горе Клементьева в Крыму проходили испытания необычного планера. Теперь этот сверхлегкий планер II класса «Вымпел-10» увидят посетители Центральной выставки НТТМ-80. Планер, построенный молодыми специалистами, соответствует всем требованиям Международной авиационной федерации, предъявляемым к этой категории летательных аппаратов.

«В-10» — базовая модель семейства планеров, предназначенных для учебно-тренировочных, спортивных и рекордных парящих полетов. На этом планере также можно осуществлять буксирные полеты, устанавливать подвесной двигатель и выполнять отдельные фигуры высшего пилотажа.

При проектировании планера учитывался опыт отечественной и зарубежной постройки аппарата подобного класса и обычных дельтапланов. Построен планер по так называемой модульной системе. То есть одна базовая модель путем незначительных модификаций и установки дополнительного оборудования приспособляется для наиболее эффективного выполнения конкретной поставленной задачи. Например, для горных полетов в условиях низких температур, когда необходимы минимальный вес аппарата и максимальная простота его монтажа, используется предельно облегченная базовая модель. Для полетов в узких потоках воздуха, для соревнований на точность приземления и других, когда требуется высокая маневренность при минимальных потерях высоты, применяется система «активного» управления, которая легко монтируется на планере. А, скажем, во время соревнования на продолжительность и дальность полета механизмируется крыло; устанавливаются всевозможные закрылки и другие приспособления. Возможно также установка крыла меньшей площади. Система механизации крыла применяется впервые на летательных аппаратах подобного класса.

Планер прост, легок и удобен в эксплуатации, при изготовлении обходится дешевле дельтапланов, так как не требует применения дефицитных и дорогих лавсана и дакрона.

Василий КУЗЬМИН

МОСТ НАД ГОРОДОМ

Новый мост, появившийся в Таллине, увидишь не каждый день. Этот мост лазерный. Именно лазерный луч соединил вычислительные центры Госплана и Центрального статистического управления Эстонии. Эту первую экспериментальную линию связи создали молодые сотрудники лаборатории радиотехники Таллинского политехнического института. Создание этой пока еще необычной линии связи было вызвано необходимостью объединения усилий двух вычислительных

центров для переработки огромного количества информации.

Чтобы выдать оптимальное решение для крупных народнохозяйственных или научных задач, порой бывает мало мощности одного вычислительного центра. Иногда возникает необходимость объединить усилия двух или даже трех таких центров. Но для этого нужно «связать» их. Проложить же кабельную связь в городе и трудно и дорого. К тому же любой кабель имеет ограниченную пропускную способность. У

лазерного канала связи практически нет ограничений. Частота его электромагнитных колебаний в миллион раз превышает, например, частоту, на которой ведется телевизионная передача. А ведь именно частота определяет скорость передачи информации.

Уже сейчас по таллинскому лазерному «мосту» передается информации в десятки раз больше, чем по традиционной кабельной связи.

Игорь БЛАГОДАРНЫЙ

А
ЧТО
У ВАС?

ВСЕ О МОСКВЕ

Десятки статей посвящены московскому комсомолу в новом энциклопедическом томе «Москва», который скоро появится на прилавках книжных магазинов. Читатели познакомятся с историей комсомольской организации нашей столицы, узнают о ее героях, об участии молодежи Москвы в Октябрьской революции, в гражданской войне, в беспримерной битве с фашистскими полчищами. Кроме того, в «Москве» можно будет прочесть об ударных комсомольских стройках столицы, о комсомольской печати, о «Комсомольском прожекторе». Столь подробно о делах нашего комсомола в энциклопедическом издании говорится впервые. Эти статьи написаны работниками МГК ВЛКСМ, историками, ветеранами комсомола.

— А вообще в создании «Москвы», — говорит заместитель главного редактора издательства «Советская энциклопедия» М. И. Кузнецов, — участвовало более трехсот авторов, специалистов по различным вопросам. Многим знаменитым москвичам — участникам борьбы за Советскую власть, героям труда и войны — посвящены статьи нашего издания. Мы рассказываем о людях и событиях, в память о которых в городе установлены мемориальные доски. О двухстах наиболее интересных улицах столицы, о памятниках архитектуры и старины, о сегодняшнем дне города сможете вы прочесть в этом томе...

Статьи посвящены также промышленным предприятиям, театрам, старинным паркам — словом, «Москва» является наиболее полным энциклопедическим изданием, рассказывающим о крупнейшем городе Советского Союза.

Остается добавить, что энциклопедия «Москва» станет хорошим подарком и гостям «Олимпиады-80».

А ЧТО
У
ВАС?

СТРАНИЦЫ
НАШЕЙ ИСТОРИИ

ЗНАМЕНА ПРОЛЕТАРСКОГО ЕДИНСТВА

Среди множества экспонатов Минского краеведческого музея один не совсем обычен. Это знамя металлургов города Рула, ныне — Эйзенаха в ГДР. А в городском музее Эйзенаха хранится знамя минского завода «Коммунар» (теперь станкостроительного завода имени С. М. Кирова), подаренное немецким рабочим.

Интересна история братских знамен, которым уже более пятидесяти лет. Началась она вскоре после победы Великой Октябрьской революции, когда минские пролетарии, изучавшие эсперанто, написали в Рулу и предложили немецким рабочим начать переписку. Она продолжалась два года, а потом последовал договор о взаимном обмене знаменами солидарности между «коммунарцами» и металлургами Рула.

И вот в ноябре 1928 года из Рула в Минск выехал рабочий делегат Карл Фершт. Он вез с собой знамя рульского пролетариата в подарок минским рабочим. Но польские жандармы конфисковали знамя. Только вмешательство советского посла в Польшу помогло вернуть его и доставить в Минск.

Иная судьба у знамени минских коммунистов, попавшего в Тюрингию. В то время там уже вовсю развернулись гитлеровские молодчики. Металлисты города Рула возложили личную ответственность за сохранение знамени на старого коммуниста, председателя производственного совета часового завода Карла Пашера. Во время праздничных демонстраций он всегда выносил на улицу знамя минских рабочих.

После прихода Гитлера к власти коммунист Карл Пашер вынужден был уйти в подполье. Знамя он передал своему другу Вилли Штейну, а тот — Эдмунду и Луизе Раух, которые прятали его в течение двенадцати лет.

Знамя же немецких рабочих погребло при пожаре, когда гитлеровцы бомбили завод. Друзья из ГДР изготовили его дубликат. Вручали знамя Вилли Штейн, Карл и Юстина Пашер, Эдмунд Раух и Карл Фершт. С годами дружба немецких рабочих и рабочих города Минска окрепла.

У знамени, связавших неразрывными узами белорусский и тюрингский пролетариат, клянутся ныне в верности интернациональному союзу молодые рабочие.

Владимир ШУБАЕВ

ВЕЧЕРА В СОКОЛЬНИКАХ

Вот уже много лет подряд в один из зимних дней в просторном деревянном особняке на 6-м Лучевом просеке в московских Сокольниках собираются удивительные люди. Они уже вполне взрослые, даже очень взрослые, многие совсем седые, но, собравшись вместе, они называют друг друга только по именам и ведут себя так, как будто нет у них за плечами долгой трудной жизни, веселятся, поют, разве что только не водят хорошево.

За чашкой чая эти люди вспоминают о далеких прекрасных годах, когда они, нынешние инженеры, врачи, ученые, строители, были просто воспитанниками лесной

школы в Сокольниках. Но им было даровано судьбой счастье общения с Владимиром Ильичем Лениным и Надеждой Константиновной Крупской, бывавшими в лесной школе. Бушевала гражданская война, Москва голодала, мерзла, а дети ждали Ленина, который никогда не приезжал к ним без подарков. Прошли десятилетия, но память бывших воспитанников лесной школы (в здании которой ныне размещается филиал Центральной городской библиотеки имени Н. А. Некрасова) бережно хранит все встречи с вождем революции.

Не так давно, вновь собравшись в Сокольниках, бывшие воспитанники оставили на скатерти традиционного чаепития свои подписи, а пионеры потом выжили их. Среди десятков автографов подписи хирурга Е. Бонч-Бруевича, инженера Б. Грановского, художника Е. Русаковой и других. Из 50 человек, учившихся в лесной школе, сегодня известны имена 32. К сожалению, не сохранилось полных списков ребят, и о судьбах остальных 18 мы пока ничего не знаем.

Редакция будет признательна тем, кто сообщит что-либо о людях, учившихся в 1919 году в лесной школе в Сокольниках.

Ян ВЛАДИН.

Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА

Не померкнет МУЗЕЙ никогда...

Есть в музее-панораме «Бородинская битва» необычная книга — «Книга даров». В нее записывают имена людей, которые дарят музею вещи, в той или иной степени связанные с Отечественной войной 1812 года. В настоящее время в книгу занесено 390 имен и свыше 1500 дарственных предметов.

Дарят их самые разные люди, в том числе и зарубежные коллекционеры. Здесь вы увидите портрет Кутузова — подарок из Аргентины от русского эмигранта Ласкерно; орден Почетного легиона и памятные медали, выпускавшиеся в Англии в честь юбилеев, связанных с войной 1812 года; кирасу; 3-томную историю лейб-гвардии конного полка. Самый последний дар — книга Л. Ф. Функен «Униформы армии Первой

Империи». Ее подарил музею французский коллекционер В. В. Звезденцев...

Большую научную и историческую ценность представляют вещи, подаренные музею-панораме потомками участников войны 1812 года. Иван Сергеевич Матвеев принес в «Бородинскую битву» дневник, оставшийся от его прадеда, генерала Алексея Андриановича Протасова. Ценный дар — акварельный автопортрет Ивана Карловича Арнольди, легендарного артиллериста, — получен музеем от его потомков — сестер Арнольди.

Немало картин подарили музею советские художники. Среди них работы С. В. Герасимова, И. В. Евстигнеева, П. С. Кривоногова... Накануне 1980 года музей получил от писателя Сергея Ми-

халкова две бронзовые медали — «Битва Бородинская» и «Покорение Парижа». Эти медали сделаны в 1834 и 1836 годах по рисункам Ф. Толстого.

Походный сундучок участника войны 1812 года П. А. Никитина подарил московский коллекционер Л. И. Вишневецкий.

В «Книге даров» он записал: «Хочу, чтобы в основание нового музея был заложен и мой маленький кирпичик для лучшего познания героического прошлого моей Родины».

И под этими словами могли бы подписаться все, кто подарил музею ценнейшие реликвии, связанные с ратными подвигами русского народа.

Игорь ДУБРОВИН.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

МОСКВА — ТЮМЕНЬ — НАДЫМ — УРЕНГОЙ

Читатели журнала помнят прошлогоднюю сменовскую инициативу по созданию в приполярном поселке строителей и газодобытчиков Новом Уренгое библиотеки на 25 тысяч томов. Сегодня эта библиотека, носящая имя нашего журнала, стала подлинным центром культурной жизни уренгойцев, своеобразным филиалом редакции «Смены» на севере Тюменщины. И, разумеется, не случайно очередной маршрут творческой бригады журнала был спланирован так, что его конечным пунктом стал без пяти минут город Новый Уренгой.

В дни празднования 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина в уренгойской библиотеке была развернута выставка «100 новых книг издательства «Молодая гвардия». Выставку открыл старший научный редактор «Молодой гвардии» Валентин Пархоменко, рассказавший читателям о работе центрального комсомольского издательства страны.

Но до этого были встречи творче-

Выступает поэт
Владимир Карпеко.

ской бригады журнала с молодежью самых разных профессий — будущими строителями из тюменского ГПТУ № 6, работниками Тюменского камвольно-суконного комбината, молодыми войнами, комсомольскими активистами, газодобытчиками, строителями, геологами Надьяма и Нового Уренгоя. Неизменно тепло принимались со-

Перед последним вертолетным броском на Уренгой.

бравшимися стихи поэта-фронтовика Владимира Карпеко. А выступления драматурга Анатолия Трушкина сопровождались не только аплодисментами, но и смехом. И в этом не было ничего обидного для автора, потому что читал он свои юмористические монологи. О предстоящих Олимпийских играх в Москве рассказал тюменцам, надьямчанам и уренгойцам заместитель начальника управления про-

Ансамбль «Гармония».

паганды Оргкомитета «Олимпиада-80» Евгений Грингаут. Большим успехом пользовалась у зрителей концертная программа лауреата XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване московского вокально-инструментального ансамбля «Гармония» (художественный руководитель — заслуженный работник культуры РСФСР Юрий Яновский).

Редакция благодарит всех участников творческой бригады, всех, кто помог организовать эту поездку.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

Возьми лист бумаги и напиши: «Я заклинаю вас, присутствующие здесь мыши, не приносить мне никогда вреда и не позволять ни одной другой мыши причинять мне ущерб. Я отвожу вам вон то поле, которое находится там-то (указать какое); но если я когда-нибудь застану вас еще здесь, то клянусь матерью богов, я вас растерзаю в клочки». Напиши это и прикрепи бумагу до восхода солнца к какому-нибудь камню в поле так, чтобы бумага лежала написанными строчками вверх».

Это поучение из трактата о борьбе с мышами, а лист бумаги с таким эмоциональным обращением предназначался для чтения... мышам. Древние греки были убеждены, что мыши могут не только говорить, но и читать. Человек, живший тысячелетия назад, верил, что животные во всем равны людям и способны даже понимать человеческую речь.

Шло время, и постепенно звери и птицы, разбирающиеся в том, что говорят им люди, перекочевали в область сказок и фантазий. Но с животными, умеющими говорить, дело оказалось сложнее. Как выяснилось, они действительно разговаривают друг с другом. У нас, конечно, их слова — звуковые сигналы — могут вызвать удивление. Разве не странно, что у комаров они образуются при взмахмах крыльями? Аналогичным способом извлекают звуки пчелы. Не менее изобретательны птицы и звери. Иногда им нет никакой необходимости прибегать к услугам своих голосов. Бекасы могут говорить с помощью хвоста, а зайцы — стуча задними лапами по земле. И все-таки как бы сверхнеобычны ни были некоторые слова, язык животных выполняет ту же функцию, что и наш: дает возможность общаться. Но велика ли в нем потребность, о чем, собственно, вести разговоры «братьям нашим меньшим»?

Еще не сошел снег, стали изумрудными деревья или земля усыпана, словно драгоценными камнями, разноцветными листьями — у всякого в свое время, но настает пора, когда каждый стремится покончить с одиночеством. Обнаружить ее приход достаточно просто. В это время даже немые обретают голос, а те, которых не отнесешь к молчунам, становятся еще разговорчивее, начинают употреблять новые слова. Иначе ведь не удастся завязать знакомство, найти подругу.

Бычок-кругляк — рыба серьезная. Прежде чем сделать предложение, он принимается строить гнездо, напоминающее пещерку. Завершив эту прозаическую, однако нужную, работу, бычок начинает петь, а если точнее — потихоньку квакать. Невесты проплывают мимо, пение не производит на них никакого впечатления. Тогда бычок меняет пластинку. Кваканье переходит в звуки, похожие на скрипы, а потом следует верещание. Против этой серенады устоять уже трудно. Невесты приближаются к гнезду, и бычку остается лишь выбрать одну из них.

Чтобы доказать, что насекомые издают звуки не просто так, много лет назад австрийский ученый Реген продемонстрировал эксперимент, в котором кузнечик разговаривал по «телефону» с самкой. Когда кузнечик стал стрекотать, включили микрофон, соединенный с громкоговорителем. Едва до самки, находящейся в помещении, где был установлен громкоговоритель, донеслось: «Алло! Я жду тебя!» — она подлетела к громкоговорителю и стала пытаться побраться в него.

Исполняют песни, собравшись назначить свидание, самцы кобылок, мух, комаров-звонцов, жуков-долго-

Людмила СТИШКОВСКАЯ.
Фото
Игоря КОНСТАНТИНОВА

О ЧЕМ СТРЕКОЧЕТ КУЗНЕЧИК

носиков. Некоторые виды тараканов рассылают сообщения, что желают вступить в брак, стуча грудью. А жуки-точильщики, которые живут в мертвой древесине, издают звуки, напоминающие тиканье часов, ударяя головой о стенки своих ходов. Веками люди, обнаружив, что эти звуки начинают раздаваться в их собственных домах, считали: быть беде. И никому не приходило в голову, что «часы смерти» самого обычного происхождения. Заводят же их точильщики в надежде, что им ответят взаимностью.

Оказавшись в лесу и услышав, как кукует кукушка, мы обязательно останавливаемся, замираем и по привычке, усвоенной в детстве, если не вслух, то про себя спрашиваем, сколько лет нам осталось жить. Но птице нет никакого дела до наших вопросов, у нее свои проблемы. Меланхоличное, далеко разносящееся

С КАЖДЫМ ГОДОМ ЧЕЛОВЕК
ВСЕ БОЛЬШЕ УЗНАЕТ,
О ЧЕМ ГОВОРЯТ ПТИЦЫ,
ЗВЕРИ, НАСЕКОМЫЕ...

по лесу «ку-ку... ку-ку» есть не что иное, как песня самца кукушки, рассчитывающего найти подругу. Забравшись повыше на ветку дерева, а если его нет — на куст, он старательно повторяет призыв. Увидев, что на песню никто не реагирует, самец перелетает на другое место и снова кричит: «ку-ку... ку-ку...» Но вот, кажется, ему повезло. Появившаяся птица выводит звонкую трель: «клик-клик-клик-клик». Это самка. Помню, как впервые я услышала странный глухой хохот и терялась в догадках, кому принадлежит «смех». Оказалось, что самка может издавать и такие звуки, но куковать она не умеет.

В отличие от кукушек самцы цапель, стремясь привлечь к себе внимание, не только поют, но и танцуют. Квакве «танцплощадкой» служит место для будущего гнезда. Вытянув шею, птица переступает с ноги на ногу, расплывивает перья, опускает низко голову, и в этот момент раздается короткий крик. Танцуют и журавли. А розовый скворец, стараясь завоевать симпатию будущей супруги, быстро ходит вокруг нее по кругу, громко распевая.

Занятные зверьки — лищуки, которые слава гласит умеют сушить траву в стожках, исполняя свои серенады, ведут себя, как самые заправские певцы. Встают почти «столбиком», они запрокидывают голову чуть-чуть назад, а рот во время пения открывают так широко, что он становится круглым.

Однако серенады серенадами, а порой приходится прибегать и к другим методам воздействия. Императорские пингины хотя и довольно тихого нрава, но нередко устраивают драки между собой, оспаривая благосклонность самки. Часто бывает и наоборот, правда, число соперниц обычно не превышает двух. Претендентки стараются все время держаться возле своего избранника. Если он трогается с места, они идут за ним. Вид соперницы не располагает к спокойствию, и, желая отделаться друг от друга, самки клюются, пускают в ход крылья. Пингвин бесстрастно взирает на происходящее, но иногда он все-таки вмешивается и разнимает расклевывших поклонниц.

У кротов битвы, естественно, происходят под землей. Встретившись, самцы набрасываются друг на друга, отскакивают. Борьба идет под аккомпанемент писка. При каждой новой атаке опять начинается возня и раздаются крики.

Казалось бы, нашел подругу, победил соперника в поединке — и живи себе спокойно. Но не во всех случаях разворачиваются подобные образцы.

Бурундуки не испытывают потребности во встречах со своими соплеменниками: и самки и самцы имеют собственные владения. Но приходит

весна и до ушей бурундука доносится песня, смысл которой он быстро расшифровывает. Звучит сигнал, означающий отбой в войне: самка прекращает защиту своей территории. Песенка, слыша которую можно подумать, что редкие крупные капли падают в стоячую воду: «клюк-клюк...» — особенно притягательна для бурундука и потому, что он знает: теперь ему разрешено приступить к ухаживанию.

Если понаблюдать за первой встречей зябликов и синиц с подругами, вряд ли создается впечатление, что они вежливы. Не сразу находят общий язык и обыкновенные чайки. Враждебно настроенный самец, испытывающая перед ним страх самка — вот в каком состоянии находятся птицы в момент знакомства. Но вскоре они привыкают друг к другу, и наступает важное событие: чайка, издавая звуки, словно птенец, начинает выпрашивать у самца корм.

Когда грачи заняты поиском супруги, они поют «с полным ртом» и тоже стараются накормить свою избранницу. Однако, как и у чаек, инициативу проявляют самки. Именно они останавливают свой выбор на понравившемся граче. Едва самка согласится принять у самца корм, он может быть спокоен: сватовство завершилось удачно.

Глядя на галок, угадать, какие намерения у молодого самца, нетрудно. Задумав обзавестись семьей, он медленно ходит, весь вытягивается и гордо поднимает голову. Но это в общем-то мелочи. Самое важное в его саморекламе показать, что он умеет найти место для гнезда. Облюбовав какое-нибудь отверстие, самец храбро охраняет его и, издавая высокое «цик-цик-цик», приглашает ту, на взаимность которой рассчитывает, к гнезду.

Самцы мухоловок-пеструшек, вернувшись с зимовки, сразу начинают заниматься поиском «квартиры». И у них это главный козырь. Вот и обследуют мухоловки лес: ищут углубления в щелях деревьев, осматривают старые дупла дятлов. Когда «квартира» найдена, птицы начинают распевать около нее короткую песенку: «ци-кру, ци-кру, ци-кру-ци, ци-кру-тип». Появится самка, и ей непременно будет продемонстрировано выбранное для будущего гнезда место.

И мухоловки-пеструшки, и москвички, и хохлатые синицы, и другие птицы, гнездящиеся в дуплах, впервые прилетев с самкой к заранее облюбованной «квартире», издают тихие звуки. Забравшись в дупло, самцы мухоловок продолжают тонко пищать, а москвички приглашают подруг нежной короткой трелью, пока те не окажутся в дупле. И тут все проясняется. Если самец неуверен и «квартира» у него оказывается неподходящей, тогда самка без всяких разговоров улетает прочь: надо искать другого, более опытного самца.

Хотя лесные пернатые предназначаются будущим подругам, исполнители рассчитывают еще на один адресат: на своего собрата. Услышав пес-

ни соплеменников, самцы получают неплохой материал для размышлений. Потому что, несмотря на очаровательную форму, заключенный в них смысл самый что ни на есть прозаический: «Я уже занял этот участок леса, советую держаться подальше».

Птицы, имеющие свою территорию, чувствуют себя в ее пределах очень уверенно. Но быть собственником непросто, тут уж не посидишь спокойно. Обосновавшись на определенном участке, границы которого хорошо известны законному владельцу, хозяин, распевая, перелетает с места на место и тем самым как бы проводит каждый раз контур, расставляет «пограничные столбы» на охраняемой территории. Если ему покажется, что возможно вторжение — раздается голос чужака, — он задерживается на этом участке и начинает петь здесь особенно старательно.

Коростель совсем не певчая птица, он огораживает свое владение несколько иначе, хотя и у него в итоге изгородь получается музыкальной. Время от времени коростель обходит избранную территорию пешком, а вернее — бегом, издавая при этом хорошо знакомый многим своеобразный скрипящий крик, за который он получил второе название: дергач. Бежит коростель, вытянув шею и голову вперед. Иногда он останавливается, чтобы прислушаться. Поскольку дергач обычно отправляется в путь по одному маршруту, в траве образуются коридоры.

Кузнечики и кобылки, ведущие оседлый образ жизни, тоже сообщают своим собратьям, что владение занято. Если расстояние между самцами кобылок начинает уменьшаться, издаваемые ими звуки становятся короче, а сами сигналы интенсивнее.

Быть бездомным — значит остаться одиноким. Именно так стоит вопрос у многих птиц и зверей. Не сумел запустить нужную территорию — не обзаведешься семьей.

Неизвестно, долго ли собирался с духом бездомный соловей, но, задумав отнять «жилплощадь», которая принадлежала его собрату не один год, он сделал остановку в кустарниковых зарослях. У хозяина, обнаружившего его там, естественно, это не вызвало прилива радости. Он расположился в нескольких метрах от пришельца и принялся петь, недвусмысленно давая понять: убирайся восвояси. Непрошенный гость тоже не молчал. Песенный поединок продолжался целых полчаса. Поняв, что по-рошему не получится, законный владелец замолчал. Хвост его, словно веер, распушался и складывался, то двигался вправо, то влево, а сам соловей издавал очень низкое рокочущее «р-р-р-р». И вот он уже направился к противнику. Претендент был вынужден оставить куст.

Синицы, не поделившие участок, бывают настроены не менее воинственно. Самцы болотной галочки, сидя друг против друга, поднимают вверх клювы и прижимают к телу перья. А потом с угрожающими криками начинают перелетать с ветки на ветку.

Барабанная дробь большого пестрого дятла тоже означает, что лесной санитар обосновался в этом микрорайоне. Для еще не вступивших в брак самок дятлов да и для самок всех остальных птиц исполнители серенад и привлекательны потому, что у них уже есть владения. Дятел ничем не отличается от других птиц своим отношением к тем, кто не считает нужным вести себя прилично и начинает предъявлять претензии на чужую собственность. Если пришелец, словно у себя дома, принимается стучать клювом по дереву, барабанная дробь хозяина приобретает иной оттенок: она звучит громче, чем обычно. Время от времени дятел замирает,

вытянув угрожающе клюв, и снова начинает барабанить.

Способность полевых сверчков отважно защищать свой дом была известна давно. В странах Юго-Восточной Азии их специально разводили, чтобы потом, сведя вместе, с нетерпением ждать, кто же одержит верх. Дерутся сверчки своеобразно. Издавая сигналы нападения, оба противника сцепляются усиками и начинают толкаться, стараясь укунуть друг друга. В конце концов один побеждает. Исполнив боевую песню, он кусает потерпевшего поражение и опрокидывает его на бок.

Кузнечики не хуже сверчков умеют постоять за себя. Вступая в бой с противником, они потирают задними ногами брюшко, угрожающе скрежещут.

У птиц заядлыми драчунами считаются зяблики, горихвостки, зарянки. Много ли, мало проходит времени, но постепенно территориальные конфликты случаются все реже, у животных появляются новые заботы. У одних рождаются детеныши, другие ожидают этого радостного события. У грачей главным кормильцем семьи является самец. В его обязанности входит обеспечивать пищей птенцов, он должен заботиться и о том, чтобы не голодала супруга. Когда самка сидит на яйцах, грач держит ее в курсе происходящих событий. Он общается, где находится сам, а подлетая с кормом к гнезду, докладывает, какой раздобыл для нее обед. Лишь в период, предшествующий появлению птенцов, грач в зависимости от обстоятельств употребляет четыре различных сигнала, и ответные крики его подруги неодинаковы.

Сколько же всего слов говорят «братья наши меньшие»? Насекомые ухитряются передать нужную информацию с помощью «слов», которые умеют в тоненьком «словаре»: у них существует 13 звуковых сигналов, однако один какой-нибудь вид использует не больше семи. Прудовые лягушки в разных случаях своей жизни издают шесть отличающихся друг от друга сигналов. Куры по сравнению с лягушками очень разговорчивы: у них можно насчитать 25 криков.

О чем кричат звери, как поют птицы, что за звуки издают рыбы — эти вопросы интересовали людей с незапамятных времен. Прежде всего, конечно, с практической точки зрения. Однако объективной, с применением точных приборов исследование языка животных началось сравнительно недавно, в послевоенные годы. Расшифровать этот язык чрезвычайно важно. И не только в научных целях. Нет более надежного способа управлять их поведением. Зная, о чем говорят животные, и обращаясь к ним на их языке, можно добиться фантастических успехов. Пока биоакустика — наука, изучающая общение животных с помощью звуковых сигналов, — делает первые шаги, но и сегодня ее достижения уже многое дают людям. Используя специальную аппаратуру, люди обнаруживают по звукам местонахождение рыбных косяков, записав и воспроизведя крики птиц, заставляют пернатых покинуть сады, виноградники и поля. Можно избавиться и от скопления комаров, если имитировать их звуки.

Но не все исчерпывается практической пользой. В наш век растущей урбанизации каждый человек при первой же возможности стремится побыть хоть немного наедине с природой. Это стало необходимостью. Мы идем по лесу, сквозь листву пробиваются лучи солнца. Со всех сторон доносятся птичьи трели, стрекот кузнечиков... Настоящий концерт. Мы наслаждаемся затейливыми мелодиями и вовсе не задумываемся о том, что ведь это разговаривают «братья наши меньшие»...

Татьяна КАЗАНКИНА,
заслуженный
мастер спорта,
двукратная чемпионка
Олимпийских игр 1976 года
по бегу

Моя спортивная «специальность» — полторы тысячи метров. А длина беговой дорожки стадиона — четыреста метров. Получается, что мне каждый раз нужно одолеть три полных круга и три четверти круга четвертого. Приступая к этим заметкам, я оглянулась назад и вдруг не без удивления поняла, что и в жизни миновала три полных круга и вышла сейчас на четвертый. Вот такое совпадение.

Жилось и бегалось мне по-разному. Это не были, конечно, круги ада, хотя и выпадали на мою долю немалые трудности. Но это и не было прогулкой в раю, хотя я испытала много счастья — и спортивного, и, так сказать, общечеловеческого, и просто женского. Я бежала по кругу снова и снова. И жила тоже. А значит, и рассказывать об испытанном надо по порядку — по кругам.

«Все отдать для победы» — на снимке видно, что означает это привычное выражение. Вот он, знаменитый финиш Татьяны Казанкиной!

Фото Мстислава БОТАШОВА

только-только начала возлагать надежды? Или рисковать стать инвалидом? Мальшеву — отчислить меня из секции, жестоко наказав тем самым, и расстаться со своими тренерскими надеждами? Или взять на себя ответственность за возможную беду? Ситуация очень не простая. И все же, крепко поразмыслив, взвесив все и вся, соразмерив опасения медиков с моим реальным самочувствием на стадионе и вне его, мы решили: продолжать бег.

Потом уже врачи установили, что это так называемые функциональные шумы, не представляющие никакой опасности для здоровья, а лишь отражающие особенность моего организма. Но я не вино того доктора: просто за это время шагнули вперед и спорт и медицина. Теперь стало ясно всем, что если человек обнаруживает способность к таким физическим действиям, которые недоступны подавляющему большинству окружающих, то организм его должен обладать некоей незаурядностью. Словом, в наши дни подобного шума вокруг шумов в сердце, видимо, не было бы. Во всяком случае, я, вроде бы удачно, результативно отзанимавшись бегом столько лет, чувствую себя вполне здоровой, стала матерью (и тут тоже шумы в сердце не были помехой) и вернулась в спорт.

КРУГ ВТОРОЙ

Известный новозеландский бегун Питер Снелл, двукратный олимпийский чемпион 1964 года, причем на тех же дистанциях, что и я, сказал однажды: «Спорт — это модель жизни». Я согласна с ним, хотя и думаю, что такое утверждение нуждается в аргументах.

НЕЗАМ

КРУГ ПЕРВЫЙ

В детстве я бегала, как и все дети. Это было естественное состояние души и тела. И когда еще девочкой начала заниматься легкой атлетикой, я играла в бег. Этим — простым, незатейливым, именно детским — отношением к спорту, и, разумеется, не только к спорту, и отмечен первый этап, первый круг моей жизни. Только много лет спустя я осознала, до какой же степени мне тогда повезло. В городе Петровске, райцентре Саратовской области, где я родилась, работал тренером детско-юношеской спортивной школы Виктор Дмитриевич Лутохин, человек необычайный.

Надежда любого тренера — вырастить чемпиона. И не спустя десятилетия, а по возможности быстро. О таких ДЮСШ, как петровская, обычно судят по «валу» — по количеству воспитанников здесь разрядников и мастеров спорта. Для Лутохина не существовало подробных соображений. Он стремился воспитывать настоящих спортсменов, а не выдавливать из учеников скороспелые результаты. Ведь вот что порою получается с иными, даже и очень способными ребятами. Их в совсем еще детском

возрасте с головой окунают в однообразную, невыносимо монотонную тренировочную работу, буквально гоняют по кругу до изнеможения. Такое «молодое дарование» уже в пору своего спортивного «пика» обычно терпеть не может бег, испытывает изнурительную эмоциональную усталость и в итоге слишком рано сходит с дистанции — я имею в виду не конкретную дистанцию соревнований, а и без того достаточно короткую дистанцию спортивной жизни.

Виктор Дмитриевич ничего особенного не изобретает. Он просто любит детей и понимает, что их восприятие спорта основано на игре. Исподволь, без нажима и менторских интонаций он учил нас радоваться тому ощущению физической раскованности, которое дарит спорт. В любую погоду мы отправлялись на занятия, как на праздник. Знали, что сегодня поиграем в баскетбол и волейбол, что нас ждут азартные эстафеты, а потом матч по мини-футболу, что в воскресенье пойдем с тренером в лес на лыжах и что скоро займемся пилонерским многоборьем... Многие не верили мне, когда я признавалась, что до окончания школы так и не извела соленого вкуса кроссовой работы.

Родители воспитывали нас в простых и твердых правилах. Отец работал начальником пожарной охраны на нефтебазе, там же работает по сей день и мама. Питеро детей в семье — это значит, что особенно нянчиться с каждым в отдельности некогда. Домашние дела лежали в основном на нас. Огород — то-

же, самих себя обслуживать приучались с крохотного возраста. Родители вывели нас в люди: сестра Тамара работает в детских яслях, старший брат Володя — в Петровске, телемастер в ателье. Слава, мой близнец — там же, токарь на заводе автозапчастей, а Леша, наш младший, вслед за мной окончивший экономический факультет Ленинградского университета, — в Иваново, ассистент на институтской кафедре.

Мои занятия спортом родители поощряли — в той мере, разумеется, в какой они не мешали всему прочему. Но не потому, что испытывали честолюбивые надежды на рекорды и звания для дочери. Мне кажется, они рассуждали так: чем бегать по улицам, пусть лучше бегают по стадиону. К тому же от рождения я была довольно слабой девочкой, а спорт мог сделать меня здоровым человеком, что и произошло.

Много позже, когда я уже училась в Ленинграде и начала тренироваться у Николая Егоровича Мальшева, мне пришлось перенести довольно сильное испытание по части именно здоровья. При первом же фундаментальном медицинском обследовании доктора обнаружил у меня подозрительные шумы в сердце. И электрокардиограмма тоже продемонстрировала некоторые отклонения от нормы. Спортивный врач заявил без обиняков: «Милая девушка, будете бегать — упадете прямо на дорожке. И не ручайтесь, что встанете...»

Что было делать нам с тренером? Мне — уходить из спорта, на который я

Но как бы то ни было, и в спорте и в жизни приносят порою больше пользы поражения, чем победы. Закаляют характер, а это само по себе очень важно, вынуждают оглянуться на пройденный путь и трезво определить свое место в общем строю, без чего нельзя, я думаю, достичь серьезных вершин. Но я сейчас о другом свойстве неудач. Так складывалась моя судьба, что иногда именно нерадостные события становились важнейшими для меня поворотными точками, за которыми открывалась новая прямая, ведущая к чему-то прекрасному и прежде недоступному.

Я училась в десятом классе, когда меня послали в Нальчик на юниорское первенство России. Бежала два круга, 800 метров, и проиграла. Начала слишком быстро, и меня просто не хватило до конца. После финиша отошла в сторону и заплакала. И тут подходит ко мне незнакомый взрослый человек и начинает утешать: «Что ты переживаешь так, девочка? Не плачь, все у тебя впереди...» Говорит, что он тренер, Мальшев Николай Егорович, занимается с бегунами в Ленинградском университете. Предлагает попробовать поступить туда, но никакой особой «помощи» не обещает.

В ответ я только всхлипывала, но слова его, простые, ненавязчивые, но сулящие «златых гор», заломнились. Собиралась-то я в Саратовский медицинский, а поехала в Ленинград. Мальшева в городе не оказалось, два дня я промаялась между небом и землей. А он будто

мне и не обрадовался вовсе (только потом Николай Егорович признался мне, что в Мальчике я приглянулась ему свободной, широкой манерой бега и тем еще, что... заплакала). Мальшев устроил меня в общежитие, в комнату на десять человек, и отвел в спортзал, где старшекурсники-легкоатлеты на добровольных началах занимались с легкоатлетами-абитуриентами.

Так я, еще до того, как поступила в ЛГУ, оказалась в своеобразном клубе, каким была все эти годы легкоатлетическая секция университета. Так, кстати говоря, я встретила своего будущего мужа Сашу, который объяснил нам в том спортзале премудрости алгебры и геометрии. Так спорт на всю мою дальнейшую жизнь оказался связан с точным научным знанием — теперь я уже аспирантка экономического факультета и по-прежнему каждый день выхожу на беговую дорожку.

Для меня студенческие годы стали временем активнейшего общения с чрезвычайно интересными людьми, временем беспрестанного познания, временем упорного самоутверждения. Сталась быть не последним человеком и на стадионе и в факультетской аудитории, коль скоро и я хотела быть интересной моим новым друзьям, близким по духу и устремлениям. Днями напролет просиживала в читалках, ходила в театры. На танцах бывала, неделями жила на загородных спортбазах в Кавголово или Петергофе, участвовала в любимых мною традиционных эстафетах, которые проносятся по улицам Ленинграда 2 мая. Тогдашний бег уже не был беззаботной детской игрой. Тут потребовались нешуточные усилия и старания, хотя до уровня олимпийского напряжения было еще далеко.

Жилось мне, короче говоря, азартно и трудно. Между прочим, и материально тоже. На студенческую стипендию не разгуляешься. Мы с девочками в нашей комнате часто общий стол устраивали так и дешевле получается и теплее как-то, но все же, с учетом спортивной моей нагрузки, я, наверное,

кому-то спать пора и кому-то охота повеселиться...

Наш известный спортивный журналист Станислав Токарев назвал меня потом «девушкой из общежития», противопоставив меня американскому прыгуну в высоту Дуайту Стоунзу, явному фавориту, потерпевшему фиаско из-за того, что не сумел в этой обстановке мобилизоваться. Да, действительно мне было легче, чем другим, адаптироваться в «монреальском общежитии» (хотя я и не считала это нормой бытия во время Игр — кстати, на Олимпиаде-80 спортсменам будут предоставлены условия просто-напросто несопоставимые с теми, о которых я рассказывала).

Поймите верно, я говорю сейчас не столько о своей относительно высокой терпимости к бытовым неудобствам (это качество во мне возникло, наверное, еще в детстве, поскольку жили мы совсем не в хоромах), сколько о способности справляться с моральным дискомфортом (а вот это уже воспитано студенческой юностью). Университетский спорт, занятия в мальшевской секции сформировали меня как человека более или менее надежного и «средневики» стабильного, причем это произошло еще до того, как я начала путь к высшим олимпийскому уровню, достижениям.

Часто утверждают, что спорт обязательно возвышает и улучшает личность. С моей точки зрения, тут все не так однозначно, иначе рецепт совершенствования общества был бы слишком прост и доступен. Спорт изменяет, лепит личность — это несомненно. Прибавляет характерам нечто такое, что предназначено для служения добру — тоже верно. Но здесь коррективы вносят конкретные и притом очень разные природные свойства и склонности людей.

Вот, скажем, спорт дает человеку силу. Но ведь сама по себе сила нейтральна. Все зависит от того, к чему ее приложить, во имя чего ею воспользоваться. Разумеется, спорт дает и верные нравственные ориентиры, но не все и не всегда считают необходимым неук-

Но и работоспособности тоже мало. Я была девочкой в общем-то разбросанной и нетерпеливой. Теперь меня считают человеком довольно целеустремленным и умеющим ждать своего часа. Я пугалась неожиданностей, пасовала перед крутым поворотом событий. Теперь я научилась не бояться случайностей, готовиться к ним, так как понимаю, что без этой готовности нельзя быть лидером. Мне свойственны были резкая непримиримость к людям, повышенный юношеский максимализм. Теперь я осознаю, что верность своим принципам вполне сочетается со снисходительностью, стараюсь даже и когда не очень хочется, вдумываться в мотивы человеческого поведения, пытаюсь прощать людям их слабости.

Тут нужно, пожалуй, пояснить, что я имею в виду. Спорт, на мой взгляд, учит не только выигрывать, но и проигрывать. Что называется, не терять лица при поражении. Однажды моя подруга, сильная бегунья, проиграла мне на ответственных соревнованиях. И... не подошла даже поздравить меня. Я расстроилась за нее, но не стала делать далеко идущих выводов. Постаралась даже виду не подавать. И считаю, что поступила правильно. Со временем она сама поймет свою ошибку.

Но, главное, занимаясь бегом, я поняла и еще одну важную вещь. Если девочкой я, не особенно о том задумываясь, считала, что спорт — для меня то сейчас, многое испытал и многое осмыслил, осознала: я — для спорта.

Если бы не это, то вряд ли я смогла бы смириться с тем, что в 1972 году не попала в нашу команду, отправившуюся на Олимпиаду в Мюнхен. А так я достаточно спокойно и ответственно (разумеется, по совету Николая Егоровича и Сашы, который много помогает мне) решила: моя цель — Игры XXI Олимпиады в Монреале.

КРУГ ТРЕТИЙ

Вот случай, характерный для этого этапа моей биографии. За несколько

Потом выяснилось, что накануне во время рекогносцировки Мальшев подвел шофер — довез до восьмого километра, а потом повернул обратно, сказав, что здесь вся дорога такая, без крутых подъемов. Когда Николай Егорович увидел, какая вышла ошибка, он имел несколько минут на размышление. Можно было нас остановить, это даже легче, но так он должен был расплестся в том, что не верит в наши силы, в нашу способность к самопожертвованию. Он принял другое решение, а потом и сам не смог всю ночь сомкнуть глаз. И все же о случившемся не пожалел ни разу. Я тоже.

В этом «круге» я научилась, что называется, работать «через не могу». Это нужно в спорте. Это нужно в жизни.

Поставив перед собой олимпийскую цель, мы с Мальшевым стали делать основной упор не только на мои физические кондиции, но и на техническое совершенство бега и разработку тактических схем. Прислушались к мнению болгарских тренеров: «Ваши бегуны не умеют финишировать, а потому им не пробиться в призы». В самом деле последний отрезок полутораторышной дистанции мои подруги и я проходили не лучшим образом. И мы с Николаем Егоровичем решили бросить все силы на отработку финишного ускорения. Это самое трудное в моем виде спорта — включить наивысшую скорость в момент наибольшей усталости. Но к этому можно привыкнуть. По себе знаю: финишерами не рождаются — ими становятся.

Проигрывая в уме все мыслимые и, казалось бы, немислимые ситуации, какие могли сложиться на Играх, продумав четко, что надо бежать не по самой

КНУТЫ И КРУГ

немного недождала. Все это время Мальшев наблюдал за мной как бы со стороны, но очень пристально. Он тонко чувствует душевное и физическое состояние своих учеников, я ощутила это по тому, как он корректировал тренировочные задания для меня — в зависимости от моего самочувствия.

И, лишь увидев, что к концу тренировки я совсем бледная делаю, он стал сторонним, у моих подружек по секции и общежитию, выяснять, как и на что я живу. А потом осторожно, словно незначая, предложил мне денежную помощь. Я вспыхнула. Но через несколько дней он вернулся к этому разговору и принял мягко, спокойно убеждать меня: «Возьми в долг. Вот закончишь университет, станешь работать, зарплату получать — и все вернешь». Я даже сказать ничего не смогла, только кивнула. И через пять лет отдала все до копейки.

Если фундамент моего отношения к бегу и к жизни закладывался в детстве, то каркас его, несущие опоры возводились в студенческой юности. Я приобрела тогда тот самый запас прочности, без которого немислимы были никакие мои жизненные и спортивные победы. Вот лишь один из примеров. В Монреале хозяйка Игр поселили олимпийцев по десять — пятнадцать человек в квартире, как в матросском кубрике. Неудобство существенное: кто-то уже выступил и горюет, что проиграл, а другому надо в этот момент настроиваться на победу,

полно следовать им. Я знаю, что настоящий боксер, обладающий сокрушительным ударом, ни за что не унизится до бытовой драки с заведомо обреченным соперником. Это так. Но почему же мы порою узнаем о скверном поступке кого-то из своих товарищей? Утешает меня здесь лишь то, что такие явления все-таки редки и оттого, наверное, больше бросаются в глаза. Не зря, видно, и вне стадионов недостойное поведение принято называть «неспортивным».

Меня спорт научил многому, и прежде всего умению и потребности взглянуть на себя как бы со стороны, благодаря чему я и могу оценить перемены в своем характере. Начать надо с отношения к труду. Это очень важно в спорте вообще и в моей специализации в частности, поскольку бег на средние дистанции попросту не может принести маломальски серьезных результатов без изнурительной и регулярной тренировки. Мне кажется, что я отроду не была пентяжкой, у нас в семье такое невозможно, но то было трудолюбие несколько иного рода. Я бы назвала его неосознанным. Все работают, родители, сестра, братья, а я чем хуже? Рядом с другими не скучно и огорд полоть и картошку чистить и полы мыть. И совсем другое дело — выходить на беговую дорожку в любую погоду и в любом настроении, одной. Бежать, бежать, бежать... Тут выбор прост: или ты воспитаешь в себе трудолюбие осознанное, или не удержишься в спорте и сойдешь с круга.

месяцев до отъезда в Канаду мы тренировались в киргизском городке Танге. Бежали на местном маленьком аэродроме, в там асфальт и шум. И тогда Мальшев решил дать нам кросс по горному ущелью. Красота: вокруг цветы, хрустальные водопады, морщинистые скалы свисают с обеих сторон, но мы всего этого в тот день толком и не увидели.

Нас было трое: Таня Провидохина, Оля Двирна и я. Бежали поодиночке, чтобы самостоятельно вынести тяготы, да и уровень подготовки у нас был разный. А задание одинаковое: темп — четыре минуты на километр, дистанция — примерно десять километров, финиш — там, где будет стоять тренер.

После первого же километра я почувствовала, что в темп не укладываюсь. Но даже и так бежать было трудно. Все время в гору — подъем длинный, бесконечный тягуч. Километра через два подъехал на машине Николай Егорович и заинтересовался, как дела. Буркнула: «Тяжело». Дорога меж тем стала забирать все круче и круче. Бегу и думаю: за что же он нам такую пытку устроил? На восьмом километре пот смешался со слезами. Тут снова показался тренер, лицо у самого растерянное, но все равно просит добежать во что бы то ни стало. А трасса в этом месте прямо в небо пошла, на такую лобовую горку и пешком взобраться не так просто. Бегу, Бегу, Бегу... Не знаю как, но пришла к финишу.

«экономной», первой дорожке, а по второй или даже третьей, чтобы не попасть в «завал», наподобие велосипедного, составив жесткие графики разных по рисунку забегов, мы, однако, не смогли предвидеть одного поворота: события. Буквально на пуги в Монреаль я вместе с другими бегуньями приняла участие в традиционном легкоатлетическом матче СССР — Франция. И решили мы с Николаем Егоровичем устроить последнюю прикидку на дистанции 800 метров, а не 1500, чтобы просто сберечь силы.

Пробежала так, что руководство сборной решило выставить меня на Играх сначала в этом виде программы. Не скрою, я была не очень довольна. И неловко было перед моей подругой Таней Провидохиной, которая таким образом лишалась возможности участвовать в Олимпиаде. И страшно было, что растрачу себя еще до выхода на свои коронные полторы тысячи да и вряд ли сумею настроиться на дальнейшую борьбу, если проиграю.

Финальный забег на 800 метров был настолько быстрым и закрученным по сюжету, что после финиша я впала в какое-то странное, почти потустороннее состояние. Сделала по инерции еще

Продолжение на 32-й стр.

Когда думаешь о человеке, который решил изменить свою судьбу — резко, безоглядно совершить жизненный поворот в неизведанное, то состояние его в момент решения невольно сравниваешь с состоянием природы в самые первые мгновения весны: зима вспыхивает злобой, обрушивая снег и ветер на траву и деревья, но они-то ведь знают — нужно немного еще выстоять, не склониться, и распустятся почки, окутав их зеленым цветом молодости. Не сразу, образно говоря, холод сомнений дает распуститься листьям надежды.

Пять лет назад молодой ленинградский архитектор-строитель Наталья Иванова прочитала свои стихи на очередном заседании «Клуба любителей песни» при городском Доме художественной самодеятельности. Читала она и надеялась, что к этому стихотворению или вот к тому — ведь какие милые стихи! — кто-то возьмется написать музыку, и родится песня. Но никто не взялся, потому что стихи сочли отнюдь не такими милыми. Сочли все, кроме самого автора. В доказательство своей правоты начинающая поэтесса решила сама написать музыку, благо грамота эта была ей знакома даже лучше, чем грамота стихосложения: как-никак окончила музыкальную школу. И на следующее заседание клуба Наташа принесла песню «Ненаглядная Россия». Стихи, правда, опять критиковали, но музыку хвалили в один голос.

Дебют состоялся. И хотя громко это сказано — дебют, Наташа серьезно задумалась: а не коснулось

Откровенный разговор «СТЫДНО-ТО КАК...»

1150 откликов получил клуб на письма москвички Цыганковой и школьника Вити из Владивостока. Мы благодарим наших читателей и печатаем в традиционной рубрике «Откровенный разговор» выдержки из этих откликов.

Меня поразило письмо десятиклассника из Владивостока. Виктор пытается классифицировать вкусы всей молодежи! Мне кажется, что он превысил свои полномочия. Я тоже учусь в десятом классе, а значит, тоже имею отношение к той молодежи, о вкусах которой так авторитетно заявляет Виктор. Меня потрясает такое циничное заявление: «Да нам бы успеть потанцевать вдоволь между бесчисленными контрольными!» Во-первых, эти контрольные не такие бесчисленные, и незачем делать из себя страдальца. А во-вторых, Витя, ты слишком плохого мнения о нашей молодежи, если думаешь, что все только тем и занимают в свободное время, что пляшут с утра до ночи.

Нет, я, конечно, не против дискотек, танцев, современной эстрадной музыки. Более того, я считаю, что весь вечер, как говорит Витя, сидеть и слушать Баха мы с нашим нерастрченным запасом энергии просто не смогли бы. Но иногда это надо. Когда мы танцуем в дискотеках, вечерах,

поп- и рок-музыка хороша. Но иногда бывает такое настроение, когда можно слушать только классическую музыку. И еще мне кажется, что Виктор просто не знает классическую музыку, а берется судить о ней! А как много таких людей, которые, увидев в журнале статью о серьезной музыке, откладывают журнал в сторону, а услышав ее по радио, выключают приемник.

И еще об одной мысли из письма Виктора: «...не надо говорить, что Моцарт — прекрасно, а «Смоки» — ужасно». Да ведь никто не говорит, что зарубежная эстрада — это ужасно. Но только настоящая музыка, а не подделка под нее.

Наташа ГОЛУБ,
Львов

Судя по всему, Витя не знает, что многие популярные ансамбли буквально начинались с серьезной музыки. Первые пластинки распавшегося недавно трио Эмерсон, Лэйк и Палмер прочно базировались именно на — всех этих фугах, прелюдиях, сюитах» (цитирую Витю). Группа «Найс» (предшественник «ЭлиП») стала популярной, используя такие классические формы, как рондо, сюита. Именно «Найс», участникам которого едва-едва было по 20 лет, исполнили великолепную битовую транскрипцию

Андрей КОМАРОВ

УВИДЕТЬ, КАК Р

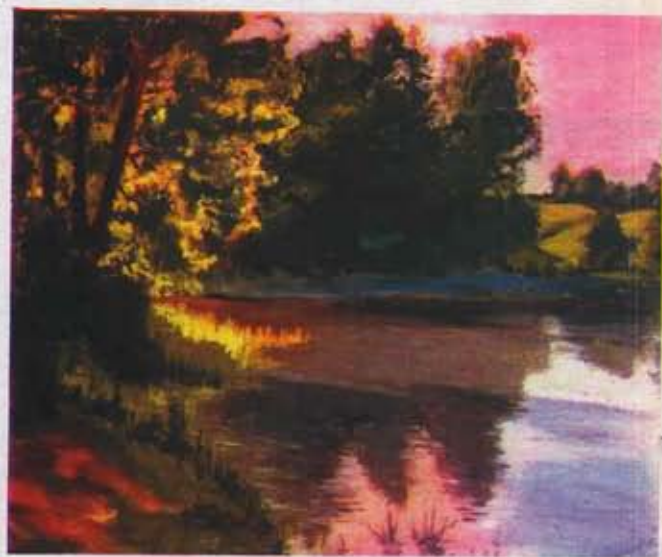
Портрет молодого композитора
Наташи ИВАНОВОЙ,
который она дополнила
тремя монологами

ли ее легкое дуновение того ветерка, что может стать могучим ветром призвания, сможет унести ее безвозвратно в Музыку? Кстати, бесполезно заметить, что к этому времени старший инженер Иванова сдала кандидатский минимум — совсем уж не «легкое дуновение», а крепкий порыв. И все-таки Наташа решает: музыка, музыка — она, именно она, к ней нужно стремиться. И приходит первая удача — песни на стихи Андрея Дементьева «Не ссорьтесь, влюбленные» и на стихи Николая Старшинова «Дорогие и милые люди» записывает Ирина Понаровская, песни звучат по радио и телевидению.

Говорят, успех окрыляет — верно, очень верно; даже нетрудно представить себя вот этим самым окрыленным удачей счастливецом: радостный, легкий, действительно не шагаешь, а паришь. И будний день в праздник, и любые хлопоты в радость, и чувством охвачен прекрасным — сделан первый шаг, о котором столько мечталось и который так трудно дался. Дебют, первый шаг, начало пути — вслед за приятным для самолюбия сладкозвучием этих слов приходит момент, когда нужно спросить себя: а окажется ли посильным бремя

одного из самых тяжелых и хлопотных в жизни дел — бремя творчества? Ведь есть в тебе талант или нет — самому на этот вопрос не ответить. А вот хватит ли силенок, готов ли нравственно, душевно создать именно нужное людям произведение? И, как бы в подтверждение того, что человек она сильный, понимающий смысл понятия «ответственность» не только умозрительно, Наташа резко свернула с одной жизненной дороги на другую: на одной осталась архитектура, успешно складывавшаяся карьера; на другой же ее встретила Музыка.

Вот так, если уж взять на себя труд биографа, начался путь композитора Наташи Ивановой.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО.

НИЗКОЕ СОЛНЦЕ.

МОНОЛОГ ПЕРВЫЙ. О ПЕРВОМ ШАГЕ

— А вы знаете, на что было труднее всего решиться? Опять стать начинающей. Ведь был уже отдан довольно-таки весомый кусочек жизни другой профессии, ну и, естественно, в этом кусочке сконцентрировался и опыт ошибок, и опыт успехов, и разочарования, и метания. Теперь предстояло заново пройти эти «вешки», как будто опять сесть за парту. Конечно, внешне мой жизненный поворот к музыке выглядит внезапным, но внезапность эту я отношу только к перемене профессии. Потому что во мне всегда жила музыка, жила внутренняя потребность и даже готовность к творчеству.

Вспоминаю часто, как детишки уверенно отвечают на вопрос: «Кем ты будешь?» Тут уж все можно услышать: и высшие военные звания и громкие ученые степени; дети легко отправляются и в дали дальние — морские и космические. Но я, например, не слышала, чтобы ребенок ответил: «Буду писателем». Или композитором. Во всяком случае, в своем детстве такие ответы я не припоминаю.

«Скучно-то как...»

Бранденбургских концертов Баха! В творчестве группы «Кинг Кримсон», оказавшей огромное влияние на развитие всей дальнейшей поп-музыки, сюита занимала почетное место. Возможно, Витя не знает, что композиции «Пинк Флойд» чаще всего созданы по образу и подобию классических сюит?! Подозреваю, что оперу Витя и другие любители Стивена Конвенши тоже не жалуют вниманием. Как же быть с такими великолепными произведениями, как «Орфей и Эвридика», «Тиль Уленшпигель», «Жизнь и смерть Хоакина Мурьеты»? Связь музыки всех времен очевидна, и не надо говорить, что что-то скучно, что-то устарело. Я считаю, что музыка есть только хорошая и только плохая. Тот, кто любит хорошую, тот разбирается в музыке вообще! Кстати, чтобы избежать недоразумений, я с удовольствием слушаю «Смоки», композиции Гершвина и Портера в исполнении Доны Саммер, великолепную группу Земля, Ветер и Огонь.

**Юлия ПИКАР,
Ивано-Франковск**

Витя из Владивостока так уверенно отчитывается за всех десятиклассников, что я была поражена. Я учусь в 10-м классе и больше предпочитаю слушать произведения Шопена, Чайковского, Баха, чем выступления какого-либо

зарубежного ансамбля. Нет, я не отвергаю поп-музыку, но просто от нее уже болит голова. У нас в школе проходил вечер, который был посвящен произведениям Шопена. Все с таким вниманием слушали его произведения, даже описать невозможно. Когда вечер закончился, все хором начали просить нашу пианистку, чтобы она еще сыграла несколько его произведений. И она играла...

**Ирина КОБЗИНА,
Ворошиловградская обл.**

Не секрет, что до сих пор еще многие люди, и взрослые и молодые, услышав от диктора телевидения о предстоящем симфоническом концерте, недовольно пожимают плечами и гасят голубой экран. И это вовсе не говорит о низкой степени их развития, просто классическая музыка им не нравится, но вполне возможно, что в другой области искусства иному любителю симфоний до них далеко.

В своем письме автор стыдит участников клуба «Что? Где? Когда?» за их незнание классики. Ну, а если я спрошу этого чересчур взыскательного автора, к примеру, где и когда родился популярный английский композитор Рик Чэйкман, работающий в жанре «классического» рока? Или где,

когда и кем был исполнен первый концерт для рок-группы с симфоническим оркестром? Предвижу, что произойдет дальше. Автору письма придется смущенно признать, что в этих вопросах он абсолютный ноль. Но я не крикну на весь Советский Союз: «Скучно-то как!»

А второе мнение — «Скучно-то как» — еще более консервативно. Автор прямо заявляет: рок-бит — хорошо, а классика — плохо. В то время, как автор первого говорит: нравится, слушайте!

**Алексей СИДОРОВ,
Великие Луки**

Чайковский велик и прекрасен, но это не значит, что молодежь не должна узнавать мелодии «Бони М». Пройдут года, и наши внуки будут с удовольствием слушать и Чайковского и «Бони М». Ибо мелодии «Бони М» — мелодии Карибского моря — тоже прекрасны и мелодичны, и согласитесь со мной, что до этого ничего подобного не было.

И вот уж поистине «стыдно-то как», услышав сейчас произведения «Бони М», не узнать их, живя в годы музыкальных направлений «диско» и «регги».

АСПУСКАЮТСЯ ПОЧКИ

Писатель, композитор — эти профессии требуют большего жизненного опыта по сравнению с другими. И чтобы остановить свой выбор на них, должен, мне кажется, подойти какой-то определенный срок. И он, этот срок, должен измеряться не просто возрастом человека, а его духовным возрастом.

И еще. Я думаю, что при выборе этих профессий решительность, уверенность в себе проявляется даже и не в первом шаге по избранному пути — она проявляется в словах, сказанных самому себе: «Буду композитором (писателем, художником)». Трудные эти слова, смелые слова — так я считаю.

А дебют — он обязательно должен состояться, только кому-то выпадает это быстро и счастливо, кому-то приходится потерпеть, помучиться. Но главные, я бы сказала, мытарства — они не вначале, они дальше наступают. Носиться ты со своим удачным первым шагом, а толку чуть — никак второй не сделаешь. Не хочу все одной краской мазать, может, у молодых литераторов, например, не так — я о нас, о начинающих композиторах, сказать хочу. Нам, как выяснилось, написать хорошую песню — еще не все. Нужно этой песне «открыть двери»: найти исполнителя — раз, записать на радио или телевидению — два. Да это еще при условии, что художник примет песню хотя бы без вздохов: «Моя, и ритм слишком уж... И слова тоже...» А потом — творческий поиск исполнителя. Ведь кое-кто говорит: «Ваша песня мне нравится, но тем ее буду тогда, когда все запоят». То есть мало привлекает исполнителя работа с начинающим композитором, потому что нет перспективы записи на радио, ТВ или выступления на представительных концертах.

Есть, конечно, на телевидении программы для дебютантов, но мало их, да и выступаешь с одним номером. А хочется показать три-четыре песни. Может, сделать то специальную телепрограмму «Дебют» сделать? Ведь есть для молодых литераторов и специальные сборники, и журналы, и семинары...

Короче говоря, уверенность в себе, в своем выборе — она проявляется не только в том, что веришь в возможность и успешность первого шага. Нужно твердо верить и в то, что хватит силенок «открыть двери» своим песням.

Да, Наташе приходится пробиваться. И к своим творческим удачам она причисляет не только признанные песни. Среди этих удач — встречи с дирижером концертного оркестра Ленинграда Анатолием Семеновичем Бадхеном и известной певицей Эдитой Пьехой.

К Пьехе Наташа пришла после концерта и, набравшись смелости, пригласила к себе домой прослушать свои песни. Их тогда она написала солидное количество — около пятидесяти, а «в люди» вышли всего-то пять-шесть. Певица прослушала почти половину («Больше я и не рискнула. И так удивлялась, как только терпения-то у Эдиты Станиславовны хватило», — вспоминает Наташа), выбрала сначала пять, из пяти — одну: «Здравствуй, солнце». Но не очень нравились стихи. Наташа вместе с авторами текст доработала. Оставалось,

как говорят, ждать и надеяться. И к Новому году она получает подарок — телеграмму от Пьехи: «Начинаю петь песню».

Получился, значит, второй шаг — и крепла уверенность.

А к Анатолию Семеновичу Бадхену Наташа пришла, еще будучи архитектором, с записями своих первых песен и словами: «Я — инженер, может, совсем не тем пытаюсь заниматься. Может, ошибаюсь, переоцениваю себя — нет у меня никакого дара?». Бадхен, возвращая пленки, так ответил Наташе: «То, что вы занимаетесь именно «тем», — я знаю, уверен. И то, что у вас самый что ни на есть дар сочинителя, — тоже уверен».

Дар... Поневолье задумываешься над тем, как поистине неисповедимы пути его проявления. Как почувствовать, открыть его в себе? Ведь не каждого, далеко не каждого одаренного музыканта в детстве звуки музыки просто-таки толкали к роялю, как Чайковского. Ведь невозможно угадать, для кого из милых малышей, играющих во дворе детского сада, нужно срочно заготавливать письменный стол или кого из них в спешном порядке выпускать на лед, дабы не пропустить гения пера или будущего чемпиона. Как правило, взрослые вносят положительную лепту: записывают в секцию, учат иностранному языку, живописи. Иногда это принимает уродливые формы насильственного, так сказать, воспитания вундеркиндов, но чаще это просто желание разносторонне развить ребенка. Последним и руководствовались мама Наташи, когда привела ее в музыкальную школу. Наташа в детском саду пела чуть ли не на всех утренниках, поэтому на экзамене не стеснялась. Экзаменаторы нашли, что у девочки прекрасный слух, и Наташу приняли в класс фортепиано. Училась она буквально в захлеб и окончила школу с отличием. И вовсе не направляла ее, как порой бывает, родительская рука: наоборот, мама считала, что музыка — это так, для общего образования, а делом жизни быть не может. Наташа этому мнению не противилась — после школы пошла в строительный институт, на архитектурно-строительный факультет. Училась увлеченно, работала потом в проектно-институте. На совесть, с интересом.

То есть ничто не говорило о том, что чувство призвания обошло ее, что профессия она выбрала ошибочно, не по душе. Какое там! Строила еще студенткой — в стройотрядах: была активнейшим членом студенческого научного общества, ее работа по линейному программированию в строительстве заняла второе место по Ленинграду. И, наконец, на Урале, где поначалу работала вместе с мужем, тоже строителем, сдала кандидатский минимум. Одним словом, все говорило об успешном «освоении» архитектуры, ничто не предвещало рождения композитора. Правда, в институтском эстрадном ансамбле Наташа была солисткой все пять лет, а позже, на Урале, когда дома собирались друзья, устраивала музыкальные капустники. Причем, брала томик стихов и тут же подбирала к ним музыку. Тогда же стала пробовать сочинять стихи, серьезнее и больше занималась живописью (замечу: рисование — такое же Наташино увлечение еще с детства, как и пение). Но опять-таки что можно во всем этом

усмотреть? Интересно живет человек, всесторонняя личность. Не более того. Да и Наташа серьезно к этим своим наклонностям не относилась.

Пожалуй, впервые она задумалась о музыке, когда получила диплом конкурса «Молодые голоса» по Свердловской области. Должна была ехать в Москву, но помешал переезд обратно в Ленинград. В Ленинграде записалась в «Клуб любителей песни» при городском Доме художественной самодеятельности. Ну, а что было дальше — об этом я уже рассказал вначале.

МОНОЛОГ ВТОРОЙ. КАК Я ЖИВУ

«Как живешь? Как ваша жизнь?» — неизменный вопрос в беседе людей, которые какое-то время не виделись. Как бы я ответила? Наверно, ответить, что живу сейчас в другом ритме, другими интересами — это было бы не совсем верно. Пусть архитектура в прошлом и главным моим делом стала музыка. Но я, как и раньше, люблю сочинять стихи. Правда, вот она разница — в свободное от музыки время. А если не сочиняю стихи, то рисую. А если не рисую, то произвожу очередной «генеральный смотр» коллекции марок. И вяжу, и с удовольствием готовлю, убираю квартиру. Совсем не желаю быть таким эмансипированным существом женского пола, которое парит где-то в заоблачных далах творчества, а в это время у него на кухне поджаривает мясо и в квартире кавардак. Со мной по-прежнему книги любимых писателей: Л. Толстого, Паустовского, Лермонтова, Некрасова, Рубцова, Рылеева. Я не «выкруиваю» (да еще часто говорят — с трудом) на них время — я его специально оставляю. Как оставляю время на то, чтобы послушать Баха и Глинку, посмотреть картины Ромадина, Чюрлениса и Глазунова. Ведь если творчество отнимает у человека свободное время, поднимает его катастрофически — нечего будет ответить на вопрос «Как живешь?».

А мы с мужем живем счастливо. Мне интересны его дела (он работает в строительстве, в Главленинградстрое), ему — мои. И у нас есть дом — в полном смысле этого слова. Уютный, согретый нашим взаимным теплом. Володя — мой первый слушатель и самый строгий судья. Самый строгий — без преувеличения. Я даже порой обижаюсь, думаю, что уж слишком он критикует. Но остываю, конечно, потому что чувствую: за этой придирчивостью — тонкое, заинтересованное отношение к моей музыке. Не побоюсь сказать: мое творчество в огромной степени питается нашими отношениями, нашей духовной близостью. И как же мне повезло: была я архитектором, строителем — и, естественно, у нас были общие интересы; теперь, когда я работаю в музыке, — общность интересов, к моей великой радости, сохранилась. Ведь у Володи есть и вторая специальность — настройщик музыкальных инструментов; он хорошо играет на пианино, балалайке, трубе, великолепно переписывает клавиры — не механически, а разбираясь, понимая. Я не просто

Конечно же, Чайковский и Бах — это великолепно. И я хочу теперь ответить десятикласснику Вите из Владивостока, что при хорошей организации вечера можно послушать и Баха. Современная музыка — прекратись. И никто не скажет, что «Смоки» — ужасно. Нет, конечно, нет. Ужасно то, что многие сами ее делают ужасной. Особенно это заметно летом в общеджентиле, когда из открытых окон раздаются искаженные звуки. Музыка надо уметь слушать. В. И. Ленин при музыке думал и отдыхал. Мы же, я уверена, не можем отдохнуть от такой музыки. Наверное, отсюда у взрослых людей такое негативное отношение к современной музыке.

Галина ГОЛУБОВИЧ,
Омск

На мой взгляд, оба письма заслуживают внимания, оба поднимают серьезные даже не вопросы, а целые проблемы. Правда, второе из них (пусть не обижается на меня Витя из Владивостока) написано в тоне молодого, задорного петушка, но оно тоже будирует серьезные мысли. Дело в том, что действительно культурному, образованному человеку нельзя не знать классики, не знать того, чем славится Отечество, что является гордостью всего человечества.

перечисляю его достоинства, тут главное другое — когда я переменяла профессию, в нашей семье не произошло того, что так часто бывает: встречаются муж и жена вечером, поужинают, посмотрят телевизор, и спать. А говорить не о чем — разные интересы, разные проблемы. Нет, у нас совсем не так: иной раз не знаешь, как обо всем и переговорить, просто-таки дня не хватает.

И еще что очень важно: мы всегда, как только поженились, опирались, надеялись только на себя. Никогда не были нахлебниками у родителей. Жила сначала на две стипендии, на целину каждые ханикулы ездили, чтобы заработать. Да, честно говоря, и не в «заработать» дело — мы привыкли вместе строить свою жизнь, трудиться над ней. И потому, когда кому-то из нас трудно, когда нужно решиться на что-то — вот мне, например, уйти в музыку, — мы ищем прежде всего поддержку друг в друге. Говорят: прочная основа отношений. Такой прочной основой для нас стало взаимопонимание. Полное! И, конечно, любовь, нежность, тепло — эти чувства с нами всегда.

В музыкальной школе, где училась Наташа, был преподаватель, который грозно заявил юным музыкантам: «Играть легкую музыку — позор». Исполнительная ученица Иванова беспроблемно подчинилась этому сомнительному заявлению. Но девочку Наташу продолжала увлекать песня, она все время напевала какие-то мотивчики. «Оттого, наверное, я сейчас легче сочиняю голосом», — говорит Наташа. И если смотреть за ее работой, то может показаться, что сочиняет она легко: ставит на попир текст окончательно выбранного стихотворения и «переводит» написанное голосом на язык нот — подбирает музыку, записывает ноты, потом «чистит» их. И к тому же, если узнать, что она написала уже около ста песен, — тут уж может создаться впечатление, что творчество для Наташи — такой праздник. Нет, совсем нет. Просто, говоря словами из поговорки, рассказанное выше — это делу венец. А перед «венцом» — огромная черновая и постоянная внутренняя работа.

Начинается эта работа с того, что Наташа буквально авоськами несет домой томики стихов. Прочитывает сотни стихотворений благо владеет техникой скорочтения: «Специально училась, ведь такую махину текстов нужно прочитать, чтобы выбрать что-то для себя». Выбирает из этой «машины» Наташа не сразу, сначала откладывает в копилку памяти те стихотворения, строчки из которых породили какой-то образ. И вот дальше происходит та самая незаметная внутренняя работа: «Вот накапливаются, накапливаются во мне понравившиеся стихи, я долго ношу их в себе, и вдруг выход — «прорезается» ясно и четко то самое, к которому буду писать музыку». Иногда этот выход, это самое «вдруг» не приходит месяцами. А когда приходит, то Наташа проигрывает голосом десятки, а то и сотни вариантов: «Бывает, чищу картошку и напеваю, напеваю. Один вариант, другой — прямо-таки «правлю» себя, как редактор правит текст». Наташа очень требовательна к тексту, любит повторять популярную в композиторских кругах, — правда, чуть шуточную — фразу: «Скажи, кто твой поэт, и я скажу, какой ты композитор».

Вот так работает композитор Иванова над каждой песней. И к этому еще хочу добавить: представьте себе, какую нелегкую школу музыкального самообразования пришлось пройти архитектору Ивановой, чтобы профессионально работать в музыке. А можно с уверенностью сказать, что, откликнувшись когда-то на зов Музыка, интуитивно поняв, что вот оно пришло — призвание, Наташа теперь работает в Музыка. Профессионально работает. Об этом гово-

Жить только интересами сегодняшнего дня — так можно дойти до повторного изобретения колеса или деградировать до первобытного состояния. Надо знать ценности, созданные человечеством!

Культурную ценность составляет прежде всего классика. А «Бони М», Демис Руссос и иже с ними мелькнут, взбудоражат, а завтра... Завтра, возможно, о них забудут. Появится что-то новое. Классика же существует если не вечно, то веками. На ее основе создаются новые современные культурные ценности, на ее основе люди учатся понимать и сегодняшнее. Зная классику, человек научится отличать истинные ценности от мусора, в том числе и музыкального.

Плохо, если человек живет только шлягерами. Это значит, что у него плохой вкус: значит, он в культурном отношении не развит, поэтому и нет у него потребности услышать или увидеть что-либо другое.

Но я согласен с Витей, что весь вечер слушать только футу Баха — это на любителя, и каждый день не будешь. Нужна эстрада.

По-видимому, и шлягеры на эстраде тоже в какой-то мере нужны или, во всяком случае, допустимы. Ведь шлягер отражает моду времени. А мода имеет много положительного, но меняется часто. И если хорошая

и успехи: ее песни поют такие известные исполнители, как Пьеха, Понаровская, Пахоменко, Хиль, Сенчина. На концерте, посвященном отъезду молодых строителей на БАМ, в Колонном зале Дома союзов она пела свою песню «Зимой на БАМе»: Наташа принята в Ленконцерт, работает автором-исполнителем (а ведь это и признание ее исполнительского дарования), гастролирует по всей стране.

Но самый, пожалуй, крупный успех молодого композитора — это твердо выбранные ориентиры на творческом пути. Наташа решительно отменяла проходное, псевдомодное — она пишет музыку, которая близка ей душевно. И не прекращает работать над песней, пока не вызревает уверенность, что и слушателю станет близка и дорога ее музыка.

МОНОЛОГ ТРЕТИЙ. О МУЗЫКЕ, КОТОРУЮ ПИШУ

Конечно, каждому творческому человеку хочется создать что-то новое, до него небывалое. Но ведь можно прийти и к такому: когда оригинальность ради оригинальности, а смысла, красота — на втором плане. Не то что показывать этакую брызгой или несвоевременной — мне как раз нравятся современные течения в эстрадной музыке, — но порой огорчаешься, прослушав иные модные изыски: а зачем такая музыка вообще? Не тратит ли ее сочинитель себя впустую?

Я часто задумываюсь: а что есть «ключ» к сочинению песни? Порой мне казалось, что им должна быть ударная фраза в тексте: «Подберу музыку к тебе», например. Потом я стала прежде всего искать эмоциональный образ: не найдешь его, не почувствуешь до конца — не состоится и песня. Так было, когда я писала о Гагарине*. Была я и над тем, как уравновесить музыкальную фразу со стихотворной — ведь как часто бывает, что музыка не дотягивает до стихов или наоборот. Сама же я приверженец доминирования в песне мелодии. И в этом смысле самые большие авторитеты для меня среди композиторов-песенников (к сожалению, не могу произнести прекрасное слово «учителя», не было у меня их) — Петров, Зацепин, Фрадкин, мастера, тонко и нежно работающие с мелодией.

Вот так думала я, рассуждала, искала «нерв» своей музыки. И вдруг поняла, что «ключ» или «нерв» — эти проблемы нужно решать, как говорят, в рабочем порядке. Чем профессиональнее становишься, тем ближе подходишь к верному их решению. Главное — другое. Главное, чтобы в твоей музыке людям, образно говоря, увиделось, как распускаются почки. Ведь в природе это можно увидеть, только неотрывно наблюдая за деревьями и кустиками, а такую возможность жизнь не предоставляет — хлопоты, заботы. Вот и получается: просыпаешься весенним утром — и все зелено вокруг. И хотя, как это произошло, ты не видел, но радость — то все равно охватывает.

И это не просто выдуманный мною красивый образ. Я действительно неравнодушна к природе: я верю ей, природе, как любимому человеку, советуюсь с ней.

Да, нужно увидеть, как распускаются почки, и донести это видение людям. Увидеть, увидеть — как бы ни застилали порой глаза хлопоты и трудности! Ведь это такая хлопотная и трудная работа — творчество.

* С песней «Пароль», посвященной памяти Юрия Гагарина, мы познакомили читателей в № 7 за этот год.

эстрада живет относительно долго, то музыкальные шлягеры не живучи, они только на сегодняшний день.

Думается, что оба вышеозначенные письма свидетельствуют о том, что в постижении культурных ценностей у нас имеются серьезные пробелы. И не только у молодежи.

Давайте задумаемся: где, кто и когда дает молодежи образование в вопросах культуры? Я имею в виду не только музыку, но и другие виды искусства, а также этику и даже мифологию, которая тоже является культурной ценностью.

Если не быть демагогом, то надо признать, что этому нигде и никто по-настоящему молодежи не учит. Ведь нельзя же всерьез считать, что уроки музыки, пения, рисования, которые проводятся в средней школе, дают молодежи существенные познания в вопросах культуры. Дома, в семье молодежи в большинстве случаев тоже не может восполнить этот пробел. Ведь деды и даже родители нынешней молодежи росли в очень тяжелые годы, когда вопросам культуры должного внимания не могло быть уделено.

Математике, физике, другим точным наукам, отражающим нынешний прогресс, наша молодежь обучается лучше, и тяга у нее к ним больше. Это и понятно. А вот

ПОСЛЕДНИЕ СОЛОВЬИ В ИЮНЕ

Музыка Натальи ИВАНОВОЙ.
Стихи Анатолия СОФРОНОВА

Затих, притаился орешник,
Береза листвою не дрожит.
А песня, как лунная капля,
По лесу, сверкая, бежит.
Исчезнет соловушка серый,
Захочешь найти — не сыскать;
Исчезнет соловушка серый,
А песне звучать и звучать.

Припев:

Последние соловьи в июне
Особенно громко поют,
Как будто бы голос и сердце
Навеки тебе отдают.

Услышало облако в небе
Последнюю песню соловья.
И я, чуть дыша, притаился,
Как будто бы это моя.
Исчезнет соловушка серый,
Захочешь найти — не сыскать;
Исчезнет соловушка серый,
А песне звучать и звучать.

Припев.

вопросам культуры, этики и даже обычной грамотности уделяется явно недостаточное внимание.

Человеку по своей натуре свойственна тяга к развлечению. Шлятеры же, как и всевозможный музыкальный мусор, широко доступны и никаким познаниям не требуют. Вот они и заполнили создавшийся своеобразный вакуум у значительной части молодежи. Следовательно, винить нашу молодежь в том, что она не знает музыкальной классики, вряд ли мы можем.

Я думаю, что это проблема, ждущая своего разрешения в системе школьного и, вероятно, дошкольного образования. Разумеется, здесь нельзя обойтись и без самообразования. Но попробуйте найти в магазинах книги, написанные доступным для «необразованного» читателя языком по вопросам живописи, скульптуры, музыки, этики, мифологии и так далее! На книжных полках их нет. Иногда, очень редко, они появляются, но купить их практически невозможно. Нам — и молодежи и старшему поколению — надо принять все меры, чтобы как можно быстрее восполнить пробелы в своем познании культурных ценностей. А помочь нам в этом должна прежде всего хорошая книга.

Профессор Николай ЗЕМСКОВ,
Ворошиловград

Музыкальный фрагмент с нотами и русскими словами. Видны аккорды Cm7, D7, Eb7, G7.

Свидетельствует западная пресса:
«Тайм» (США)

**ВМЕСТО ИДЕАЛОВ — ИДОЛЫ.
БУРЖУАЗНАЯ МАШИНА МНЕНИЙ
ПРОИЗВОДИТ ИХ КОНВЕЙЕРНЫМ СПОСОБОМ.
КРУТИТСЯ РЕКЛАМНАЯ КАРУСЕЛЬ.
МЕНЯЮТСЯ МОДЫ, МЕНЯЮТСЯ ЛИЦА,
НЕИЗМЕННОЙ ОСТАЕТСЯ СУТЬ:
ИДОЛЫ ВЗАМЕН ИДЕАЛОВ...**

КТО есть «КТО»?

У индустрии сотворения идолов — свои законы, своя логика. Есть нечто общее в историях неистовых молодых людей, порой талантливых, порой бездарных, бравших в руки гитары, чтобы крикнуть в лицо этому миру нечто сердитое и злое, обвинявших, требовавших, грозивших и оказавшихся в итоге на подмостках крупнейших залов, на обложках еженедельников, в списках обладателей «золотых дисков», которые вручают компании грамзаписи за каждую миллионную пластинку.

Большинство рок-ансамблей родилось со словом «протест» на устах.

Поначалу это кажется просто патологической страстью мира капитала — выслушивать правду о том, какой он жестокий, мерзкий, бесчеловечный. Выслушивать и оплачивать тех, кто прорывал ему эту правду из могучих динамиков танцзалов и дискотек. Приглядевшись, обнаружишь: «наверх» поднимаются те, чья правда не выходит за рамки изображения в зеркале, остается криком боли, горечи, отчаяния. Лишь бы не делалась эта правда чересчур уж требовательной и прицельной, лишь бы не прозвучал решающий вопрос: что и как должно измениться в этом безумном, безумном, безумном мире?

Американский журнал «Тайм» посвятил обложку английскому ансамблю «Ху» («Кто»). Обложку и обширный материал. Интересна эта публикация тем, что в ней отчетливо проглядывается механизм сотворения удобных и выгодных идолов. Это рассказ о том, как ярость бунтарей, вооруженных гитарами, трансформируется в благополучие коммерсантов, вооруженных чековыми книжками, как анархистский «протест» ловко вписывается в идеологическое лоскутное одеяло буржуазного мира.

Итак, ансамбль «Ху». Свидетельствует «Тайм».

За пятнадцать лет оторопевшая аудитория была свидетелем того, как в поп-музыке возникали бесчисленные новые ансамбли и новые стили, вспыхивали ярким пламенем, постепенно меркли и угасали совсем. Ансамбль «Ху» продержался дольше всех. Пятнадцать лет оказались слишком долгим сроком для большинства исполнителей рок-музыки. Ансамбль «Ху» пережил, во всех смыслах этого слова, их всех.

Почему?
«Тайм» отвечает:

Ансамблю удалось сохранить и упрочить то, что составляет душу рока, — напор, силу, в которых есть и похвальба своей смелостью и напряженное усилие сохранить устойчивость, как у осмелившегося босиком ступать на острие бритвы. Много осталось шрамов, некоторые раны никогда не заживут, но на музыку это не отразилось... Для ансамбля характерно сочетание акустической мощи с мелодической тонкостью: будто звуки камерной музыки продолжают звучать под грохот канонады.

Как прославился ансамбль «Ху»? Чем ему удалось выделиться среди множества других?

Довольно долгое время, в первые годы существования ансамбля, четверка из «Ху» привлекала к себе внимание тем, например, что на глазах у публики по окончании выступления вздремывала свои инструменты. Поначалу смотреть на это было страшно, ново и весело.

Ударник Кейт Мун протыкал свой барабан, Таунсенд с размаху втыкал шейку гитары в усилитель, Долтри швырял микрофон об пол. Энтуисл же, крепко прижимая к себе бас-гитару, все это время продолжал играть — упрямо и безумно, как тот единственный, уцелевший после кораблекрушения человек, который сидит в протекающей спасательной лодке и изо всех сил старается не промочить ноги...

«Иногда у меня было такое чувство, — говорит Энтуисл, — что публика ждет от нас одного: чтобы мы вышли, все переломали и ушли». В этой страсти к разрушению находил себя протест против преувеличения ценности вещного мира. Аудитория понимала, что музыкальные инструменты — это продолжение самих музыкантов, четырех блаженных и звончатых до предела маньяков от музыки. Это был не поп-арт на сцене, это была война противостоящих друг другу сил.

Сепаратных миров не было. Были лишь обломки инструментов, остававшихся лежать после концерта на полу сцены, как части рассыпавшейся деревянной головоломки.

Итак, вместо борьбы с бесчеловечным «вещным миром» — борьба с бессловесным музыкальным инвентарем. Эрац вполне приемлемый, и дельцы от «массовой культуры» открывают для себя ансамбль из Лондона...

Несколько подробнее о составе «Ху».

Группу собрал Роджер Долтри. Окончив в пятнадцать лет лондонскую школу, он стал рабочим-металлистом и пять лет работал на заводе. После работы он занимался изготовлением своих собственных гитар и постепенно собрал группу. Однажды на улице он встретил «верзилу с самодельной бас-гитарой, которая больше походила на футбольную бутсу с приделанным к ней грифом». Он тут же завербовал парня — это был Джон Энтуисл — в ансамбль. Вокалистом был сам Долтри. Не хватало ритм-гитары. Энтуисл вспомнил своего школьного друга Пита Таунсенда, которого он называл «нос на палке»... Однажды на сцену взобрался полупьяный хулиган, толкнул ударника, сел на его место и устроил себе прослушивание, завершившееся грандиозным пинком по барабану. На следующий день он был принят в ансамбль. Это был Кейт Мун.

Позднее место ударника занял Кенни Джоунз — Кейт Мун умер в результате злоупотребления алкоголем и наркотиками. Он дожил до 31 года.

Мун, который мог быть и очаровательно незлобивым и добродушным, как шекспировский шут, перенесенный в эпоху рока, вызывал, пожалуй, наибольшую симпатию слушателей. Однако его неотвратимо влекло к саморазрушению, дозы отравы, которыми он себя губил, все увеличивались. «Мы знали, что приближается, — говорит Долтри, — и все же, когда это произошло, мы были потрясены». Однажды, вернувшись из гостей, где он вел себя вполне нормально, Мун принял 30 таблеток хеминеврина — средства, которым он лечился от алкоголизма. «Ужасно, что никого из нас не оказалось рядом, — говорит Энтуисл, — ведь до этого мы его уже раз тридцать спасали, подбирая в бессознательном состоянии»...

А как вообще относились все эти голы лгут к другу члены ансамбля «Ху»?

Кое-что оставалось неизменным. Члены группы воевали друг с другом. Трения переходили в открытые столкновения, тлеющие угли вспыхивали, и тогда внезапно возникали стремительные и опустошительные пожары. В группе нет ни одного человека, который в свое время не уходил бы из нее. В 1965 году, например, ушел Долтри, клянясь организовать другую группу, но через неделю вернулся. «Я понял, что погибну, если останусь без них, — говорит он. — И я больше не ссорился с ними... года два». Что касается Таунсенда, то он не был столь убежденным сторонником непротирания злу насилем и однажды во время возникших разногласий в студии записи ударил Долтри гитарой по голове. Ответный удар Долтри кончился для Таунсенда больницей.

«Я то и дело разнимал дерущихся, — вспоминает Энтуисл, — в основном оттаскивая Роджера от Пита. И Кейту и мне осточертели и драки и сам Таунсенд с его самоинициативом. Ведь он воображал себя гением».

Оставши драки между членами ансамбля и вернемся к теме разговора: что же все-таки привлекало к «Ху» интерес слушателей и фирм грамзаписи?

Несомненно, ключевая фигура в ансамбле — Таунсенд. Широкое признание ему завоевала одна из первых песен — «Мое поколение», многие строки которой звучали вызовом («Почему бы вам всем не стигнуть?», «Я-то, надеюсь, умру раньше, чем состарюсь», и т. д.). Сейчас, через четырнадцать лет после выхода в свет пластинки с записью этой мелодии, песни Таунсенда сохраняют ту же силу воздействия. Именно благодаря духу непокорности, непримиримости песни Таунсенда «Нас теперь не одраччишь» стала самым яростным политическим манифестом рок-культуры. В годы выборов ее можно было бы исполнять как своего рода гимн — столько в ней иронии, так горька истина конечного вывода: «Познакомьтесь с нашим новым боссом — он ничем не отличается от прежнего».

Обратите внимание: «политический манифест рок-культуры». Именно так формулирует «Тайм».

Ансамбль «Ху» начал свою карьеру в старом лондонском гараже, где собирались подростки — дети улицы, потом он переехал в дешевые панельные рабочих предместьях, где славословие в адрес капиталистического строя не очень-то принято. Он обращался к поколению, которое социологи назовут «поколением бунтарей». «Бунт против отцов» — название одной из книг, вышедших в конце 60-х годов. Против отцов или против системы?

«Бунтари» из группы «Ху» своеобразно определяли свою позицию в мире, который они столь громкогласно (в прямом и переносном смысле) заклеймили.

«Тайм» повествует:

Размышляя, терзаясь мучительными сомнениями, Таунсенд чуть было уже не превратился в некое подобие иссохшего и изодранного листа пергамента, как вдруг пришло решение: «Хватит. Решено. «Ху» становится деловым предприятием. Бизнесом».

Что и произошло. «Терзания» Таунсенда и его коллег были достойно оценены теми, кто платит и кто, стало быть, заказывает музыку... Результат?

Записи ансамбля «Ху» принесли ему в общей сложности 20 миллионов долларов.

Хорошо оплаченный «протест», не правда ли? «Бунтари» благополучно вписались в общество, которое (если верить песенным текстам) казалось им столь отвратительным.

Долтри — владелец трехсот акров великолепной земли в графстве Сассекс. Живет в особняке XVIII века. Правда, со слухом уже ничего не поделаешь — у него, как и у Таунсенда, слух поврежден в результате долгих лет работы в соседстве с усилителями. «Когда шумно, — говорит Долтри, — приходится читать по губам».

Таунсенд живет в своем доме на окраине Лондона, либо, если того требуют соображения удобства или настроения, в доме побольше, в Оксфордшире. Он долго воздерживался от устройства собственной студии звукозаписи у себя в доме, но в конце концов не выдержал и установил в одной из комнат звукозаписывающую аппаратуру. Однажды, когда он производил запись голосовой партии, его дочка, не вполне знакомая с профессиональной деятельностью отца, в испуге ворвалась в комнату с намерением проверить, что происходит с папой — его голос звучал так, будто он корчится в страшных муках.

Энтуисл большую часть года живет в собственном доме в пригороде Лондона. Кроме того, у него есть хозяйство в Глостершире — восемь домов и 52 акра земли. Сейчас он работает над «Историей «Ху» в картинках». В соответствии с чертами, характерными для каждого члена группы, Энтуисл «подобрал» каждому из них вымышленных предков. Одним из предков Долтри стал некий Дикий Билл Долтри, бандит и скряга, который «учит» свою жертву, стреляя в нее платиновыми пулями, а потом выковыривает эти пули для «дальнейшего использования». Себе самому Энтуисл выбрал предком некоего Ахаба, навсквозь пропитанного «морского волка», который в состоянии непроходющего опьянения видит розовых китов справа по борту...

Кенни Джоунза за его всегда лохотный вид в группе окрестили «Парикмахером». Среди своих коллег он и в самом деле выглядит подающим надежды актером, случайным попавшим в шайку воров. У Джоунза дом в предместьях Лондона. Он часто предается удовольствиям мелкопоместной жизни, таким, как верховая езда в сопровождении своры борзых. На этом основании он любит называть свою жизнь «собачьей»...

Буржуазной идеологической машине нередко удается хитроумный трюк — продать азартной и неопытной молодежи, взбудораженной, недовольной, протестующей против несправедливости, ханжества и лицемерия мира капитала, «протест в целлофановой упаковке». Фирмам грампластинок и капиталу, стоящему за ними, весьма симпатична фигура «бунтара», приезжающего на запись в новом «гауре» или «кадиллаке». Сколько уже приручили... Ну, а если не удается приручить?

А тогда просто не будет миллионов тиражей пластинок, не будет дорогостоящей рекламы, не будет той ландшафтной популярности, которую здесь производит по испытанной технологии, по рецептам, столь же точно выверенным, как рецепты стирального порошка или крема для пирожных.

«Тайм» пишет:

Любой любитель рок-музыки мог бы прочитать литанию по трагически погибшим, замучившим самих себя героям рока. Таунсенд это понимает, когда говорит несколько мелодраматично, но с большой долей истины: «Рок меня доконает. Духовно, или физически, или еще как. Но доконает. Он всех сводит на нет».

«Тайм» завершает свой материал об ансамбле «Ху» таким эпитафием...

НАВСТРЕЧУ СМЕРТИ

Это произошло в Цинциннати. Билеты добывались с боем. Ансамбль «Ху» не выступал здесь с 1975 года. Через 90 минут после открытия касс стадиона Риверфрант Колизеум все 18248 билетов были распроданы. Любители рок-музыки стекались со всех концов штата. Дэнни и Конни Бэрнз, оставив дома двоих детей, сели в заказной автобус в Дэйтоне и отправились на концерт.

Хотя концерт был назначен на 8 часов вечера, толпа начала собираться у здания стадиона уже в час дня. К трем часам появилась полиция, чтобы следить за порядком. Ждать нужно было долго, а хотелось сохранить приподнятое настроение. В ход пошли спиртные напитки, марихуана.

К концу дня на площади, у западного входа на стадион, собралось около восьми тысяч человек. У большинства из них были входные билеты. В 7 часов двери еще были закрыты. Толпа, горя нетерпением, сбивалась все плотнее. Где-то в середине толпы затерялись Дэнни и Конни Бэрнз.

Лейтенант 25-го отделения полиции Цинциннати Дэйл Менхаус, посланный с нарядом полиции следить за порядком в толпе, почувствовал опасность. Он пошел искать кого-нибудь, кто бы мог открыть двери зала. Один из найденных им антрепренеров, Кэл Леви, сказал, что ничего сделать нельзя: во-первых, музыканты еще не кончили репетировать, во-вторых, еще не все билетеры собрались.

Толпа, к этому времени сбившись предельно тесно, стала напирать. Около 7 часов 20 минут стеклянная дверь была разбита, сквозь образовавшуюся дыру кое-кто из зрителей пролез в зал. В конце концов открыли западный вход. Толпа хинулась вперед. Поток людей потащил за собой Дэнни Бэрнза. Куда делась его жена, он не видел.

Лейтенант Менхаус услышал крик и понял, что «кто-то в толпе упал». Он ничего не мог предпринять. Толпа продолжала двигаться, прорваться сквозь нее было невозможно. Когда первоначальный напор ослаб, полицейские стали пробираться вперед. Первое тело было обнаружено в 7 часов 45 минут. Всего было найдено восемь раненых и одиннадцать убитых, из них семь мужчин и четыре женщины. Трое были студентами колледжа, один — дорожный рабочий. Среди убитых нашли и Конни Бэрнз. Согласно предварительному заключению следователя, она погибла, как и остальные, от удущья.

Начальник пожарной команды Цинциннати Клиффорд Дружи заявил менеджеру ансамбля Биллу Кэрбиши, что концерт, несмотря ни на что, должен продолжаться согласно программе. Дружи рассудил, что толпа, которой неизвестно, что произошло у западного входа, начнет волноваться и не усидит на месте, если ей объявят об отмене концерта. В результате группа дала свой обычный двухчасовой концерт. Правда, их предупредили, чтобы на «бис» они много не играли.

ЕЩЕ ОДНА ТРАГЕДИЯ В ЛЕТОПИСИ РОК-БИЗНЕСА. НЕ ПЕРВАЯ И НЕ ПОСЛЕДНЯЯ. «ЧТО-ТО ПОДОБНОЕ УЖЕ БЫЛО», — КАК ПОЕТСЯ В ПЕСНЕ «ХУ».

ЕЩЕ ОДНА СТРАНИЦА ТОГО, ЧТО НА ЗАПАДЕ ИМЕНУЕТСЯ «МАССОВОЙ КУЛЬТУРОЙ»...

АНСАМБЛЬ «ХУ» — ЯВЛЕНИЕ НЕ ОДНОЗНАЧНОЕ. КАК И МНОГИЕ ДРУГИЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ АНСАМБЛИ. О КАКИХ ИЗ НИХ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ПРОЧИТАТЬ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ? ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ.

Не растерянность, нет, сомнения — вот что одолевало меня утром следующего дня. Сомневался во всем. В том, что Вышемирский умер от сердечного приступа. В то же время не мог не верить — передо мной лежало полное, убедительное и категоричное заключение медиков. Секундой позже, противореча сам себе, сомневался, что его смерть носила насильственный характер. Не разделял я и мнения прокурора о том, что в доме профессора была совершена кража. Да и как было не сомневаться? Объективных данных не было, одни догадки, предположения. Как говорится в законе: «Налицо только признаки преступления и... отсутствие обстоятельств, исключающих производство по делу».

Но в чем я сомневался больше всего, так это в том, что не преувеличиваем ли все мы: ну, умер человек, ну, пропала кассета с пленкой, ну, нет на месте денег, мало ли что случается в жизни? Завтра вернется сын Ивана Матвеевича, и окажется, что деньги взял он, но с разрешения отца, и не на что-нибудь, а на приобретение редкого лекарства, а на пленке, скажем, был записан концерт Аллы Пугачевой. Вот будет номер! Оставалось надеяться на такое завтра. В конце концов кто сказал, что в результате нашей деятельности на ком-то обязательно должны зашелкаться наручники?

А пока... Пока нам надо было искать Юрия и заодно делать все возможное для восстановления событий, предшествовавших смерти профессора.

Мы могли жаловаться на что угодно, только не на отсутствие сюрпризов. Каждый час приносил все новые и новые данные, но далеко не все они поддавались расшифровке. Не могу сказать, что сообщение прокурора о Черпакове не произвело на меня впечатления, но, к примеру, заключение экспертов-трасологов, данное ими накануне, обеспокоило больше. Поздно вечером им удалось восстановить текст, спиленный на каминных часах. «Адвокату, не знающему поражений», — было когда-то написано на них. И дата: «1955 год». Известно, что Вышемирский был человеком, далеким от юриспруденции, физиологом, а не адвокатом. Часы подарил ему сын Юрий, тоже не имеющий отношения к адвокатуре. Первое, что пришло на ум, — часы краденые. Я мог и ошибиться, но проверить эту версию было необходимо. Заняться этим я поручил инспектору Сотниченко.

Вопросов прибавлялось, а ответов пока, увы, не было. Поневоле приходилось возвращаться к фактам, известным наверняка. Итак, 24 сентября около семнадцати часов в доме номер один по улице Доватора от сердечного приступа скончался профессор Иван Матвеевич Вышемирский. Спустя пятнадцать — двадцать минут из дома вышел его сын. В руках он нес чемодан. Встретивший его Черпаков, сослуживец профессора, уверен, что Юрий собрался в дорогу. Это не мог быть отъезд в командировку: Логвинов, побывавший на комбинате, где работал Юрий, узнал, что Вышемирский уже второй день не выходит на работу. Далее. В семнадцать тридцать Черпаков, успевший побывать в доме, в испуге выбежал на улицу и, не назвавшись, сообщил о случившемся. Еще через пятнадцать минут на место происшествия прибыла милициская машина. К тому времени с момента смерти Вышемирского прошло около сорока минут. Со временем более менее ясно.

Теперь о посетителях. Слесток с туфель Черпакова полностью совпал со следами на пороге комнаты профессора, на веранде и у входа в дом. Показания Сергея Сергеевича отчасти подтвердились. С женщиной по-прежнему не все понятно. Размер туфель тридцать шесть. Обувь стандартная. Платформа. Имеет ряд индивидуальных признаков. Идентифицировать было бы нетрудно, только вот сравнивать пока не с чем, но кое-какие выводы сделать все же можно: след сухой, значит, она пришла в дом до того, как начался дождь, то есть до половины пятого. Черпаков, заглянув в комнату, видел валявшуюся под стеллажом книги. Еще один штришок: женщина ушла раньше, чем появился Сергей Сергеевич. Таким образом, нетрудно установить, что она находилась в доме между половиной пятого и пятнадцатью минутами шестого, может быть, одновременно с Юрием. Вывод: она в равной мере могла быть как знакомой Юрия, так и знакомой его отца.

Криминалисты зафиксировали множество отпечатков пальцев. Интерес вызывает отпечаток на вилке магнитофона. След того же пальца найден в комнате Юрия, а на спинке кровати есть отпечаток всей руки. По размерам можно предположить, что это была женщина. Сотниченко, например, вполне резонно утверждает: та же самая, что в спешке наступила на раскрытый том Бальзака.

Посетителей как минимум было двое. Роль женщины непонятна. Поведение Черпакова тоже пред-

Продолжение. Начало в № 10.

ставлялось мне подозрительным. Какой-то профессиональный анонимщик: шесть лет назад написал анонимку, вчера анонимно позвонил в милицию. Тем более странно, что Черпаков в своем письме шестилетней давности совсем не изменил почерка. Так утверждали почерковеды — Логвинов вычитал в архивном деле о взятках в институте. Что это? Глупость? Самонадеянность?

Ну, а самая темная фигура — сын профессора Юрий. Его роль в этой истории определить просто невозможно.

Ниточек много, только вот за какую потянуть? Накануне Сергей Сергеевич говорил о том, что незадолго до смерти профессор собирался перенести свою библиотеку в комнату покойной жены и уже нашел место для картин и антикварной мебели. Не исключено, что среди вчерашних посетителей был кто-то и по этому делу. Чем не ниточка?

Отослав Логвинова на главпочтамт, а оттуда в районное почтовое отделение, я поехал в музей изобразительных искусств.

3

Если бы меня спросили, когда последний раз приходилось быть в музее, я бы ответить не смог. К своему стыду, конечно. В чем тут дело — сказать трудно. Наверное, не только в занятости и нехватке времени. Тогда в чем? Разобраться в этом я не успел: хотя музей был еще закрыт для посетителей, меня беспрепятственно пропустили внутрь. «Преимущества нашей профессии», — подумал я и, как оказалось, ошибся. Причина была в другом: фамилию профессора здесь хорошо знали. Сотрудница, впустившая меня, справившись о цели визита,

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

МАЛЫШ ИК НА КАЧЕЛЯХ

Николай ОГАНЕСОВ

ПОВЕСТЬ НА

отнеслась ко мне с подчеркнутой любезностью и без лишних слов проводила к директорскому кабинету.

На директора фамилия профессора возымела то же магическое действие. Он сказал, что очень рад, что много слышал о Вышемирском, что у них ценят его доброе отношение к музею, давно ждут от него вестей («Интересно, каких?») и что лучше всего по этому вопросу переговорить с Маркиным Олегом Станиславовичем — научным сотрудником музея.

Маркин оказался аккуратным, чрезвычайно подвижным, сухоощавым старичком с небольшой подстриженной клиншком бородкой. Я был уверен, что старичков с такой внешностью сейчас можно увидеть только на старинных фото или в кино. Выходит, нет.

Узнав о случившемся, он засуетился, заахал, схватился за сердце, чуть было не расплакался, но тут же отвлёкся и потащил меня смотреть музей. «С таким темпераментом в пору работать в оперетте, а не в музее», — подумал я и, как это часто бывает, когда берешься судить о малознакомом человеке, ошибся. Новость задела его сильнее, чем показались сначала. На полпути к просмотровому залу Маркин неожиданно замешкался, остановился и рухнул на стул.

— Умер, Иван Матвеевич умер! — прошептал он и не меньше пяти минут неподвижно сидел, закрыв глаза и не обращая внимания на хлопотавших вокруг него сотрудников музея. Усмотрев во мне виновника происшествия, они кидали в мою сторону хмурые, неодобрительные взгляды, что привело меня в известное смущение.

Еще через четверть часа, проявив свою чудесную способность легко переходить из одного состояния в другое, Маркин уже вел меня по улице, оживленно рассказывая о Вышемирских. Иногда он забегал вперед на полшага и для убедительности хватал меня за руку.

— Что это был за человек! Знали бы вы, что был за человек. И жена его, покойница, скажу я вам, женщина была! Сейчас таких на пальцах одной руки перечесть. Да что на пальцах. Нет таких!

Я не перебивал Маркина, хотя не совсем понимал, зачем он рассказывает о жене, когда его спрашивают о муже.

— Я с детства ее знал, еще до знакомства с Иван Матвеевичем. Да-да. До знакомства. Какая она была девушка! Мы на одной улице жили. По соседству. Бывало, гуляем с ней вечером — прохожие оглядываются. Не верите? Честное слово! Неопишуемой красоты девушка была. Елизавета Максимовна Сомова — это ее девичья фамилия. А в те времена ее называли просто Лиза... Я ведь, грешным делом, ухаживал за ней. Теперь в этом можно признаться. Да что ухаживал, я, знаете ли, любил ее. Чистой юношеской любовью. Сейчас так не любят!

Мы шли по узкому, покрытому брусчаткой переулку. Сколько видел глаз, он был застроен старыми, преимущественно двух- и трехэтажными домами. Темные крыши со шпильями, летные окна, глубокие подъезды, на истертых ступеньках которых грелись кошки всех мастей и расцветок, — все это как-то неумовимо перекликалось с тем временем, о котором рассказывал Маркин.

— Лиза училась в художественном училище, и я каждый вечер встречал ее после занятий. Распахивалась тяжелая дверь, она выходила, и в мире всякий раз случалось маленькое чудо — он становился прекрасней. Мы шли по пустым темным улицам. Я нес ее этюдник и чувствовал себя самым счастливым человеком в городе. У дома мы прощались. Не поверите, я ведь ее даже под руку не брал, не говоря уж о поцелуях... Господи, сколько лет-то прошло, страшно подумать. Цветы дарил. И какие! Каждый день рождения. И до замужества и после...

Он остановился, цепко схватил меня под локоть и заглянул в лицо, словно хотел убедиться, внимательно ли я его слушаю.

— ...Каждый год! Двадцать пятого сентября приносил ей букет желтых роз. — Он отпустил мою руку, и мы двинулись дальше. — После замужества, правда, я посылал ей цветы домой. Без записки. Без ничего. Просто букет. И она знала, от кого. Иван

Матвеевич тоже знал, от кого цветы. Знал, что от Маркина. Но не возражал. Уважал мое чувство... Вот ведь какие чувства имели место в наше время. Если любовь, то на всю жизнь. Тринадцать лет, как она умерла, а я все ношу цветы. На кладбище. Мы с Иваном Матвеевичем там и встречались. Каждый год. Двадцать пятого сентября. Он приходил в шесть вечера, а я немного позже. Постоим. Помолчим. И разойдемся... И сегодня встретились бы, если б не...

Я боялся, что ему снова станет плохо, но Олег Станиславович только замедлил шаги.

— Да-а-а, — протянул он. — И сегодня должны были встретиться. Перед вашим приходом я как раз собирался сходить на рынок. В обеденный перерыв. За цветами. Сейчас их много, но хорошие найти трудно. Особенно желтые. И чтобы на лепестках капли воды дрожали. — Некоторое время он шел молча, погруженный в свои мысли. — Стройная, милая девочка с грустными глазами. Куда она ушла? Куда уйдем мы все? Умер Иван Матвеевич. — Он запрокинул голову вверх. — Очередь, кажется, за мной. И не хочется, да что поделаешь. Жизнь коротка, а годы идут. Идут годы, Владимир Николаевич. — Маркин глубоко вздохнул. — Вы не знаете, когда похороны?

— Завтра, в четыре.

— Цветы я все-таки куплю. Два букета: Елизавете Максимовне и Ивану Матвеевичу... Простите, на чем я остановился?

— Вы говорили, что после замужества Елизаветы Максимовны не виделись с Вышемирским, — набобум ответил я.

— Почему не виделись? Виделся. Но редко. — Он пошел как-то бочком, одновременно заглядывая мне в лицо. — Зачем? Зачем, спрашивается, мне было ходить к ним? Глаза мозолят? Себя расстраивать? Я ведь так и не женился, Владимир Николаевич. Так холостым и хожу. Один раз родился, один раз любил и один раз умру.

— Ну, зачем же так мрачно, Олег Станиславович?

— А что, вам известен какой-нибудь другой исход человеческой жизни? — Маркин усмехнулся в бородку. — Нет другого... — И, продолжая свою мысль, зачастил: — Я, знаете ли, человек старых правил, Владимир Николаевич. Не поймите меня превратно. На жизнь я не жалуюсь. Но тогда... Сто лет прошло, а помню: как только на нашем с Лизой горизонте появился Иван Матвеевич, я понял — моя карта бита. Треугольник — древнейшая, так сказать, из фигур. Если бы не он, Лиза, пожалуй, со временем вышла бы за меня...

Мы дошли до перекрестка. Узкая, патриархально узкая улочка пересекалась здесь с широким и шумным проспектом.

— Нам направо, Олег Станиславович, — напомнил я. — Там остановка автобуса.

— А что, если еще одну остановку пешком, а? Не против?

Я не возражал. Тем более, что мой спутник, судя по всему, не собирался идти молча, а друг семьи, как показывает практика, не всегда объективный, но зато интересный свидетель.

— Иван Матвеевич, конечно, очень переживал смерть жены. — Маркин снова доверительно взял меня под руку. — Места себе не находил. Не поверите, но длилось это долгие годы. Характер у него всегда был не из легких. Тяжелый характер. Требовательный, своенравный, жесткий. Но в житейских вопросах он оставался ребенком. Лиза имела на него огромное влияние. Фактически главой семьи была она. Все держалось на ней. Насколько я знаю, Ивана Матвеевича, кроме работы, ничто и никто не интересовало. Исключением была только сама Лиза. — Задумчиво потерев бородку, он энергично взмахнул рукой. — Со стороны, знаете ли, может быть, и красиво, как в романах. А присмотришься — проза жизни. Все в доме было устроено так, чтобы Иван Матвеевич мог спокойно работать. Начиная с домашних шлепанцев и кончая рассчитанной до минуты подачей еды. Как она выдерживала такую нагрузку — не представляю... Впрочем, каждый выбирает то, что ему больше нравится. Она не жаловалась никогда. Только изредка у нее становились такие грустные-грустные глаза.

— Елизавета Максимовна любила мужа? — спросил я.

— Безумно! — ответил Маркин, и слово, которое он употребил, не показалось напыщенным. — Она любила этого человека. Бескорыстно. Преданно и нежно, хотя в наше время и не принято так выражаться. С ее любовью к мужу могла сравниться только любовь к сыну. Юрия она прямо-таки боготворила. Пылчке не давала на него сесть. Прощала все, исполняла любой каприз. Она баловала его. А мальчик, надо отметить, рос слабым и часто болел. Впрочем, таких любят еще больше... Откуда, спросите вы, все это мне известно? — Он сбкво вопросительно посмотрел на меня. — В то время, знаете ли, случались перебои с лекарствами, а мой брат работал в аптекоуправлении. Сами понимаете, мои возможности были чуточку выше средних. Елизавета Максимовна несколько раз обращалась ко мне с просьбами. Да-а-а, труденько ей приходилось. Воспитала сына одна, без всякой помощи. Иван Матвеевич и пальцем не пошевелил, чтобы помочь. Впрочем, об этом я, кажется, уже говорил... — В его голосе послышалась нотка раздражения.

«А ведь он до последнего видел в Вышемирском соперника. Вот ведь какие чувства были в то время», — подумал я словами Олега Станиславовича.

— У меня, Владимир Николаевич, тоже когда-то мечта была, — между тем продолжал он. — Собираюсь взять ребенка из детского дома. Воспитать, вырастить. Все не одному веку доживать. Что из этого вышло бы — неизвестно. Судьба сама побеспокоилась, восполнила пробел. От рака легких умер брат, тот самый, что работал в аптекоуправлении, и оставил мне на мое попечение племянницу. Прелестьнейшее существо... Я к чему говорю? Кому-кому, а мне известно, каких трудов стоит поставить ребенка на ноги...

Мы подошли к следующей остановке, втиснулись в подошедший автобус и полчаса спустя благополучно доехали до конечной.

4

За садовой калиткой все оставалось по-прежнему. Только на траве появилось больше красных и желтых листьев. Между двумя яблонями слегка покачивались старые качели с рыжими от ржавчины тросиками.

Поднявшись на веранду, я кинул взгляд на плетенный из соломки столик. Ромашки успели завянуть. Их желтые с белыми лепестками головки безжизненно свисали с тонких голых стеблей.

— Безобразия, во что превратился сад, — бурчал за моей спиной Маркин. — Видела бы покойная Елизавета Максимовна!

В прихожей подвижный, как ртуть, Олег Станиславович первым делом подскочил к стене и, поднявшись на цыпочки, вплотную придвинулся к висевшим на ней гравюрам.

— Они вам нравятся? — спросил я.

Он фыркнул:

— Удивляюсь! Интеллигентная семья, а держат на стене... Это же ширпотреб, грубая имитация под старину.

Затем он подбежал к крайней справа двери и, оглянувшись, спросил:

— Сюда можно?

— Пожалуйста. — Вслед за Маркиным я вошел в кабинет профессора.

— Господи, какой бедлам! Ступить негде, — воскликнул Олег Станиславович.

— Действительно, — согласился я и, в свою очередь, удивился: вчера комната была для меня лишь местом происхождения, сейчас я обратил внимание на то, что у нее нежилой вид: мебель расставлена кое-как, по полу в беспорядке разбросаны стопки книг, подоконник заставлен стаканами с остатками чайной заварки.

Маркин рванулся к окну.

— Здесь сидел Иван Матвеевич, когда я видел его в последний раз. — Он похлопал по спинке качалки. — Недели две назад... Обычно он работал за письменным столом, но на время болезни перешел к окну, в кресло. — Олег Станиславович перевел взгляд на письменный стол. — А где часы? Я не вижу часов! Здесь стояли каминные часы.

— Иван Матвеевич часто болел? — спросил я, не ответив на его вопрос.

Маркин удивленно посмотрел на меня, но переспрашивать не стал.

— После смерти жены — часто. Сердце, знаете ли, бьется ровно до тех пор, пока здесь, — он ткнул пальцем в голову, — не поселится горе. Здоровые мысли — здоровое сердце.

— Когда вы были здесь последний раз, профессор вставал с кресла?

— Все время сидел здесь. — Он снова похлопал по спинке. — А когда я собрался уходить, встал, чтобы проводить. Двигался с трудом. Я уговаривал его не делать этого, но Иван Матвеевич сказал, что хочет показать, как будут расставлены стеллажи в комнате жены. Мы вышли в прихожую.

Я жестом пригласил Маркина проделать тот же путь, что и две недели назад. Мы вышли из кабинета. Олег Станиславович показал на дверь слева:

— Он остановился здесь, у комнаты Елизаветы Максимовны.

Эта комната была еще большей запущенности, чем остальные. На старом диване, стульях, тумбочках лежал толстый слой пыли. Воздух был затхлый, от него першило в горле. В углу под потолком от сквозняка раскачивались лохмотья паутины. Неприглядность обстановки несколько скрашивалась картинами, которыми была покрыта большая часть стен, причем почти от пола и до самого потолка. Каждый простенок, каждый свободный кусок стены был завешан рисунками и полотнами в рамках. Они придавали комнате отдаленное сходство с запасником музея, каким я себе его представлял, или хранилищем предметов старого быта. Здесь был резной буфет и подставка для зонтиков, люстра с хрустальными подвесками и набор слоников на диванной полке, мраморная пастушка и не меньше двух десятков подсвечников разной величины и формы.

Олег Станиславович провел рукой по спинке стула. Под его ладонью засверкала полированная поверхность темно-красного цвета.

— Благородное, старое дерево, — сказал он с каким-то особенно теплым чувством и добавил уже совсем другим тоном: — И он собирался отдать ее соседу. Представляете?

— Самое ценное, если я не ошибаюсь, здесь — картины?

— Совершенно верно. — Маркин вышел на середину комнаты, стал под люстрой и торжественно обратился ко мне:

— Вам, очевидно, будет небезынтересно узнать историю коллекции, которую видите перед собой. — Он воздел палец к потолку. — Ее собрал отец Елизаветы Максимовны, он был известным актером. Всю свою жизнь играл на лучших сценах Петербурга и Москвы и только на старости лет переехал с женой и дочерью сюда, на юг. Этого требовало состояние его здоровья. Сомов был человеком высокой культуры, широких взглядов. Обладал разносторонними интересами. Вращался в кругу поэтов, художников, был вхож к ним. Сегодня это звучит неправдоподобно, но он дружил с Нестеровым, Серовым. Знал Александра Блока, Ермолову, Станиславского. Неоднократно бывал в «Пенатах» у Ильи Ефимовича Репина. Естественно, он интересовался живописью. Иногда он покупал картины, иногда их дарили ему. Так собралась коллекция, в которой есть две акварели Васнецова, несколько этюдов Коровина, Рябушкина, Степанова, малоизвестный набросок Врубеля к его знаменитому «Демону» и целый ряд ценнейших работ неустановленных живописцев. — Маркин, казалось, стал выше ростом. Он потерев бородку, глаза его блестели. — Еще молодым человеком я имел счастье общаться с Максимом Александровичем, отцом Лизы, и узнал от него историю каждого приобретения. После смерти Сомова вся коллекция перешла к его единственной дочери. Лет двадцать назад коллекция была учтена, ее осмотрели специалисты и

пришли к выводу, что вся она состоит из подлинников. С тех пор ваш покорный слуга по поручению руководства музея изредка навещал Вышемирских. Пока была жива Елизавета Максимовна, о приобретении коллекции музею не могло быть и речи — слишком дороги были для нее картины. Она поместила их в свою комнату и тщательно следила за ними. Но после ее смерти Иван Матвеевич забросил коллекцию. — Олег Станиславович решил, что выразился слишком резко, и поправился: — Вернее, перестал ею интересоваться. Он был образованнейшим, культурнейшим человеком, известным ученым, но в живописи, простите, не понимал ничего. Абсолютно ничего. Что называется, был полным профаном. Я уговаривал его, конечно, от имени дирекции музея, продать картины. Он отвечал отказом, говорил, что это память о жене, придет, мол, время и он бесплатно передаст коллекцию государству. Нам не оставалось ничего другого, как ждать. И, представьте, дождался. Недели две назад Иван Матвеевич позвонил ко мне домой и попросил зайти. Я пришел. И что вы думаете? Фантастика! Он сообщил, что ему негде держать книги и что он решил полностью освободить комнату покойной супруги, чтобы устроить в ней библиотеку. Как вам это нравится?

— А что, его можно понять, — рискнул вставить я.

— Ну, знаете! Это несерьезно. Расстаться с коллекцией, которой нет цены, отдать антикварную мебель постороннему человеку. И все из-за того, что некуда складывать книги!

— А кому он собирался отдать мебель? — спросил я.

— Своему соседу — Корякину. — Олег Станиславович нервно прошелся из угла в угол, заложив руки за спину и воинственно задрал голову.

— Подождите меня минутку, — попросил я, прошел в комнату Юрия и вернулся с незаконченной репродукцией в руках.

— Что вы на это скажете, Олег Станиславович?

Маркин сначала недоверчиво взглянул на меня, потом на картину, достал из внутреннего кармана пиджака футляр, вытаскил очки в круглой пластмассовой оправе и, не раздвигая дужек, приставил их к глазам.

— Где вы ее взяли? — Он внимательно осматривал полотно, потом перевел взгляд на подлинник, висевший в комнате. — Это «Охота на лис» кисти Степанова. Между прочим, великолепная работа!

— Вы имеете в виду подлинник или копию?

— Подлинник не нуждается в моей оценке. Я имею в виду как раз копию. Кто писал, если не секрет?

— А вы не догадываетесь?

— Помилуйте, откуда мне знать, Владимир Николаевич?

— Это работа Юрия.

— Что вы говорите? — удивился он. — Не подозревал даже, что юноша так талантлив.

— Ну вот, я хотел расспросить вас, зачем он копировал картину.

Маркин спрятал очки в футляр.

— Мне, знаете ли, не приходилось много общаться с Юрием последние годы. Ребенком я видел его чаще.

— И все-таки, — настоял я. — Вы знаете его с детства. Он что — продавал картины?

— Ну, что я могу сказать? — Олег Станиславович заметно смик. То ли устал, то ли отвечать на вопросы ему нравилось меньше, чем рассказывать самому. — Что я могу сказать? — повторил он. — Юрий — самостоятельный юноша. Вежлив. Корректен. Продавал ли он картины? Не знаю. Едва ли, а впрочем, я слишком мало его знаю. Посещая профессора, я иногда сталкивался с ним, но он, по-моему, и имени моего толком не знает. Здоровался только. И вообще он немногословен, даже замкнут. Есть, знаете ли, такие натуры...

Я знал такие натуры, но я знал и кое-что другое: в телефонной книжке, находящейся в комнате Юрия, записан номер телефона, рядом с которым его рукой записаны имя и отчество Олега Станиславовича. Может быть, недоразумение? Или он звонил Маркину по поручению отца, а старичок забыл об этом? Выяснить я не стал по многим причинам, среди которых немаловажной была и та, что разговор наш был еще не окончен.

— У Юрия были друзья? Знакомые? Он встречался с девушкой?

Маркин замахал на меня руками:

— Постойте, постойте! Владимир Николаевич, помилуйте, ну, откуда мне знать!

Я понял, что продолжать разговор о Юрии бессмысленно, и вернулся к прежней теме:

— Так чем же закончилась ваша беседа с профессором?

— А на чем я остановился? — справился Маркин.

— Вы сказали, что считаете варварством отдавать мебель соседу, — напомнил я.

— Ну, меня-то это меньше всего касалось. Он хотел передать коллекцию в дар музею, я был рад

такому обороту дела. И только. Мы обговорили детали. Я пообещал, что в кратчайший срок соберу комиссию, мы еще раз осматриваем картины, составим каталог, напишем акт и освободим ему комнату... — Маркин помялся и, решившись, обратился ко мне: — Владимир Николаевич, насколько я разбираюсь в законах, теперь, после смерти Ивана Матвеевича, все имущество, в том числе и коллекция, переходит к его сыну, не так ли? Следовательно, наше согласие с профессором аннулируется? Может быть, мне оповестить членов комиссии и отменить осмотр. Как вы считаете?

— Думаю, что отменять не следует, — ответил я.

— А как же Юрий? Ведь он прямой и единственный наследник. Других родственников у Ивана Матвеевича нет. — Он энергично замолчал головой. — Это пахивает самоуправством. Нет-нет, как хотите, а я так не могу...

— Вы меня неправильно поняли. Я уверен, что против осмотра коллекции Юрий возражать не будет. Что касается передачи ценностей музею, вы обговорите это с ним лично.

— Когда?

— Несколько позже. Сейчас Юрия в городе нет.

— Как нет? — удивился Маркин.

— Вас это удивляет? Меня тоже. — Я пригласил его к выходу. — Олег Станиславович, мы насчитали в этой комнате четырнадцать картин, девять акварелей и семь рисунков. Это количество сходится с вашими данными?

— Сходится, — ответил он. — Все они на месте.

— Понятно. А на какое время вы намечали работу комиссии?

— На ближайшую субботу.

— Прекрасно, значит, встретимся через три дня.

5

Я не торопил Корякина. Еще в первую нашу встречу он показался мне тугодумом. «Есть такие натуры», — так, кажется, выразился Маркин, которого десять минут назад я проводил до автобусной остановки. Говорил он о Юрии Вышемирском, а я сидел в доме нашего вчерашнего соседа, того самого соседа, которому профессор собирался подарить мебель.

По тому, как Корякин морщил лоб, хмурил кустистые брови, как рассматривал свои мозолистые, с заусеницами около ногтей пальцы, было видно, что он собирается с мыслями, чтобы как можно обстоятельнее ответить на мои вопросы.

В сарае, где мы сидели, было сухо. Приятно пахло стружкой, лаком, свежеструганными досками. Тускло блеснул старинный инструмент, оставленный на старом, местами потрескавшемся верстаке. Здесь же сохла боковая стенка шкафа.

— Это ему, кхм-кхм, Матвеечу, мастерил, — кашлянув, сообщил Корякин. Ему трудно было начинать с общих рассуждений о своих отношениях с соседом, и он ухватился за возможность поговорить о чем-то более конкретном. — Он мне стеллажи заказал. Четыре штуки. Высотой три десятка, вприпрыжку к потолку, значит. На двенадцать полок каждый, и чтоб книги под обрез входили, влезло, значит, побольше. Снаружи просил темный лак пустить, а внутри посветлее. Я уж и сосну подходящую нашел и боковушки, вишь, выстрогал... — Корякин снова прокашлялся.

Между указательным и средним пальцами он держал тлеющий бычок сигареты. Огонек светился у самых ногтей, и я удивился, как это он не чувствует боли.

— У него же вся комната в стеллажах, зачем же еще? — спросил я.

— Видно, не хватало. Книг-то много.

— Василий Яковлевич, верхние полки в кабинете Ивана Матвеевича на высоте больше трех метров. Как он до них добирался, не знаете? У него не было специальной стремянки?

Корякин думал так долго, что я заподозрил, уж не перебирает ли он в уме всю мебель, какая есть в доме соседа.

— Нет, стремянки не было, — наконец сказал он. — На табуретку он вставал.

«Или на стул», — дополнил я про себя.

— Это правда, что Иван Матвеевич хотел отдать вам мебель, ту, из комнаты Елизаветы Максимовны?

— Было такое дело. А что? — Корякин бросил бычок и придавил его ботинком. — Хочу, говорит, освободить комнату, сделаем там библиотеку по всем правилам искусства. А мебель, говорит, тебе подарю.

— Вы согласились?

— Да мне она вроде ни к чему. Сам, вишь, мебель делаю. Но не спорить же с большим человеком. — Скажите, Василий Яковлевич, а вы Елизавету Максимовну хорошо знали?

На каждый вопрос Корякин реагировал одинаково: подавался вперед, будто боялся не расслышать, потом опускал голову, думал и только после этого отвечал.

— Как не знать — знал. Кхм-кхм. Лет двадцать будет, как соседствуем. Я всю семью их знаю. Правда, забор между нашими домами высокий, да разве в заборе дело?

Я настроился слушать, но и Василий Яковлевич, как видно, тоже. Мы посидели, помолчали. Наконец он глубоко вздохнул и, потеряв надежду, что говорить буду я, начал говорить сам:

— Я, как и Иван Матвеевич, вдовец. Только моя на год позже умерла. От рака. — Он прокашлялся. — Так вот, когда наши жены живы были, мы подружной были, по праздникам приглашали друг дружку в гости. Она, Елизавета Максимовна, приветливая была, гостеприимная. Матвеев, тот, наоборот, всегда строгий, занятой. Целыми днями на работе пропадавал, а домой придет — в книжках копается до ночи. Юрка, тот все больше при матери находился. Мамкин сын, значит. Все, помню, на качелях качался. Я ему их в саду приспособил. Может, видели? А как попросил, мать его на музыку отдала, скрипке учиться. Только не очень он, видно, ту скрипку уважал. Как матери не стало — забросил. Отец заставлял, заставлял и махнул рукой. Живи, сказал, как знаешь. А парню-то всего, тринадцать годков было. Так, вишь, и жили. — Корякин прокашлялся. — Сейчас видимся не часто. Когда я зайду, а если по хозяйству что надо, починить там или сделать, — они ко мне. Юрка подрамники для своих картин заказывает... Да что далеко ходить, вот стеллажи Иван Матвеевич попросил, а с месяц назад я им дверной замок врезал.

— В какую дверь?

— В комнату Елизаветы Максимовны, то есть в бывшую ее комнату.

— Они с сыном вдвоем жили, зачем же замок? — поинтересовался я.

— У Ивана Матвеевича, вишь, сердце большое было, последнюю неделю еле с кресла вставал. Чтоб ему лишней раз не подниматься, дверь в дом не заперали. А замок? Замок на всякий случай — мало ли что. Он же в той комнате думал книги хранить, а дорожке книг у него, надо понимать, ничего не было.

— А Юрий?

— Что Юрий? Юркино дело молодое. Днем на работе, вечером дела всякие. Вот Иван Матвеевич, тот целыми днями у себя в комнате работал.

— Писал?

— Нет, диктовал. На магнитофон. — Корякин поднял с пола раздавленный окурок и положил его в жестяную банку. — Плохо, когда тебя некому по имени назвать, — неожиданно сказал он. Я не совсем понял, к кому относятся эти слова, но Корякин разъяснил: — В нашем возрасте, бывает, вот как хочется, чтоб тебя кто-то по имени звал. Меня вот после смерти жены Васей никто не кличет. И у Ивана Матвеевича тоже... Одиночество такая штука — никто не поможет. Ни дети, ни сосед. — Корякин кашлянул в кулак и густо покраснел. — Такие вот дела... — Он прикурил новую сигарету, снял с губ крошку табака и скупо улыбнулся: — Чего-то я разжаловался... Вы не обращайтесь внимания... — Он свел на переносице густые брови. — Про что это вы в самом начале спрашивали, запомнил я что-то?

— Когда вы видели Юрия в последний раз?

— Вчера и видел. В понедельник, значит. Он с утра зашел передать, что отец просит зайти.

— И все?

— Ну да, сказал и пошел себе.

— Домой?

— Нет. Я сразу за ним пошел к Матвеечу, а Юрки дома не было. Значит, на работу он ушел.

— Василий Яковлевич, постарайтесь вспомнить последнюю вашу встречу поподробней, — попросил я. — Для нас это очень важно.

Корякин молчал дольше обычного, зато потом рассказал так подробно и обстоятельно, что представил я себе и то раннее сентябрьское утро, наполненное птичьим гомоном, и самого Вышемирского, сидящего в кресле-качалке, и неподвижную листву за окном его кабинета.

6

— Входи, Василий Яковлевич, — сказал он. — Входи. И здравствуй.

— Здравствуй, Иван Матвеев, — ответил Корякин. — Юрка твой, вишь, прибежал, сказал, что я по делу нужен.

— Присаживайся. — Заложив между страницами красную тетрадь, Вышемирский закрыл книгу и откинулся на спинку кресла. — Успеем о делах.

— Успеем так успеем. — Корякин присел и любовно провел рукой по резным завитушкам, которыми была украшена крышка стола. — Сам знаешь, Матвеев, мое дело пенсионное — спешить некуда. Это ты у нас... кхм, кхм... — Корякин не договорил, вспомнив свое решение быть с больным помятче. — Что у тебя за стол, Иван Матвеев, чудо-стол! Знаешь ты, что ему самое малое сто лет? Это я тебе как столяр-краснодеревщик говорю.

— Неужели? — с иронией спросил Вышемир-

ский. — Ты мне лучше скажи, как живешь, как себя чувствуешь?

— Чего это ты заинтересовался моим здоровьем? То слова от тебя годами не услышишь, а то, вишь, вспомнил. Я-то живу ничего себе, а вот ты, вишь, совсем расклеился. — Корякин укоризненно покачал головой. — Эх, Иван Матвеев, Иван Матвеев! Говорил я тебе, еще Лиза жива была, бросай свою сидячую работу, физическим трудом займись, дыши свежим воздухом, а не пылью у себя в институте. Доконает он тебя. Вот и доконал. Я на шесть годков старше, а тебе, вишь, сто очков вперед дам. Ну, посмотри: что с тобой случилось. Серый весь, мешки под глазами, худющий, как кощей...

— Неужели так скверно?

Корякин сообразил, что перегнул палку. Профессор выпрямил сутулые плечи и нарочито бодрым голосом повторил:

— Ну, Василий Яковлевич, неужто совсем плохо?

— А ты что ж думал, что молодеем мы с тобой день ото дня? — дипломатично ответил Корякин.

— Да, уж юношами нас не назовешь — это верно, — согласился Вышемирский.

— То-то.

— А вот одна моя знакомая говорит, что начинать жизнь никогда не поздно. И знаешь, Василий Яковлевич, она не производит впечатления глупой женщины. Скорее, наоборот, умница, молодая, красивая.

— Ты чего это, Матвеев? — удивился Корякин. — Уж не жениться ли собрался?

Получилось так, что в его вопросе прозвучало не столько удивление, сколько жалость к больному человеку, и это заставило замолчать обоих.

Тишину заполнили шорох листьев и доносившиеся откуда-то с улицы звуки фортепьяно. Казалось, они становились все громче и громче.

Сначала Вышемирский, а за ним Корякин повернули головы к фотографии в темной деревянной рамке, висевшей над письменным столом. На ней был весенний яблонецкий сад, женщина и ребенок в матросском костюмчике. Мальчик снят на качелях в тот момент, когда, достигнув наивысшей точки, он начал падать вниз. Женщина стояла чуть сбоку и, опершись о ствол дерева и застенчиво улыбаясь, смотрела в объектив.

Корякин перевел взгляд на соседа. Полуприкрытые глаза профессора влажно блестя, нос и подбородок еще больше заострились, а руки, лежавшие на подлокотниках, едва заметно дрожали. Василий Яковлевич снова посмотрел на фотографию, и ему вдруг показалось, что женщина на снимке чуть-чуть прищурила глаза.

— Жалко, негатив потерял, сделал один снимок и потерял.

— Как мы были молоды... Ты помнишь? — Вышемирский спрашивал, но не ждал ответа.

— Сколько лет, а фотография не пожелтела даже, — сказал Корякин, думая о своем.

— Той весной мы были особенно счастливы... Как будто пришло второе дыхание...

— Юрка вывел немного смазанно, — посоветовал Корякин. — Известное дело — качели.

— Я любил, когда она надевала это платье, синее в мелкий цветочек...

— До сих пор помню, фотоаппарат назывался «Хохляндер». Смешно!

Корякин улыбнулся своим мыслям. Глядя на него, улыбнулся и Вышемирский.

— Редко мы с тобой видимся, Василий Яковлевич, — сказал он.

— Наверное, далеко живем, — откликнулся сосед.

— Когда ты здесь, я почему-то начинаю верить, что проживу еще достаточно долго.

— Будет тебе, — смутился Корякин.

Музыка за окном стихла. Где-то прикрутили репродуктор.

— Ну, теперь можно и о делах. Сейчас я встану. — Вышемирский поднялся с кресла, медленно выпрямился и, шумно выдыхая воздух, сделал несколько шагов к середине комнаты. Здесь он остановился, но его качнуло в сторону. Руки вытянулись в поисках опоры. Корякин поддержал его, и профессор, опершись на его плечо, вернулся к окну.

— Да, в женихи я не гожусь. — Он поморщился, и Корякин снова увидел, как дрожат его руки на подлокотниках кресла. — Устал я... Ты вот что, Василий Яковлевич, возьми-ка стул, не посчитай за труд. Поставь его поближе... А теперь будь добр, достань с верхней полки сто рублей... Деньги лежат справа, в коробке.

Корякин достал деньги и опустил на пол. — Это тебе. На стеллажи, — сказал профессор. — И не возражай, мне врачи запретили нервничать.

— Я и не возражаю.

— Вот и хорошо, — устало сказал Вышемирский. Он закрыл глаза и как сквозь сон пробормотал: — Если не хватит, скажешь...

Продолжение следует.

НЕЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Начало на 22-й стр.

несколько шагов, остановилась и уперлась взглядом в информационное табло. Против моей фамилии медленно, словно поддразнивая, зажигались цифры. Секунды неправдоподобные. Мировой рекорд. Я решила, что произошла ошибка, может быть, нам старт не с той линии дали... Точно так и подумала. На трибунах шум — ничего не разобрать. Чуть-чуть отдышавшись, я побрела в раздевалку. Вокруг гам и суета, все размахивают руками, поздравляют друг друга или утешают. Тут мне совсем не по себе стало: что ж это, думаю я, никто ко мне и не подойдет? Всюду полно тренеров, представителей команд, только я одна как перст... И тут, наконец, вижу, бежит ко мне наш Иссурий Александр Иосифович, заместитель председателя ленинградского спорткомитета: «Ой, Таня! Я тебя поздравляю!» И слезы на глазах. А следом ворвался Николай Егорович. Он на трибуне сидел, далеко от финиша, да еще пропуск раз десять пришлось предьявлять. Вот тут только и стало доходить до меня, что выиграла золотую медаль Олимпийских игр с мировым рекордом.

А на 1500 метров было не то чтобы проще, нет, конечно, но как-то понятнее. Я ведь еще перед Играми установила мировой рекорд на этой дистанции. Финальный забег в Монреале начинался жутко медленно, была «задержка дыхания», это напоминало «сюрплас», как у велосипедистов на треке, когда они застывают на месте и ждут, чтобы соперник первым ринулся вперед. Бежать было тесно, неудобно, руками на соперниц наткалась. Когда от этой «тактической игры» уже терпение стало лопаться, прибавила скорость Людмила Брагина. Для нее это был единственный шанс удержаться в группе лидеров, поскольку она не очень хорошо проходит завершающий отрезок. Метров за 300 до конца резко оторвались Хоффмайстер и Клапецински из ГДР. Тут и настало мое время. На финишной прямой я проигрывала им метра три, но наклонилась чуть больше вперед, участвовала движения руками и насколько смогла, изо всех, из последних сил взвинтила темп. Есть! Победа...

КРУГ ЧЕТВЕРТЫЙ...

Те, кто далек от спорта, обычно очень туманно представляют себе повседневную жизнь спортсменов. Кому-то кажется, что это сплошной праздник, «майский день, именины сердца». А кто-то считает, что это однообразнейшие будни бесконечной беготни по стадиону. Истина же, как я думаю, даже не посередине, а как бы в стороне от расхожих представлений.

Дни, месяцы и годы расписаны у нас по-особому. Медалями и рекордами отчитываемся мы о проделанной работе. Работа эта трудная, но чрезвычайно интересная, а в спорте высших достижений, несомненно, творческая. И, как всякое творчество, занятие это настолько поглощает нас, что на все прочее времени почти не остается. Учиться нелегко, слухи о поблажках для чемпионов, по моему опыту, сильно преувеличены. Беззаботный отдых почти недоступен — перестанешь тренироваться хотя бы на месяц, будешь втрое больше мучиться, набирая спортивную форму. Семейные радости редки: все время в поездках, на сборах или соревнованиях. И, однако, самым энергичным и органи-

зованным из спортсменов удается сочетать в своей судьбе все, что нужно человеку для полноценной жизни. Я могла бы привести в пример своих кумиров — Ирину Роднину, Валерия Попенченко, Виктора Санеева и многих других, кто достигал вершин и вне спорта, служил образцом для подражания и в семье, был человеком разносторонне образованным и ярким. Но правильнее все-таки говорить о своих собственных устремлениях.

Дело в том, что на этом новом, незавершенном этапе (да он, я надеюсь, не завершится еще долго, хотя промежуточным финишем и станет Олимпиада в Москве) я поставила перед собой новую задачу. Сражаться за победу, бежать быстрее других, но этим не ограничиться. Я хочу растить свою дочку Машеньку, готовить кандидатскую диссертацию, в которой экономика сопрягается со спортом, заниматься общественной работой и не оставлять при этом бега.

Это возможно. Меня убеждает в этом, как ни парадоксально, именно спорт. Сузив на какое-то время круг моих увлечений, он одновременно необычайно раздвинул круг моих впечатлений, наблюдений, знаний о жизни. Разве могла я, девочка из Петровска, даже мечтать о том, чтобы познакомиться, скажем, с руководителем Французской компартии Жоржем Марше на традиционном празднике газеты «Юманите»! Или, например, я и думать не смела о том, чтобы быть избранной делегатом XVIII съезда ВЛКСМ, с трибуны которого прозвучали слова отеческого напутствия советской молодежи, произнесенные Генеральным секретарем ЦК нашей партии Леонидом Ильичом Брежневым.

В итоге могу сказать совершенно определенно: спорт не только не лишил меня чего-либо важного и интересного, но, напротив, обогатил мою судьбу. Да, спорт — модель жизни, это верно. Только все процессы здесь протекают интенсивнее, очевиднее, быстрее. И ускорителями их служат любые состязания, а Олимпиады в особенности. Сейчас я напряженно готовлюсь к стартам в Лужниках, причем нагрузку избрала даже побольше, чем перед Монреалем. Обдумываем с Николаем Егоровичем возможные тактические схемы, изучаем творческие почерки основных соперниц.

Их немало. Тут и наши бегуны Романова, Ильиных, Двирна, Ульмасова, юная Гуськова, и болгарки Штерева и Петрова, и Вартенберг из ГДР вместе с ее молодыми соотечественницами, румынка Марашеску, итальянка Дорио... А еще вполне возможно появление некоей мисс Икс, которая спутает все планы.

Как сложится на Играх борьба на дистанции 1500 метров? Никому это неведомо. В том, вероятно, и состоит притягательность спорта, что он непредсказуем. Большой знак вопроса ставится в конце каждой нашей беседы с тренером об Олимпиаде-80. Но и он, по-моему, надеется: в августе мы поставим в разговоре на эту тему другой знак — восклицательный!

Или хотя бы многоточие... Но не точку. Потому что жизнь не кончается. Впереди еще много кругов. И если, как учит спорт, как учит жизнь, честно отдать все силы любимому бегу, любимому делу — на финише будешь не последним. В это я верю твердо.

Записал Леонид ЛЕОНИДОВ.

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА В АХМАДЬ

Под редакцией
заслуженного тренера
РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

(Сокращение.
Начало в номерах
1—7 и 9—10 журнала.)

Дорогие читатели! Итак, финиширует наше традиционное заочное шахматное соревнование. В заключительном туре участникам предлагаются семь заданий. Ответ на каждое из них пришлите нам, пожалуйста, на отдельной открытке. В решениях пользуйтесь только сокращенной шахматной нотацией. Не забудьте четко прописать наименование тура и свой олимпийский номер.

Письма на десятый тур отправляются в адрес редакции не позднее 20 июля 1980 года (согласно почтовому штемпелю вашего отделения связи).

ДЕСЯТЫЙ ТУР

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

I

Ход белых. Дайте свою оценку сложившейся острой позиции (2 балла).

II

Ход черных. Как, по вашему мнению, должен закончиться этот эндшпиль при наилучших действиях обеих сторон? (3 балла).

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

III

Белые начинают и делают ничью (2 балла).

IV

Кооперативный мат в четыре хода (4 балла).

ЭТОД — ВСЕГДА КРАСИВО!

Белые начинают и дают мат в четыре хода (2 балла).

VI

Ход черных. Каковы шансы соперников в сложившейся ситуации? (3 балла).

НАША ВИКТОРИНА

VII

1. e4 e5 2. f4 ef 3. Kf3 g5 4. h4 g4. Что это за дебют и как называется продолжения, связанные с ходами 5. Ke5 и 5. Kg5? (1 балл).

ПОЗДРАВЛЯЕМ, ВИКТОР!

«Смена» регулярно рассказывает читателям о молодых перспективных советских шахматистах. Не раз мы приводили примеры творчества мичанина Виктора Куррейчика, любителя острой, динамичной игры. В позапрошлом году на международном турнире в Кирово-Ваване ему удалось выполнить норматив первого гроссмейстерского балла. Недавно на международном турнире в столице Исландии Рейкьявике талантливый белорусский спортсмен одержал убедительную победу и завоевал второй гроссмейстерский балл.

К такому положению после 23-го хода белых пришел поединок В. Куррейчика (у него были черные фигуры) с сильнейшим английским гроссмейстером Энтони Майлсом. Энергичными действиями черные захватывают инициативу и, несмотря на относительную малочисленность материала, создают неотразимые угрозы.

23. ... e6—e5! 24. Ka4—c5 e5—e4!

В этом маневре «соль» замысла черных. Их пешка оказывается неуязвимой из-за коварной связки белого коня на центральной вертикали — 25. Ke4 Le8 26. f3 f5. 25. Kc5:b7 Lb8:b7 26. Cf1:a6 Lb7—a7 27. Sa6—b5 Kc6—e7 28. a3—a4 d4—d3 29. Lh3—e3 f7—f5 30. f2—f3 Ld8—d4 31. f3:e4 f5:e4 32. Kpe1—d2 La7—c7!

Вторжение черной ладьи в неприятельский тыл быстро решает судьбу встречи.

33. Ld1—a1 Ke7—d5 34. La1—a2 Lc7—c2-! 35. La2:c2 d3:c2+, и через несколько ходов белые сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.04.80. Подписано к печати 30.04.80. А 06584. Формат 70 × 108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1160000 экз. Изд. № 1271. Заказ № 2340. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва. А-137, улица «Правды», 24.

ИТОГИ ПЕРВОГО ТУРА

На объявленный в первом и втором номерах «Смены» первый тур конкурса эрудитов, составленный самими читателями, поступило 12 тысяч ответов. При решении конкурсного задания читатели проявили обширные знания. Большинство участников прислали правильные ответы, к тому же многие ответили на все двадцать заданных вопросов.

В результате тщательного рассмотрения жюри определило следующих десять победителей: **В. и С. Сычевы**, Асбест Свердловской обл.; **Г. Балашова**, Москва; **В. Прокопчук**, Мозырь, Белорусская ССР; **Е. и Л. Проворовы**, Ленинград; **А. Петров**, Чебоксары; **Т. Колесова**, Южно-Сахалинск; **Р. Мороз**, Черновцы, Украинская ССР; **Л. Сазонова**, Сланцы Ленинградской обл.; **А. Нестерович**, Новокузнецк; **Д. Мионов**, Ленинград.

Победителям будет вручен приз — олимпийский подарочный альбом «От Афин до Москвы».

Кроме того, почетного диплома «Смены» за наиболее полные ответы удостоены: **В. Фокин**, Рязанской обл.; **Ищенко А.**, Усинск, Коми АССР; **И. Гвардина**, Иваново; **О. Шабалина**, Междуреченск Кемеровской обл.; **Э. Фирилина**, Молодечно Минской обл.; **В. Огуенко**, Тула; **В. Овсянникова**, с. Верхний Мамон Воронежской обл.; **А. Илус**, Нарва, Эстонская ССР; **М. Юсимов**, Орск Оренбургской обл.; **М. Шеланкова**, Бийск Алтайского края; **В. Гордеева**, пос. Гаджиево Мурманской обл.; **С. Ишин**, Рассказово Тамбовской обл.; **А. Воробьев**, Краматорск Донецкой обл.; **Т. Виссонова**, Нелидово Калининской обл.; **З. Матренина**, Иваново; **Н. Некрасова**, село Кулича Удмуртской АССР; **В. Бажмин**, Вельегонск Калининской обл.; **О. Попова**, Тюмень;

К. Егорова, пос. Великодворье, Владимирской обл.; **В. Федеев**, Ярославль.

Редакция благодарит всех, принявших участие в нашем конкурсе эрудитов.

Ответы на I тур конкурса эрудитов:

1. Самый крупный цветок — раффлезия Арнольди. Растет в лесах Индонезии. Цветок достигает одного метра в диаметре и пяти килограммов веса.
2. Самый первый орден — Андрея Первозванного — учрежден Петром I в 1698 году, а военный орден — Св. Георгия — в 1769 году. Полными кавалерами его были М. И. Кутузов, М. Б. Барклай де Толли, И. И. Дибич, И. Ф. Паскевич.

3. По преданию, Дмитрий Донской накануне Куликовской битвы, в ночь на 8 сентября 1380 года, «повелел мосты мостить на Дону» и, переправив свои войска, сжег за собой мосты, чтобы отрезать путь к отступлению. «Сжечь за собой мосты» — такое выражение употребляется в тех случаях, когда не желают отступать от принятого решения.

4. Над проектами памятников, воздвигнутых в честь победы на Куликовом поле, работали архитекторы А. И. Брюллов, брат известного художника, и архитектор А. В. Шусев. А. И. Брюллов — автор Михайловского театра в Петербурге, Пулковской астрономической обсерватории, здания Штаба гвардейского корпуса на Дворцовой площади, а также автор проекта восстановленного после пожара Мраморного зала в Зимнем Дворце. А. В. Шусев — автор Мавзолея В. И. Ленина, а также гостиницы «Москва», станции метро «Комсомольская-кольцевая» в Москве, Театра оперы и балета имени А. Навои в Ташкенте и ряда других зданий.

5. Велосипеду 179 лет. Первый двухколесный велосипед с педалями был изобретен крепостным мастером Е. М. Артамоновым в 1801 году.

6. На месте современного Парижа находилось поселение паризиев, именовавшееся Лютетией, в честь которого и назван химический элемент лютетий французским ученым Ж. Урбеном.

7. В городе Фесе, в Марокко, в 859 году создан первый в Африке университет, который действует и в настоящее время.

8. Первый звуковой советский фильм «Путевка в жизнь», 1931 год. Первый цветной советский фильм художественный «Соловей-соловушка» («Груня Корнакова»), 1936 год. Стереоскопический — «Кон-

церт», 1941 год. Широкоэкранный — «Илья Муромец», 1956 год. Широкоформатный — «Повесть пламенных лет», 1961 год.

9. «Царь-пушка» отлита как боевое орудие, хотя из него не стреляли. Была отлита русским пушечным и колокольным мастером Андреем Чоховым в 1586 году.

10. В 1911—1913 годах совершил кругосветное путешествие на велосипеде А. П. Панкратов, за что был удостоен высшей награды Международного союза велосипедистов — Бриллиантовой звезды.

11. Семена некоторых растений, находящиеся в почве на значительной глубине, могут не прорасти в течение нескольких тысячелетий, сохраняя при этом всхожесть.

12. Рыбы в стае ощущают биоэлектрическое поле своих соседей, поэтому беспокойство даже одной из них одновременно вызывает подобную реакцию у всей стаи и заставляет действовать их, как связанных.

13. Автор слов «Песни о Встречном» поэт Борис Корнилов.

14. Голуби выкармливают птенцов «голубиным молоком», получаемым из своего зоба.

15. Некоторые морские черви имеют кровь зеленого цвета благодаря хлорокруарину (вместо гемоглобина), в состав которого входит закисное железо. Спруты, скорпионы, пауки — обладатели голубой крови. У них вместо гемоглобина — гемоцианин, содержащий медь.

16. Выражение «Тащить и не пущать» означает тупое самоуправство. Оно заимствовано из рассказа Г. И. Успенского «Будка» (1868 г.). Рассказ является сатирой на действия царского правительства и полиции.

17. Балхаш — полупресноводное озеро. Впадающая с запада река Или оттесняет более легкие соленые воды в восточную часть озера.

18. В кинофильме «Молодая гвардия», вышедшем в 1948 году, дебютировали в ролях: Владимира Осмухина — Вячеслав Тихонов, Ульяны Громовой — Нонна Мордюкова, Любы Шевцовой — Инна Макарова.

19. Термин «Робот» как название механического человека был впервые введен К. Чапеком в пьесе «Рур».

20. Красное море — одно из самых соленых и теплых.

ВОПРОСЫ ВТОРОГО ТУРА

Из писем, присланных читателями на II тур Конкурса эрудитов, члены жюри отобрали двадцать вопросов. Постарайтесь ответить на них. Срок отправки писем — до 1 августа (на конверте сделайте пометку — «Конкурс эрудитов»). При ответе ссылайтесь на номера вопросов (текста их можно не повторять), строго соблюдая их последовательность.

1. Одно и то же название имеют два известных произведения русской литературы и живописи. Какие это произведения, кто их авторы?
Сотрудники библиотеки сельскохозяйственного техникума, Константиновск Ростовской области

2. В поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри» есть известные всем строки:

Ты слушать исповедь мою
сюда пришел, — благодарю.

В каких еще произведениях М. Ю. Лермонтова встречается эта же фраза?
М. СИЛКИН, Тобольск

3. Кто из русских овощеводов-селекционеров XIX века был членом Парижской академии сельского хозяйства; этот ученый-самоучка вывел более ста сортов картофеля; был участником международных выставок в Вене, Филадельфии, Брюсселе, Кельне, Париже, Петербурге?
Е. ЮГАЙ, Павлодар

4. Кто из русских ученых и когда сконструировал действующую модель вертолета?
К. ПЕССЛЕР, Псков

5. Кто первым из советских военачальников был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды?
Н. СМЕРНОВА, Богучаны Красноярского края

6. Все хвойные деревья содержат смолистые вещества; среди них есть единственное, которое составляет исключение. Как оно называется?
Н. ПОГОСЯН, Сочи

7. Какие физические свойства в земных естественных условиях присущи только воде?
Г. БАЛАШОВА, Москва

8. Как имя Фауста, героя одноименной трагедии Гете?
П. ТРЕВОГИН, Ленинград

9. Когда впервые в русской художественной литературе появилось слово «спутник» в значении искусственный спутник Земли?
Н. РОМАНЬКО, Саки Крымской обл.

10. Какая фраза и кому принадлежащая легла в основу выражения:

«Промедление — смерти подобно», употребленного В. И. Лениным накануне свержения Временного правительства?
И. ЖУЛАЕВ, Запорожье

11. Кто является основоположником учения о витаминах?
В. КАПИЛУС, Балаково Саратовской обл.

12. Какое животное самое длинное?
В. ФОКИН, Рязанской обл.

13. Кто первым из русских ученых стал лауреатом Нобелевской премии?
Л. РУДЕНКО, Желтые воды Днепропетровской обл.

14. Кем и когда впервые была выточена и расписана русская матрешка, из скольких фигур она состояла?
Н. ПЕРМЯШКИН, Алексеевка Целиноградской обл.

15. Когда установлено звание народного артиста Союза ССР и кто был первым удостоен этого звания?
А. ДАНИЛОВ, Белая Калитва Ростовской обл.

16. Когда поступила в обращение первая советская почтовая марка? Что было изображено на ней?
В. ШЕЙКО, п. Шерегеш Кемеровской обл.

17. Когда в России начал издаваться первый журнал, как он назывался?
Л. ЖАРОВ, Гусиноозерск, Бурятская АССР

18. У кого из пресмыкающихся три глаза и где это животное обитает?
Н. МОРОЗОВ, Приморск Запорожской обл.

19. Назовите государство в западном полушарии, на территории которого расположены два озера, из которых одно носит название этого государства, а другое — его столицы.
А. ИВАНОВ, с. Жариково Амурской обл.

20. Какой самый распространенный металл в природе?
Г. ГАНИНА, Ржев

Дорогие читатели! Вместе с ответами на эти вопросы вы можете прислать новые — на III тур Конкурса эрудитов. Сноски на справочную литературу обязательны.

ЗЕМЛЕЙ РОЖДЕННЫЕ МОТИВЫ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
СЕЛО.

ГОЛУБАЯ КОРОВА.

ПЕЙЗАЖ В ГОРАХ.

САЖЕНЕЦ.

ЛОВЯТ БЫКА.

Алловсат Алиев не принадлежит к числу живописцев, картины которых берут в плен с первого взгляда — они менее всего рассчитаны на эффект. Чтобы понять их подлинную красоту, «услышать» за внешней простотой скрытое многоголосие, необходима творческая активность восприятия. Трудность же в том, что молодой азербайджанский художник говорит со зрителем языком живописи, и только живописи, «литературный ключ» здесь бесполезен.

...Сквозь выжженную солнцем землю пробивается молодой росток — саженец. Возле него две фигуры — старика и мальчика. Старик сидит на земле, как сидит человек, под конец жизни постигший ее великую суть. В позе мальчика — непосредственная грация детства. Что это? Извечная мудрость, философия жизни: два поколения, связанные между собой пробивающимся из земли ростком новой жизни, жизни, взлелеянной непрерывным трудом человека? Да, так, и только так. Но это лишь начало постижения

картины, начало размышления, которого требует от нас художник. Для «литературного» истолкования нужно было бы «написать» целую поэму о руках старика и взгляде мальчика, «поразмышлять» о психологических тонкостях в отношениях поколений, о начале жизни и ее конце, о сложности и многообразии бытия... Но разве сама картина не сказала ровно столько, чтобы заставить нас чувствовать то, что чувствует художник?

Алловсат Алиев живет в азербайджанском селении Бузовны, на берегу Каспия. Запах скипидара и красок, столь свойственный мастерской художника, настоян в его доме на запахах деревни. Как человек, как живописец, он прирос к этой земле, и творчество его пустило в эту землю глубокие и крепкие корни. Не случайно в «крестьянских» картинах художника обычно нет действия как такового, нет столь любимой иными художниками кульминации «прекрасного мгновения», даже простого движения живописец как

бы сознательно избегает. Алиев показывает глубинные процессы крестьянского труда, духовную его сущность. Вот почему таким сильным мотивом звучит в его картинах изначальная связь человека с землей, причем для выражения этой мысли художник аскетически ограничивает себя в средствах, в отборе деталей — они всегда у него скупые и необходимые.

«Азербайджанское селение» — по жанру чистый пейзаж. Но перед этим внешне статичным безлюдным пейзажем хочется поразмышлять о земле, о человеке, о прекрасном и нелегком его труде, потому что за всем этим есть главное — искреннее отношение художника к жизни.

Даже по представленным здесь немногим картинам Алловсата Алиева можно судить, что поэзия его живописи — тематики, сюжетов, мироощущения, наконец, — сродни его палитре: горяча, напряженна, даже сурова порой, как сама жизнь.

Алексей ВЛАДИМИРОВ